



EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS  
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

**ДЕЛО ДАВЫДОВА И ДРУГИХ ПРОТИВ УКРАИНЫ**

*(Заявления №№ 17674/02 и 39081/02)*

РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

1 июля 2010

**ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ**  
**01/10/2010**

*Это решение станет окончательным при условиях, изложенных в статье 44 § 2 Конвенции. Оно может быть отредактировано*



**По делу Давыдова и других против Украины,**

Европейский Суд по правам человека (Пятая секция), заседая Палатой в составе:

Peer Lorenzen, *председатель,*

Renate Jaeger,

Karel Jungwiert,

Volodymyr Butkevych,

Rait Maruste,

Mark Villiger,

Isabelle Berro-Lefèvre, *судьи,*

и Claudia Westerdiek, *секретарь секции,*

После обсуждения за закрытыми дверями 18 мая 2010 года,

Провозглашает следующее решение, принятое в этот день:

**ПРОЦЕДУРА**

1. Дело было открыто по двум заявлениям (№№ 17674/02 и 39081/02) против Украины, поданным в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция»)<sup>1</sup> 13 украинскими гражданами, отбывавшими во время подачи заявлений наказание в Замковой исправительной колонии № 58 (далее – «Замковая колония»), расположенной в г. Изяслав Хмельницкой области.

Заявители:

– Г-н Сергей Викторович Давыдов, первый заявитель, родился в 1963 году, ранее четырежды судим, в настоящее время отбывает наказание в Лычаковской колонии № 30;

– Г-н Виталий Владимирович Ильченко, второй заявитель, родился в 1975 году, дважды осужден за убийство и хулиганство, отбывает 15-летнее заключение в колонии № 52 г. Енакиево;

– Г-н Сергей Яковлевич Гоменюк, третий заявитель, родился в 1967 году, освобожден после отбытия 12-летнего заключения, к которому он был приговорен за совершение различных уголовных преступлений;

– Г-н Геннадий Юрьевич Друзенко, четвертый заявитель, родился в 1962 году, освобожден после отбытия наказания в Замковой колонии в ноябре 2003 года;

– Г-н Н.Н. Мартов, пятый заявитель, родился в 1949 году, освобожден после отбытия наказания в 2004 году;

---

1. Дело первоначально называлось *Друзенко и другие против Украины (Druzenko and Others v. Ukraine)* ((dec.), nos. 17674/02 and 39081/02, 15 January 2007). Однако название было изменено, так как первый заявитель, г-н Друзенко, отказался от своего заявления.

- Г-н Салов, шестой заявитель, родился в 1940 году, освобожден после отбытия наказания в декабре 2001 года, умер в 2004 году;
- Г-н Литвинов, седьмой заявитель, родился в 1962 году, отбывает 20-летнее заключение в Замковой колонии;
- Г-н А.И. Миронов, восьмой заявитель, родился в 1962 году, отбывает 7-летнее заключение в Замковой колонии;
- Г-н В.В. Кулик, девятый заявитель, родился в 1968 году, отбывает 10-летнее заключение в Замковой колонии;
- Г-н В.Н. Кузьменко, десятый заявитель, находится под стражей во время предварительного следствия в СИЗО г. Луганска;
- Г-н О.А. Киселев, одиннадцатый заявитель, отбывает наказание в колонии г. Бердичева № 70;
- Г-н Олег Диденко, двенадцатый заявитель, отбывает наказание в Замковой колонии;
- Г-н Леонид Швец, тринадцатый заявитель, отбывает наказание в Замковой колонии.

Первый и второй заявители подали свои заявления 27 июня 2001 года. Третий и четвертый заявители подали свои заявления 24 марта 2002 года. Остальные девять заявителей подали свои заявления в различные сроки между 27 июня 2001 года и 24 марта 2002 года.

2. Всех заявителей первоначально представлял в суде г-н Геннадий Жердев, правозащитник из Киева. Доверенностями от 17 января 2006 первый, второй и третий заявители, которым была предоставлена оплата правовой помощи, уполномочили г-на Аркадия Бущенко, адвоката, практикующего в Харькове, представлять их интересы в Суде.

3. Украинское правительство (далее – «Правительство») представлял его уполномоченный, г-н Юрий Зайцев.

4. Заявители утверждали, в соответствии со статьями 3 и 13 Конвенции, что они подверглись жестокому обращению со стороны сотрудников специального подразделения милиции «Беркут» во время отбывания заключения, и что эффективное расследование этих утверждений не было проведено. Кроме того, они жалуются, что на протяжении всего их заключения они не получали продуктовые посылки от родственников и необходимую медицинскую помощь. Их камеры не отапливались, поскольку в Замковую колонию не поставляли уголь. Продукты, которые выдавали заявителям и продавали в тюремных магазинах, были низкого качества и были непригодны к употреблению, поскольку они были произведены в 1980-х и 1990-х годах. Сотрудники колонии пользовались широким усмотрением при принятии решений о применении дисциплинарных санкций к заключенным, в частности помещении их в дисциплинарный изолятор или карцер. Кроме того, заявители жалуются, что некоторых из них помещали в дисциплинарный изолятор, чтобы помешать им жаловаться в различные национальные и

международные органы в связи с применением пыток и жестокого обращения со стороны сотрудников спецподразделения «Беркут». Они также утверждают, что у них не было эффективных и доступных средств обжалования решений о помещении их в дисциплинарный изолятор. Заявители также жалуются на вмешательство в их корреспонденцию и незаконное нарушение их права на подачу индивидуальной жалобы. В этой связи они ссылаются на статьи 8 и 34 Конвенции, соответственно.

5. 15 января 2007 года Суд принял окончательное решение о приемлемости дела и признал жалобы заявителей по статьям 3, 8, 13 и 34 приемлемыми, назвав дело *Друзенко и другие против Украины (Druzenko and Others v. Ukraine ((dec.), nos. 17674/02 and 39081/02, 15 January 2007)*. Суд также решил объединить заявления №№ 17674/02 и 39081/02 (правило 42 § 1). Он также решил присоединить к существу дела запрос Правительства об исключении жалоб, поданных 10 заявителями, из списка дел Суда, а также возражения Правительства в отношении исчерпания национальных средств правовой защиты.

6. Принимая во внимание спор о фактах между сторонами относительно обстоятельств учений спецподразделений милиции в Замковой колонии, и жалобы на жестокое обращение с заключенными в ходе этих учений, Суд провел расследование в соответствии со статьей 38 § 1(a) Конвенции. Суд назначил делегатами трех судей, г-на Райта Марусте, г-жу Ренату Яегер и г-на Владимира Буткевича, и поручил им получить свидетельские показания в ходе слушаний, проведенных в помещении Хмельницкого областного апелляционного суда в г. Хмельницкий 25-27 июня 2007 года, а также посетить Замковую колонию, расположенную в г. Изяслав, 27 июня 2007 года.

7. Делегаты получили показания трех заявителей и 15 свидетелей, вызванных сторонами и Судом. Отчет о показаниях свидетелей, полученных делегатами, был подготовлен Секретариатом и включен в материалы дела. Кроме того, делегаты посетили Замковую колонию, осмотрели ее и изучили соответствующие документы.

8. В ходе получения доказательств в Хмельницком областном апелляционном суде г-ну Зайцеву помогали г-н Алексей Гоцул, г-н Назар Кульчицкий и г-жа Людмила Шевчук из секретариата Уполномоченного, все – сотрудники Министерства юстиции, г-н Александр Кислов и г-н Алексей Двойнос из Государственного департамента по вопросам исполнения наказаний (далее – «Департамент») и г-н Руслан Писаренко из Хмельницкой областной прокуратуры.

9. Представителю заявителей г-ну Бущенко в ходе получения доказательств помогала г-жа Айгуль Муканова, юрист, практикующий в Харькове.

10. Заявитель и Правительство представили свои замечания по существу дела (правило 59 § 1). После консультаций со сторонами, Палата приняла решение, что слушание по существу дела не требуется (правило 59 § 3 *in fine*). Стороны в письменной форме ответили на замечания друг друга и высказали свои замечания по поводу отчета, составленного Секретариатом. Заявители выдвинули требования о справедливом возмещении, а Правительство-ответчик изложило свои замечания по этому поводу (правило 60 §§ 1 и 4).

## ФАКТЫ

### I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

- A. Общая информация относительно обстоятельств дела
- B. Факты в изложении сторон
- C. Устные показания
- D. Описание и условия содержания в Замковой колонии
- E. Документы, представленные сторонами

11. Во время событий, которых касаются жалобы заявителей, большинство заявителей содержались в Замковой колонии (см. параграф 4 выше).

#### **A. Общая информация относительно обстоятельств дела**

12. Стороны спорят о фактах, связанных с предполагаемым жестоким обращением с заявителями со стороны спецподразделений в ходе проведения двух учений этих спецподразделений, а именно 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года, во время заключения заявителей в Замковой колонии г. Изяслав Хмельницкой области и способа проведения этих учений, а также расследования обстоятельств этих событий.

13. Расхождения в изложении фактов данного дела можно резюмировать следующим образом.

14. Утверждения заявителей о проведении учений специальных подразделений оспариваются Правительством, которое в своих замечаниях по приемлемости заявлений поданных 28 марта 2006 года, опирается на краткое изложение фактов, составленное Секретариатом Суда. Одновременно Правительство заявляет, что специальные тактические учения в Замковой колонии 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года проводились без участия заключенных и не были связаны с заявителями (см. параграф 17 ниже). Кроме того, Правительство заявило, что нет никаких доказательств жестокого обращения

с заявителями. Версия событий на основании утверждений заявителей и отрицания Правительством этих предполагаемых фактов, изложена в решении по приемлемости от 15 января 2007 года.

15. До начала заслушивания свидетелей по данному делу свидетели со стороны Правительства сделали письменные заявления, в которых большинство из них признали, что 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года в Замковой колонии проводились плановые обыски и учения. Однако они категорически отрицали участие спецподразделений в обысках жилых помещений в Замковой колонии, которые проводились только сотрудниками колонии. Свидетели со стороны Правительства в основном подчеркивали, что тактические учения в Замковой колонии не были связаны с заключенными и были организованы как сугубо внутренние учения для сотрудников Департамента, в которых участвовали лишь соответствующие сотрудники.

16. На основании устных показаний заявителей и свидетелей, которые были даны в ходе слушания, делегатами установили дополнительные факты. В частности, было установлено, что некоторые подразделения быстрого реагирования, в том числе Житомирское спецподразделение быстрого реагирования Департамента (далее – «Житомирское спецподразделение»), принимали участие в учениях 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года. Также после посещения Замковой колонии 27 июня 2007 года и изучения замечаний, представленных сторонами после слушания, были выявлены дополнительные фактические и правовые элементы дела.

17. После устного слушания Правительство вновь заявило, что, исходя из заслушанных показаний, специальные подразделения не принимали участия в учениях, так как подразделениям милиции запрещено участвовать в подобных мероприятиях Департамента, а Департаменту запрещено использовать такие подразделения милиции. Кроме того, Правительство утверждает, что спецподразделения никогда не входили в жилую зону Замковой колонии. Заявители настаивают на своем изложении фактов.

18. Исходя из вышеизложенного, Суд столкнулся с несколькими различными версиями фактов. В частности, в ходе рассмотрения настоящих заявлений и миссии по установлению фактов, организованной в данном случае, были обнаружены дополнительные факты. Таким образом, Суд кратко опишет эти утверждения о фактах, проведет оценку доказательств, собранных на каждой стадии производства, и примет собственные окончательные выводы относительно фактических обстоятельств дела.

19. Факты, первоначально представленные заявителями, не оспариваемые Правительством и изложенные в решении

по приемлемости дела, приводятся в разделе В, подраздел 1 ниже (см. параграфы 21-25 ниже).

Краткое изложение фактов, представленных Правительством, приводится в разделе В, подраздел 2 (см. параграфы 26-31 ниже).

20. Устные показания свидетелей, полученные делегатами Суда в ходе слушаний в Хмельницком, приводятся в Приложении к настоящему решению (см. ниже), которое также упоминается в разделе С, подраздел 1 (см. параграфы 32-33 ниже). Комментарии сторон по поводу отсутствия конкретных свидетелей и устные свидетельства приведены в разделе С, подразделы 2 и 3 (см. соответственно параграфы 34-37 и 38-42 ниже).

Описание Замковой колонии и краткое изложение аргументов сторон в отношении условий содержания под стражей можно найти в разделе D, подразделы 1 и 2-3, соответственно (см. параграфы 43-50 ниже).

Краткое изложение документов, представленных сторонами на устном слушании (см. параграфы 52-64 ниже), перечень документов, запрошенных Судом по итогам устного слушания (см. параграф 65 ниже), а также вещественные и документальные свидетельства, представленные по итогам устного слушания (см. параграфы 66-80 и 81-83 ниже), можно найти в разделе E, подразделы 1, 2 и 3-4 соответственно.

Резюме расследований, проведенных Генеральной прокуратурой (параграфы 84-97 ниже), документальных свидетельств, касающихся расследования Департамента (см. параграф 98 ниже) и рассмотрения жалоб г-на Жердева (см. параграфы 99-100 ниже), содержатся в разделе E, подразделы 5, 6 и 7 соответственно.

## **В. Факты в изложении сторон**

1. Краткое изложение фактов, представленных в решении по приемлемости
2. Аргументы Правительства в отношении фактов

### *1. Краткое изложение фактов, представленных в решении по приемлемости*

21. Соответствующие выдержки из обстоятельства дела, изложенные заявителями и представленные в решении по приемлемости (см. *Druzenko and Others v. Ukraine*, nos. 17674/02 and 39081/02, 15 January 2007) таковы.

22. Первые учения начались около 10 утра 30 мая 2001 года. В камеры Замковой колонии ворвались бойцы спецподразделения «Беркут», которые подвергли заявителей жестокому обращению. Спецподразделение действовало под контролем начальника Замковой колонии г-на Снегиря, а также сотрудников колонии г-на Мазуренко и



г-на Мазепы. Они атаковали примерно 120 заключенных и обыскали их. В конце этой процедуры заключенных спросили, имеются ли у них какие-либо конкретные жалобы на действия сотрудников милиции. В присутствии сотрудников спецподразделения никто не изъявил готовности жаловаться на их действия начальнику Замковой колонии.

23. После учений 30 мая 2001 года несколько заявителей направили безуспешные жалобы в Верховный суд, Генеральную прокуратуру (далее – «ГП»), Хмельницкую областную прокуратуру и Департамент на вышеупомянутые действия сотрудников спецподразделения и жестокое обращение с их стороны. Заявители также высказали целый ряд жалоб по поводу условий их содержания.

24. Что касается вторых учений, в решении по приемлемости отмечается, что они начались в 11 часов вечера 28 января 2002 года, когда 14 камер Замковой колонии (камеры 1-12, 19 и 29), где находилось около 100 заключенных, подверглись атаке со стороны спецподразделения «Беркут».

25. После этих учений некоторые из заявителей отправили несколько безуспешных жалоб в различные государственные органы. В своих дальнейших жалобах в различные инстанции заявители отмечали, что им были нанесены тяжкие телесные повреждения. Они также жаловались, что пострадавшим, в том числе заявителям, так и не была оказана медицинская помощь, а также что в результате этих действий заявители г-н Литвинов, г-н Миронов, г-н Салов и г-н Кузьменко получили травмы. За нападением наблюдал местный прокурор г-н Волков, его заместитель г-н Стасюк и неустановленное лицо. В одном из ответов, адресованном заявителям, Генеральная прокуратура сообщила им, что 29 января 2002 года Департамент проводил учения, направленные на обучение персонала, поиск и изъятие запрещенных предметов, таких как оружие, наркотики, поиск путей побега, проверку сетей водоснабжения, энергоснабжения и других инженерных коммуникаций. ГП заявила, что жалобы заявителей на жестокое обращение со стороны «Беркута» являются полностью необоснованными.

## *2. Аргументы Правительства в отношении фактов*

- (а) Первые и вторые учения в Замковой колонии
- (б) Расследование событий, связанных с учениями

### **(а) Первые и вторые учения в Замковой колонии и причинение повреждений заявителям**

26. В своих замечаниях от 28 марта 2006 года по приемлемости дела и до вынесения решения по вопросу о приемлемости дела (см. параграф 14 выше), Правительство заявило, что оно опиралось на факты, обобщенные секретариатом Суда. Тем не менее, оно оспорило ряд фактов, на которые ссылались заявители. В частности, оно

оспорило описание того, каким образом были организованы учения, утверждало, что заключенные не участвовали ни в одном из учений и что оба учения проводились за пределами жилой зоны Замковой колонии.

27. Правительство утверждает, что в отношении заключенных, и, в частности, в отношении заявителей, сила не применялась. Кроме того, оно утверждает, что ни один из заявителей, находившихся под стражей в Замковой колонии во время учений и последующих обысков 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года, не был травмирован и что никто из них не обращался за медицинской помощью.

28. Правительство заявило, что заявители г-н Давыдов, г-н Ильченко и г-н Гоменюк получили необходимую и своевременную медицинскую помощь, соответствующую их состоянию здоровья.

29. Кроме того, Правительство утверждает, что учения были организованы в рамках государственного плана действий по обеспечению эффективного функционирования пенитенциарной системы, для предотвращения побега из колонии, массовых беспорядков, совершения преступных деяний против администрации или других заключенных и т.п. Эти учения были законными, и план учений был утвержден заранее органами прокуратуры, осуществляющими надзор над законностью исполнения наказаний. Они также подтвердили, что прокурор посетил учения в целях предотвращения возможных нарушений закона и рассмотрения на месте возможных жалоб. Он не нашел нарушений закона в ходе учений, проведенных 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года.

**(б) Расследование событий, связанных с учениями**

30. Правительство заявило, что жалобы заявителей на бесчеловечные условия содержания под стражей и применение силы спецподразделением милиции, как утверждается, подразделением «Беркут», были должным образом рассмотрены прокурором по надзору за законностью исполнения наказаний. В частности, оно заявило, что в 2001 году в Замковой колонии было проведено 27 проверок, в результате которых 29 должностных лиц подверглись различным санкциям, а в 2002 году – 29 проверок, в результате которых 44 должностных лица подверглись различным санкциям. Например, 13 марта 2001 прокурор г. Шепетовка приказал начальнику Замковой колонии пересмотреть рацион питания, гигиенические и другие условия в колонии, поскольку они не соответствовали национальному законодательству. Таким образом, жалобы в прокуратуру, несмотря на отказ в возбуждении уголовного дела по жалобам заявителей на жестокое обращение, были эффективным средством защиты. В отношении данных жалоб, Правительство заявило, что второй заявитель безуспешно подавал жалобы в Генеральную прокуратуру только дважды – 10 июля и 14 октября

2001 года. Что касается третьего заявителя, он жаловался только в областную прокуратуру, а не в Генеральную прокуратуру. Кроме того, рассмотрение жалоб заявителей привело к выводу, что они являются необоснованными. Далее, Правительство утверждает, что все жалобы были надлежащим образом рассмотрены национальными властями, которые быстро направили заявителям и их представителю г-ну Жердеву соответствующие ответы.

31. Правительство настаивает, что из первых трех заявителей только г-н Давыдов был помещен в штрафной изолятор. Он был помещен в штрафной изолятор 14 июля 2001 года, ему было назначено наказание в виде одиночного заключения в камере штрафного изолятора в течение 15 суток. Оно утверждает, что дисциплинарные меры (изменение режима содержания на более строгий) вводились в отношении заявителя два раза – 29 июля 2001 года и 30 января 2002 года по причине его отказа проживать вместе с другими заключенными и его угроз совершить уголовное преступление.

### **С. Устные показания**

1. Краткое изложение устных показаний
2. Отсутствующие свидетели
3. Комментарии сторон по поводу устных показаний

#### *1. Краткое изложение устных показаний*

32. Поскольку факты данного дела оспариваются сторонами, Суд провел на месте расследование с помощью одной из сторон. В этой связи 25-27 июня 2007 года три делегата Суда получили устные показания 22 свидетелей по следующим вопросам:

(а) обстоятельства жестокого обращения с заявителями со стороны спецподразделения Департамента и действия спецподразделения – заявители, свидетели, предложенные заявителями (г-н В. Диденко, г-н Михайленко, г-н Тишалков, г-н Гетманский), свидетель, предложенный Правительством (г-н Шедко)<sup>1</sup>, г-н Левенцов<sup>2</sup> (бывший первый заместитель начальника регионального департамента пенитенциарных учреждений), г-н Снегирь<sup>3</sup> (бывший начальник Замковой колонии) и г-н Ильтяй<sup>4</sup> (первый заместитель начальника Департамента);

(б) расследование утверждений заявителей о жестоком обращении и дисциплинарные санкции, примененные к ним – заявители, г-н Бухер<sup>5</sup>

<sup>1</sup> См. резюме устных показаний этих свидетелей в параграфах 24-49 Приложения к решению.

<sup>2</sup> См. параграфы 88-94 Приложения.

<sup>3</sup> См. параграфы 95-101 Приложения.

<sup>4</sup> См. параграфы 102-108 Приложения.

<sup>5</sup> См. параграфы 59-63 Приложения.

(областной прокурор), г-н Волков<sup>1</sup> (местный прокурор) и г-н В. Диденко<sup>2</sup>;

(с) медицинская помощь, оказанная заявителям – заявителями, г-н В. Диденко, г-н Михайленко, г-н Тишалков, г-н Шедко, г-н Гетманский<sup>3</sup> и г-н Бондарь<sup>4</sup> (начальник медсанчасти Замковой колонии);

(d) условия содержания под стражей в Замковой колонии – г-н Клипатский, г-н Шацкий, г-н Злотенко, г-н Заремский<sup>5</sup> (сотрудники Замковой колонии во время событий), заявители, г-н В. Диденко, г-н Михайленко, г-н Тишалков, г-н Шедко и г-н Гетманский<sup>6</sup>.

33. Еще шесть свидетелей были вызваны, но не явились (см. параграфы 34-37 ниже). Четверо из этих свидетелей ранее работали в Департаменте. В отношении их отсутствия Правительство заявило в ходе слушаний, что, поскольку эти отсутствующие свидетели уволились и более не являются государственными служащими, Правительство не в состоянии определить их местонахождение. Все свидетели, допрошенные делегатами, дали предварительные письменные показания лично или через своих представителей, и эти заявления были присоединены к материалам дела. Краткое изложение свидетельских показаний можно найти в Приложении к решению.

## *2. Отсутствующие свидетели*

### **(а) Отсутствие г-на Друзенко (четвертого заявителя)**

34. Правительство заявило, что оно послало повестку по указанному адресу, который был адресом представителя заявителей г-на Бущенко. Согласно информации, изначально предоставленной г-ном Бущенко, этот заявитель находится под контролем Правительства, поскольку он содержался в СИЗО № 21 г. Одессы. Г-н Бущенко заявил, что в последний раз он общался с заявителем через адрес этого следственного изолятора. Он не имел никаких дальнейших контактов с заявителем и утверждал, что он не знает точного адреса заявителя и безуспешно пытался связаться с ним по телефону и по почте. Правительство не предоставило никакой информации о том, где находился заявитель после его последнего контакта с г-ном Бущенко через СИЗО № 21, или о каких-либо мерах, принятых ими для установления его местонахождения.

<sup>1</sup> См. параграфы 64-70 Приложения.

<sup>2</sup> См. параграфы 24-30 Приложения.

<sup>3</sup> См. параграфы 24-49 Приложения.

<sup>4</sup> См. параграфы 50-58 Приложения.

<sup>5</sup> См. параграфы 71-87.

<sup>6</sup> См. резюме устных показаний этих свидетелей в параграфы 24-49 Приложения к решению.

**(b) Отсутствие г-на Гайдамаки, г-на Мазепы, г-на Мазуренко, г-на Пилипенко и г-на Захарова**

35. Г-н Кислов, майор Департамента, который помогал уполномоченному Правительства в ходе слушаний, заявил, что местонахождение г-на Гайдамаки и г-на Мазуренко неизвестно. Г-н Кислов также отметил, что эти свидетели являются бывшими сотрудниками Департамента, ушедшими в отставку. Он отметил, что он лично беседовал с г-ном Гайдамакой и г-ном Мазуренко до начала слушаний. Они получили повестки о явке и подписали их. Один из них находился где-то в Крыму. Местонахождение г-на Пилипенко и г-на Мазепы было неизвестно Правительству; оба они жили где-то в Киеве. Г-н Пилипенко работал в частной фирме в Киеве. Ему также была отправлена повестка. Что касается г-на Захарова, г-н Кислов отметил, что его невозможно найти.

**(c) Первоначальное отсутствие г-на Гетманского**

36. Сначала майор Кислов заявил, что власти не могут найти одного из бывших заключенных Замковой колонии, г-на Гетманского, так как его местонахождение неизвестно Правительству. После того, как г-н Бущенко сообщил Правительству дополнительную информацию, г-н Гетманский предстал перед делегатами.

**(d) Отсутствие г-на Костенко**

37. Г-н Бущенко, представитель заявителей, заявил, что повестка была отправлена этому свидетелю, бывшему заключенному Замковой колонии, но адвокат не смог связаться с ним, хотя ранее он подтвердил, что предстанет перед делегатами.

*3. Комментарии сторон по поводу устных показаний*

**(a) Правительство**

38. Правительство считает, что из-за ряда противоречий и несоответствий в показаниях (как в общем, так и в деталях), полученных во время допроса пяти бывших заключенных Замковой колонии и трех заявителей, заявители не смогли доказать, что они были избиты в колонии 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года. Таким образом, заявители не могут претендовать на статус жертвы в связи с какими-либо видами жестокого обращения.

39. В частности, в отношении событий 30 мая 2001 года, Правительство утверждает, что:

– утверждения первого заявителя являются непоследовательными и неправдивыми;

– заявления, касающиеся описания формы так называемого спецподразделения, которые проводили обыск, данные первым и вторым заявителями, г-ном Диденко, г-ном Михайленко,

г-ном Тишалковым и г-ном Гетманским также являются неправдивыми и содержат множество несоответствий;

– утверждения первого и второго заявителей о том, что так называемые члены спецподразделения, которые проводили обыск в жилых помещениях Замковой колонии, были вооружены автоматами, противоречат заявлениям, сделанным г-ном Михайленко и г-ном Тишалковым, которые упомянули, что солдаты были не вооружены;

– заявления г-на Гетманского о холостых выстрелах из автоматического оружия являются недостоверными, так же, как и другие детали, касающиеся проведения учений;

– заявления г-на Гетманского относительно травм третьего заявителя не соответствуют действительности и противоречат сами себе;

– заявления г-на Михайленко о жестоком обращении с заключенными в ходе учений не соответствуют действительности, так как он физически не мог ничего видеть из-за закрытой двери камеры;

– противоречия в утверждениях второго заявителя, г-на В. Диденко и г-на Гетманского о том, что им было заранее известно об учениях, противоречат утверждениям первого заявителя и г-на Тишалкова о том, что они ничего не знали об учениях.

40. В отношении свидетельских показаний о событиях учений 29 января 2002 года Правительство настаивает, что:

– утверждения первого заявителя относительно холостых выстрелов из автоматического оружия являются неправдивыми;

– расследование жалоб заявителей было проведено в соответствии с требованиями статьи 3 Конвенции;

– заявления г-на Диденко, г-на Гетманского, первого и второго заявителей относительно того, получил ли травмы кто-либо из заключенных, и сколько их было, а также относительно того, была ли им оказана медицинская помощь, также не соответствуют действительности, особенно с учетом отсутствия медицинских свидетельств, в том числе документальных, и свидетельских показаний г-на Бондаря.

41. Правительство пришло к выводу, что противоречивые заявления по поводу присутствия спецподразделения в жилой зоне, жестокого обращения с заключенными со стороны этого так называемого спецподразделения, избиения заключенных членами этого спецподразделения и неоказания медицинской помощи заявителям и другим заключенным, ясно показывают, что все эти заявления являются неправдивыми. По мнению Правительства, единственные правдивые, последовательные и логичные, и, следовательно, надежные показания были даны г-ном Шедко, свидетелем со стороны Правительства и бывшим заключенным Замковой колонии.

Правительство пришло к выводу, что в деле нет никаких фактов, свидетельствующих о том, что имело место какое-либо нарушение положений Конвенции.

**(b) Заявители**

42. Заявители не согласны с замечаниями Правительства и отмечают, что расхождения, если таковые имеются, в показаниях заявителей и свидетелей-заключенных касаются только мелких деталей событий и не подрывают общую достоверность показаний заявителей и их свидетелей во время миссии Суда по установлению фактов в июне 2007 года.

**D. Описание и условия содержания в Замковой колонии**

*1. Описание Замковой колонии № 58*

43. Замковая колония, где содержались заявители, является колонией строгого режима, где в основном содержатся мужчины, приговоренные к пожизненному заключению или продолжительным срокам наказания за тяжкие уголовные преступления. Она состоит из двух основных, отделенных друг от друга охраняемых зон – жилой зоны и промышленной зоны. Жилая зона включает, в частности, следующие основные здания:

– административный корпус, включающий штаб, медицинскую и охранную часть и прачечную;

– сектор повышенной безопасности, где находится тюрьма для заключенных, приговоренных к пожизненному заключению, и прогулочные дворики для этих заключенных;

– тюремный магазин, столовая, котельная, мини-пекарня и оздоровительный клуб для заключенных;

– историческое здание бывшего монастыря бернардинцев, построенное в 1610 году (бывшая римско-католическая церковь), которую заключенные называют «Монастырем» или «Обителью», включающее крыло режима повышенной безопасности, а также камеры строгого режима, ресоциализации, карантина, диагностики и распределения;

– здание изолятора, где находятся изоляторы различных режимов содержания под стражей (включая карцеры, ДИЗО или дисциплинарный изолятор, штрафной изолятор или ШИЗО, и одиночные камеры или камеры ПКТ, так называемые отдельные одиночные камеры и помещения камерного типа.

В промышленной зоне находятся, в частности:

– контрольно-пропускной пункт (КПП) и ворота для въезда автомобильного транспорта;

- 4 строительных зоны, углекислотная станция и производственные цеха №№ 1 и 2;
- местное бытовое предприятие и теплица;
- деревообрабатывающие и столярные мастерские в цехе № 1.

## *2. Аргументы Правительства*

44. По данным Правительства, в 2001-2002 годах в Замковой колонии содержалось 600 заключенных, при общей площади камер 1,845.7 м<sup>2</sup> (жилые помещения, исключая коммунальные помещения для заключенных). Таким образом, на одного заключенного в камере приходилось 3,07 м<sup>2</sup> площади, что не меньше 2,5 м<sup>2</sup> на одного заключенного, как и было предусмотрено законом на то время.

45. В частности, 230 заключенных содержались в условиях строгого режима (режим тюремного содержания), где имелось 684,5 м<sup>2</sup> общей жилой площади, т.е. 2,97 м<sup>2</sup> на одного заключенного.

46. Около 130 заключенных содержались в помещениях камерного типа (тюремные помещения камерного типа для нескольких заключенных, режим камерного содержания), где имелось 434,1 м<sup>2</sup> общей жилой площади, т.е. 3,3 м<sup>2</sup> на человека.

47. Кроме того 240 лиц содержались в общих камерах, имеющих общую площадь 727,1 м<sup>2</sup>, т.е. 3,02 м<sup>2</sup> на одного заключенного.

48. Что касается дисциплинарных изоляторов и карцеров, в Замковой колонии имеется 12 ШИЗО или карцеров (55,2 м<sup>2</sup> общей площади на 12 заключенных), одиночные камеры или отдельные одиночные камеры и ПКТ (285,7 м<sup>2</sup> общей площади на 58 заключенных).

## *3. Аргументы заявителей*

49. Заявители утверждают, что их держали в переполненных камерах, где на одного заключенного приходилось примерно 3 м<sup>2</sup> площади. По словам заявителей, их камеры не отапливались из-за нехватки угля, который, как утверждается, не поставлялся в Замковую колонию. Продукты, которые выдавались заявителям и продавались в тюремных магазинах, были низкого качества и уже непригодны к употреблению, так как они были произведены в 1980-х и 1990-х годах.

50. Заявители жалуются, что на протяжении всего их заключения они не получали продуктовых посылок от родственников и им не оказывалась медицинская помощь. Сотрудники колонии пользовались широким усмотрением в решениях о применении дисциплинарных санкций к заключенным, в частности помещении их в одиночные камеры.



### **Е. Документы, представленные сторонами**

1. Планы учений, утвержденные областным управлением Департамента и начальником Замковой колонии
2. Запрос Суда о предоставлении дополнительных документов
3. Документы, предоставленные Правительством
4. Документы о подготовке учений, представленные Департаментом
5. Расследование, проведенное Генеральной прокуратурой
6. Документы, касающиеся расследования Департамента
7. Рассмотрение жалоб г-на Жердева начальником Замковой колонии

51. Стороны представили различные документы, касающиеся учений, проводившихся 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года. Имеющие отношение к делу документы, правила и выписки из них, предоставленные сторонами до и после слушаний, кратко изложены ниже.

*1. Планы учений, утвержденные областным управлением  
Департамента и начальником Замковой колонии*

- (a) План № 1
- (b) План № 2
- (c) План № 3
- (d) План № 4
- (e) План № 5
- (f) План № 6

**(a) План учений, утвержденный областным управлением Департамента  
25 мая 2001 года (План № 1)**

52. План учений «О действиях администрации колоний совместно со специальными подразделениями Департамента и отрядами быстрого реагирования областных управлений с целью нейтрализации ситуаций, связанных с захватом преступниками заложников, и проведения общего обыска в помещениях, занимаемых заключенными в жилой зоне» (далее – «План № 1»), относящийся к первым учениям, состоявшимся 30 мая 2001 года в Замковой колонии, был утвержден 25 мая 2001 года главой Хмельницкого областного управления Департамента и прокурором Хмельницкой областной прокуратуры по надзору за законностью исполнения наказаний.

53. Следующие подразделения участвовали в общих учениях: персонал Замковой колонии, Житомирское спецподразделение и отряды быстрого реагирования исправительных учреждений №№ 31, 58 и 98. Одной из целей учений, согласно плану, было обучение персонала Замковой колонии и отряда быстрого реагирования проведению обыска в помещениях, занимаемых заключенными, и личного досмотра заключенных.

54. Специальные средства, используемые при учениях: оружие, специальное снаряжение, средства индивидуальной защиты, служебные собаки, автомобильный транспорт, планы действий в чрезвычайных обстоятельствах и диаграммы.

55. В Плане № 1 содержится информация об оперативной обстановке в украинской пенитенциарной системе в целом и в пенитенциарных учреждениях области; обстановка считается проблематичной. Указывается, что исправительные учреждения области, как правило, переполнены, что препятствует эффективному исполнению наказаний. Кроме того, отмечено, что обыски с целью выявления запрещенных предметов в этих исправительных учреждениях стали менее эффективными.

Учения планировалось проводить в четыре этапа:

– с 5 часов утра до 8 часов утра – общее собрание участников учений в клубе для персонала колонии и заключенных;

– с 8 часов утра до 10 часов утра – вход совместного отряда в колонию (зону охраняемого объекта), блокирование изолированных секторов колонии и проведение общего избирательного обыска в изолированных секторах колонии;

– с 10 часов утра до 11:30 утра – проведение операции по освобождению «заложников» специальным подразделением и отрядами быстрого реагирования;

– с 11:30 утра до 12:30 утра – общее собрание всех участников в клубе для персонала колонии и заключенных, обсуждение учений и общие выводы относительно их проведения.

**(б) План учений (План № 2), утвержденный первым заместителем начальника областного управления Департамента (в связи с первыми учениями)**

56. В соответствии с планом «Проведение практических учений в Изяславской колонии № 31 и Замковой колонии № 58» (далее – «План № 2»), который был утвержден 30 мая 2001 года, основная цель обыска состояла в предоставлении специальному подразделению практической возможности руководить персоналом пенитенциарного учреждения и группой быстрого реагирования в чрезвычайных обстоятельствах. В учениях принимали участие группы, ответственные за блокирование, документирование, медицинскую помощь, сопровождение и обыск, а также специальные и резервные группы. Всего участвовал 231 человек, в том числе 18 членов специального подразделения. В учениях принимали участие также члены отрядов быстрого реагирования Замковой колонии, Изяславской колонии № 31 и Шепетовской колонии № 98. Члены специального подразделения имели при себе 4 автомата, 4 пистолета и петарды. Их снаряжение включало каски, бронежилеты, резиновые дубинки, слезоточивый газ («черемуха») и наручники. Члены других подразделений использовали

шлемы (каска с забралом) или мотошлемы, бронежилеты, щиты, резиновые дубинки, слезоточивый газ и наручники. В распоряжении подразделений также имелись 3 специальных транспортных средства, 10 служебных собак и 2 видеокамеры. После учений по освобождению заложников, специальное подразделение должно было отбыть на свою базу.

**(с) План учений (План № 3), утвержденный начальником Замковой колонии (в связи с первыми учениями)**

57. В соответствии с планом проведения общего обыска в Замковой колонии (далее – «План № 3»), который был утвержден 30 мая 2001 года, обыск должен был начаться в 8 часов утра и закончиться в 12 часов. В общей сложности 76 сотрудников Замковой колонии должны были участвовать в общем обыске. Сотрудники, задействованные в обыске, были разделены на девять смешанных групп, с разными руководителями, которые проводили общий обыск в жилой и промышленной зонах Замковой колонии. Большинство сотрудников в составе этих групп участвовали в обыске и жилой, и промышленной зоны.

58. Обыск был проведен в следующих помещениях: цех № 1 (группа № 1); отделения №№ 1 и 2 (группы №№ 2 и 3); отделения №№ 1, 4, 7, камеры «Монастыря» №№ 1, 2, 3, 4 (группа № 4); столовая, медицинская часть, котельная, санитарный сектор, строительная зона (группа № 5); камеры строгого режима – ШИЗО (карцер), ОК (раздельные одиночные камеры), камеры строгого режима; камеры общего режима (группа № 7); зоны №№ 2 и 3 (группа № 8) и зоны №№ 5, 6 и 8 (группа № 9). Снаряжение, упомянутое в Плане № 3, включало 30 нейтрализующих дубинок, 10 деревянных молотков и 2 металлоискателя «Гамма».

**(d) План учений (План № 4), утвержденный областным управлением Департамента 26 января 2002 года в связи со вторыми учениями**

59. План учений «Проведение специальных тактических учений с персоналом пенитенциарных учреждений № 31 и 58 и группами быстрого реагирования пенитенциарных учреждений области для моделирования борьбы с массовым неповиновением и массовыми беспорядками» (далее – «План № 4»), относящийся ко вторым учениям в Замковой колонии 29 января 2002 года, был утвержден 26 января 2002 года начальником Хмельницкого областного управления Департамента и прокурором Хмельницкой областной прокуратуры по надзору за законностью исполнения наказаний.

60. В этих учениях, связанных с моделированием актов массового неповиновения, принимали участие: сотрудники пенитенциарных учреждений №№ 31 и 58, отряды быстрого реагирования пенитенциарных учреждений №№ 31, 58, 78, 98 и СИЗО-29

(все расположены в Хмельницкой области). Одной из целей учений было обучение сотрудников Замковой колонии и отряда быстрого реагирования проводить обыск помещений, занимаемых заключенными, и личный досмотр самих заключенных. В частности, досмотр заключенных и обыск жилой зоны были одной из основных целей учений.

61. Используемые специальные средства: оружие, специальные сдерживающие средства, средства индивидуальной защиты и средства активной защиты, служебные собаки, транспортные средства, планы действий в чрезвычайных обстоятельствах и диаграммы. План учений содержал информацию об оперативной обстановке в Замковой колонии. Эта информация указывала на существенное ухудшение криминогенной обстановки и социально-демографического состава заключенных в Замковой колонии, что требовало принятия адекватных мер. В частности, участникам учений была дана следующая информация о составе заключенных: многие заключенные были осуждены за тяжкие преступления, в том числе 65 заключенных совершили преступления в период отбывания наказания; 15 заключенных были осуждены за бандитизм; 4 – за умышленное убийство; 2 заключенных склонны к нападению на персонал колонии; 18 человек склонны к побегу; 12 были осуждены за употребление наркотиков; 60 человек склонны к однополым связям и аналогичным действиям; 22 заключенных имеют психические расстройства.

Учения планировалось проводить в четыре этапа:

– с 6 часов утра до 8:30 утра – общее собрание участников учений в тюремном клубе;

– с 9 утра до 11 часов утра – обучение совместного отряда на территории колонии с целью пресечения массового неповиновения и массовых беспорядков;

– с 11 часов утра до 3 часов дня – вход совместного отряда в колонию, блокирование локальных зон колонии и проведение общего избирательного обыска в локальных зонах и камерах Замковой колонии;

– с 3 часов дня до 4 часов дня – общее собрание участников учений в клубе для сотрудников колонии и заключенных, обсуждение учений и общие выводы относительно их проведения; инструкции по дальнейшим действиям отрядов быстрого реагирования.

**(е) План учений (План № 5), утвержденный начальником областного управления Департамента (в связи со вторыми учениями)**

62. Согласно этому плану (далее – «План № 5») целью учений, состоявшихся 29 января 2002 года, был общий обыск жилых и промышленных зон, личный досмотр заключенных и принятие мер по укреплению законности и порядка в колонии. В учениях принимали участие группы, ответственные за блокирование, документирование,

медицинскую помощь, сопровождение и обыск, а также специальные и резервные группы. Всего участвовал 151 человек. В учениях принимали участие также члены отрядов быстрого реагирования Замковой колонии, Изяславской колонии № 31, Шепетовской колонии № 98, колонии № 78 и СИЗО № 29 Хмельницкой области. Специальное подразделение использовало 3 автомата (АК-74), петарды, сигнальные ракеты. Снаряжение включало шлемы или мотошлемы и щиты, бронежилеты, слезоточивый газ («Терен-4»), резиновые дубинки, наручники и т.д. В распоряжении подразделения также имелось одно специальное транспортное средство, 6 служебных собак и 2 фотокамеры. Группа блокирования была оснащена стальными касками и оружием с холостыми зарядами; группа прорыва – щитами, касками «Сфера», резиновыми дубинками и бронежилетами, группа защиты – шлемами «Сфера», щитами и резиновыми дубинками; патрульные группы – оружием без боеприпасов; специальная группа – резиновыми дубинками, газовыми масками и слезоточивым газом; группа выведения – резиновыми дубинками, бронежилетами и шлемами; группа сопровождения – бронежилетами, касками «Сфера» и резиновыми дубинками; группа документирования – фото- и видеотехникой; резервная группа – оружием, противогазами и стальными шлемами. Каждая группа имела конкретные задачи. Все группы участвовали в общем обыске в колонии, а группа блокирования должна была блокировать локальные зоны колонии перед началом обыска.

**(f) План учений (План № 6), утвержденный начальником Замковой колонии (в связи со вторыми учениями)**

63. В соответствии с Планом проведения общего обыска в Замковой колонии (далее – «План № 6»), обыск должен был начаться 29 января 2002 года в 9 часов утра и закончиться в 12 часов. В общей сложности 29 сотрудников Замковой колонии должны были участвовать в общем обыске. Цель обыска заключалась в поиске запрещенных предметов и выявлении подготовки к побегу, совершению уголовных преступлений и т.д. Сотрудники, участвовавшие в обыске, были разделены на 3 смешанные группы, с разными руководителями, которые проводили общий обыск в жилой зоне Замковой колонии.

64. Обыск проводился в следующих помещениях: ШИЗО, ПКТ, ОК, камеры строгого режима в зоне строгого режима содержания (группа № 1); камеры №№ 19 и 29 в отделениях №№ 5 и 8 (группа № 2); отделения №№ 9 и 10 (группа № 3) в зоне общего режима. Снаряжение, упомянутое в Плане № 6, включало 10 деревянных молотков и 2 металлоискателя «Гамма».

## 2. Запрос Суда о предоставлении дополнительных документов

65. 14 августа 2007 года Суд запросил предоставить ему следующие дополнительные документальные свидетельства:

«... – копии соответствующих положений (независимо от принявшего их органа), регулирующих проведение обыска в колонии, в том числе правила поведения для сотрудников пенитенциарных учреждений и документы, излагающие права и обязанности заключенных во время обыска;

– положения, касающиеся создания, подготовки и функционирования специальных подразделений или так называемых «отрядов быстрого реагирования» Государственного департамента исполнения наказаний (постановление от 27 апреля 2000 года), на которые ссылались г-н В.С. Левенцов и г-н М.П.Ильтяй в своих заявлениях, сделанных 26 и 27 июня 2007 года, соответственно;

– копию приказа № 193дск Государственного департамента исполнения наказаний от 30 августа 2002 года (зарегистрирован в Министерстве юстиции 20 сентября 2002 года, № 771/7059) относительно обработки корреспонденции заключенных;

– положения, касающиеся хранения, архивирования и уничтожения медицинских регистрационных журналов, журналов регистрации жалоб заключенных и журналов регистрации корреспонденции;

– копию отчета о внутреннем расследовании Государственного департамента исполнения наказаний, подготовленного В.С.Левенцовым и М.П.Ильтяем для первого заместителя руководителя Государственного департамента исполнения наказаний г-на О.Пташинского, на который ссылался г-н М.П.Ильтяй 27 июня 2007 года;

– копии отчетов об «оперативной обстановке» в Изяславской Замковой колонии с января 2001 по декабрь 2002 года (упомянутых в показаниях 26 и 27 июня 2007 года г-ном Левенцовым и г-ном Снегирем соответственно), а также докладов, которые были предоставлены сотрудникам Государственного департамента исполнения наказаний до обысков 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года;

– перечень снаряжения и боеприпасов, использованных сотрудниками Государственного департамента исполнения наказаний в ходе учений 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года вместе с копиями всех внутренних решений по этому поводу;

– доклад 2003 года Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека в части, касающейся подготовки специальных подразделений в колониях;

– видеозаписи учений специальных подразделений, состоявшихся 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года, упомянутые свидетелями г-ном О.Тишалковым, г-ном В.С.Левенцовым и г-ном М.П.Ильтяем соответственно 25, 26 и 27 июня 2007 года;

– копии рабочих записей г-на Волкова с декабря 2001 года по февраль 2002 года с указанием дат и причин отсутствия.

В дополнение к инспекции колонии, вашему Правительству предлагается предоставить письменную информацию о размере камер, посещенных делегацией (с приложением плана), а также копии списков заключенных,

содержавшихся в этих камерах 30 мая 2001 года, 29 января 2002 года и 27 июня 2007 года ...»

### *3. Документы, предоставленные Правительством*

66. 28 сентября 2007 года Правительство ответило, что оно может предоставить Суду только документы и дополнительные сведения, кратко изложенные ниже.

- (а) **Инструкция «Об организации надзора над заключенными, отбывающими наказание в исправительно-трудовых колониях», утвержденная приказом № 70 Департамента пенитенциарных учреждений от 27 апреля 2000 года (в виде, предоставленном Правительством)**

67. Инструкция предусматривает, в частности, процедуру проведения личного досмотра заключенных, обыска помещений и территорий, жилых и промышленных зон в исправительно-трудовых колониях (далее – «ИТК»).

68. В соответствии с пунктом 74 Инструкции, обыск заключенных и помещений проводится на основании графика, утвержденного начальником колонии. Обыск проводится с участием сотрудников ИТК и, при необходимости, в чрезвычайных обстоятельствах, с участием специальных подразделений, дополнительных сил из других пенитенциарных учреждений и органов системы исполнения наказаний. При обыске и досмотре используются технические средства и, при необходимости, специально обученные собаки. В ходе обыска или досмотра не допускается повреждение одежды, имущества, тюремного оборудования и других предметов (пункт 75).

69. Личный досмотр заключенных может быть «полным» (т.е. со снятием всей одежды) или «частичным» (без снятия одежды). Личный досмотр проводится лицом того же пола, что и заключенный. Сотрудники, проводящие досмотр, должны действовать добросовестно и разумно, соблюдать меры безопасности и не допускать негуманного обращения с заключенными (пункт 76 Инструкции).

70. В соответствии с пунктом 77 Инструкции, полный личный досмотр заключенного проводится, когда он/она поступает в ИТК или покидает ее; при помещении в ШИЗО, ПКТ или ДИЗО/ОК и при выходе из этих помещений. Кроме того, досмотр проводится после задержания заключенного при попытке побега или за другие правонарушения, перед долгосрочным свиданием с третьими лицами или после завершения такого свидания, если это необходимо. Заключенных, которые подвергаются полному досмотру, просят сдать любые запрещенные предметы на хранение, затем они последовательно снимают головной убор, одежду, обувь и нижнее белье. После выполнения этих требований, отдельные части тела заключенного, его одежда и обувь подвергаются проверке в соответствии со стандартной процедурой. Полный досмотр

проводится в специальных помещениях или комнатах возле контрольно-пропускного пункта колонии (КПП), а также в отдельных камерах ШИЗО и ПКТ/ОК для многоместного и одноместного размещения.

71. В соответствии с пунктом 78, частичный досмотр проводится, когда заключенные уходят на работу и возвращаются с нее или в других специально отведенных местах.

72. В соответствии с пунктом 79, заключенный, который нарушил режим или совершил правонарушение, должен поднять руки над головой и расставить ноги. Обыскивающее лицо находится позади него. В некоторых случаях, когда заключенный с большой вероятностью имеет оружие, ему предлагается прижаться лицом к стене и расставить ноги. По соображениям безопасности, досмотр проводится по меньшей мере двумя сотрудниками.

73. В пункте 80 Инструкции предусмотрено, что обыск территории, а также жилых и промышленных зон проводится в отдельных секторах и цехах в соответствии с графиком обысков. Каждый сектор обыскивается по мере необходимости, но не реже, чем раз в месяц. Обыск проводится под контролем первого заместителя начальника ИТК, отвечающего за надзор и безопасность, или начальника отдела надзора и безопасности по поручению первого заместителя.

74. В соответствии с пунктом 81 Инструкции, общий обыск проводится на основании решения начальника колонии и под контролем последнего не реже одного раза в месяц, а также в случае осложнения «оперативной обстановки» в ИТК. В ходе общего обыска осматриваются все заключенные, территория, жилые и промышленные зоны и все помещения и объекты на территории. Обыск проводится на основании плана, совместно подготовленного первым заместителем начальника по надзору и безопасности и начальником отдела надзора и безопасности.

75. В ходе общего обыска заключенных собирают в специальных отдельных помещениях и подвергают личному досмотру. Жилые помещения обыскиваются в обычном порядке с участием начальника отдела по социально-психологической работе. Осмотру подвергаются мебель и предметы, содержащиеся в ней, спальные места, в том числе белье, подушки и матрасы, а также различные личные предметы. Стены, пол, окна и потолок проверяются на предмет тайников и лазов. Также проверяются жилые и административные здания, внутри и снаружи, подвалы и чердаки, различные коммуникации, ограждения, туалеты, спортивные площадки, подземные тоннели и другие места, где могут быть обнаружены тайники. Каждая камера в помещениях, где расположены ШИЗО и помещения камерного типа (т.е. ПКТ (ОК)) тщательно проверяются. Все стены, потолки и полы простукиваются для поиска тайников и лазов. Решетки проверяются с особой тщательностью на предмет пропилов, зарубок и других повреждений.



Также проверяется работоспособность дверей, засовов, замков и надежность крепления кроватей, столов и другой мебели. Лица, содержащиеся в этих камерах, подлежат полному личному досмотру, их одежда также проверяется. Руководители групп, проводящих обыск, отчитываются перед сотрудником, осуществляющим надзор над обыском, и по результатам обыска составляется общий доклад, подписанный сотрудником, осуществляющим надзор, и руководителями поисковых групп. Этот документ передается в отдел надзора и безопасности.

76. Приложение № 9 к Инструкции определяет план действий персонала пенитенциарного учреждения в чрезвычайных обстоятельствах. В частности, оно описывает действия, которые должны предпринимать специальные подразделения в чрезвычайных обстоятельствах, таких, как захват заложников или массовое неповиновение. Кроме того, оно устанавливает порядок действий в таких обстоятельствах и предусматривает разделение специальных подразделений на группы усиленного надзора и безопасности, группы блокирования, группы вывода, группы документирования, группы использования специального сдерживающего снаряжения и резервные группы (в случае массового неповиновения также предусматриваются участие группы медицинской помощи и патрульной группы). Приложение также предусматривает порядок использования специального снаряжения (например, запрещается бить дубинкой по голове или лицу) и оружия (может использоваться только в исключительных обстоятельствах, когда невозможно выполнить задачу другими методами).

**(b) Приказ № 75 Департамента от 27 апреля 2000 года «О создании специальных подразделений в рамках системы исполнения наказаний для действий в чрезвычайных обстоятельствах, утверждении личного состава и Положений об этих подразделениях»**

77. Приказ предусматривает создание специальных подразделений Департамента пенитенциарных учреждений. Он оставался в силе до 8 сентября 2003 года, когда был принят новый приказ Департамента пенитенциарных учреждений № 163 «О создании специальных подразделений в рамках системы исполнения уголовных наказаний, утверждении их состава и Положений об этих подразделениях» (впоследствии, 10 октября 2005 года он был отменен приказом № 167). Этот приказ предусматривает создание межобластного специального подразделения для действий в чрезвычайных обстоятельствах в рамках Житомирского областного департамента исполнения наказаний. Сфера территориальной юрисдикции подразделения распространяется на Хмельницкую область и пенитенциарные учреждения этой области (пункт 6 приказа). Приказ также предусматривает создание отрядов быстрого реагирования, состоящих из 10-15 наиболее

квалифицированных сотрудников пенитенциарного учреждения (пункт 9 приказа). Руководители специальных подразделений обязаны сотрудничать с отрядами быстрого реагирования в исправительных учреждениях в пределах своей территориальной юрисдикции.

78. В соответствии с Положением «О специальных подразделениях системы исполнения наказаний для действий в чрезвычайных обстоятельствах в областных отделах Государственного департамента по вопросам исполнения наказаний» (Приложение № 1), задача этих подразделений состоит в реагировании на чрезвычайные ситуации в местах лишения свободы, такие как беспорядки и массовое неповиновение, и в адекватном реагировании на изменения в «оперативной обстановке», входящие в юрисдикцию таких подразделений (пункт 1.1). Сотрудники этих подразделений отбираются из лиц, имеющих необходимые физические и психологические качества и способных действовать в чрезвычайных ситуациях (пункт 1.9). Специальное подразделение имеет специальную форму и обувь, специальные средства сдерживания и другое снаряжение (пункт 1.14), необходимое для выполнения ими своих задач и обязанностей. Одной из задач таких подразделений является принятие превентивных мер для противодействия массовому неповиновению и правонарушениям в колонии (пункт 2.5).

79. В соответствии с пунктами 3.1-3.5 Положения, руководителям областных департаментов пенитенциарных учреждений разрешается вносить предложения относительно использования этих подразделений в пенитенциарных учреждениях (плановая отработка учреждений). В частности, руководитель областного департамента, ответственный за подразделение, составляет график работы подразделения на полгода. Подразделение действует на основании специально разработанных планов, утвержденных руководителем областного департамента и соответствующим прокурором. Правилами предусмотрено, что действия сотрудников подразделения должны соответствовать закону и быть основаны на гуманном обращении с заключенными.

80. Согласно Приложению № 2, Житомирское специальное подразделение включает: командира подразделения (майор), четырех сотрудников (два капитана и старший лейтенант), командиров двух отрядов (старшие прапорщики) и 18 прапорщиков. Общее количество служащих подразделения – 25.

#### *4. Документы о подготовке учений, представленные Департаментом*

81. Согласно докладу г-на С.О.Злотенко, начальника отдела охраны, надзора и безопасности, поданному руководителю Государственного Департамента 6 сентября 2007 года, видеозаписи учений, которые проводились 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года, отсутствуют.

82. Согласно информационной записке, подготовленной заместителем начальника Замковой колонии 27 июня 2007 года, камеры №№ 2, 8 и 29 «Монастыря» имеют площадь 30,8 м<sup>2</sup>, 22,8 м<sup>2</sup> и 35 м<sup>2</sup> соответственно.

83. Согласно информационной записке, подготовленной исполняющим обязанности начальника службы документации Хмельницкого областного департамента пенитенциарных учреждений, документы, относящиеся к «оперативной обстановке» в Замковой колонии, и документы, связанные с этими вопросами, были уничтожены в соответствии с приказом № 21 Департамента от 4 февраля 2004 года «Об утверждении перечня документов, созданных в процессе функционирования пенитенциарных учреждений и органов Государственного Департамента по вопросам исполнения наказаний, определении сроков хранения».

#### *5. Расследование, проведенное Генеральной прокуратурой*

84. Предоставленные Правительством документы, касающиеся расследования жалоб заявителей, можно резюмировать следующим образом.

85. 17 августа 2001 года прокурор Волков в ответ на жалобы, поданные заявителями, заявил, что не было выявлено никаких нарушений законодательства, относящихся к утверждениям о жестоком обращении.

86. 14, 20 и 26 сентября 2001 руководитель отдела Генеральной прокуратуры по надзору за исполнением приговоров по уголовным делам после рассмотрения жалоб, поданных г-ном Г. Жердевым в связи с жестоким обращением с заявителями со стороны специального подразделения милиции «Беркут», поручил первому заместителю прокурора Хмельницкой области провести расследование этих жалоб.

87. 24 сентября и 1 октября 2001 заместитель прокурора Хмельницкой области по надзору за исполнением приговоров по уголовным делам поручил г-ну Волкову, заместителю прокурора г. Шепетовка по надзору за соблюдением законности при исполнении уголовных наказаний, провести расследование жалоб г-на Жердева.

88. 9 ноября 2001 года г-н Волков ответил на жалобы г-на Ильченко относительно условий содержания под стражей и заявил, что данные условия соответствуют требованиям закона.

89. 12 апреля и 13 мая 2002 года соответственно руководитель отдела Генеральной прокуратуры по надзору за исполнением приговоров по уголовным делам и заместитель Генерального прокурора поручили Хмельницкой областной прокуратуре провести расследование по жалобам г-на Жердева. Эти жалобы были переданы г-ну Бухеру, старшему помощнику прокурора Хмельницкой области, ответственному за контроль над исполнением приговоров по уголовным делам, и ему было приказано расследовать это дело.

90. 7 мая 2002 года г-н Стасюк, помощник прокурора г. Шепетовка, действуя по указанию г-на Бухера, допросил заключенных, содержавшихся в камерах №№ 8 и 29 (г-на Ильченко, г-на Кулика и г-на Литвинова), которые заявили, что они были избиты членами спецподразделений в ходе обыска, проведенного в колонии 29 января 2002 года. Другие допрошенные заключенные заявили, что во время обыска ни к одному из заключенных не применялась физическая сила, и никто из заключенных камеры № 29 не был избит. Г-н Стасюк также допросил сотрудников Замковой колонии, в том числе г-на Захарова, г-на Мазуренко, г-на Чудюка, г-на Гайдамаку, г-на Волкова и г-на Бондаря. Все они подтвердили, что сила в отношении заключенных не применялась. Г-н Бондарь заявил, что после вторых учений никто из заключенных не просил о медицинской помощи и никто не получил никаких повреждений. В своем заявлении г-н Бондарь отметил, что г-н Кулик страдал миозитом мышц спины и остеохондрозом.

91. 10 мая 2002 года г-н Волков, Шепетовский прокурор, приказал начальнику Замковой колонии принять дисциплинарные меры в отношении заключенных г-на Кулика, г-на Литвинова и г-на Ильченко за нарушение ими законного порядка подачи жалоб. В частности, он утверждал, что они нарушили статью 44 Уголовно-исполнительного кодекса и Правила 17.2 и 33.1 Правил внутреннего распорядка пенитенциарного учреждения.

92. 29 мая 2002 года г-н Бухер, старший помощник прокурора Хмельницкой области, лично допросил г-на Ильченко. По его утверждению, г-н Ильченко вновь заявил, что он был избит членами спецподразделения. Он также утверждал, что его жалобы не были пересланы сотрудниками Замковой колонии и что г-н Гайдамака и г-н Бойко пытались заставить его отозвать свои жалобы. Г-н Ильченко также заявил, что прокурор Волков и его помощник тоже требовали, чтобы он отозвал жалобы. Кроме того, он считал, что они, на самом деле, скрывали нарушения закона в Замковой колонии.

93. 11 июня 2002 года г-н Бухер принял постановление, в котором Хмельницкая областная прокуратура отказывала в возбуждении уголовного дела по жалобам заявителей в связи с отсутствием нарушений закона. В частности, в постановлении говорилось, что заявители г-н Ильченко и г-н Давыдов не подвергались жестокому обращению со стороны специального подразделения милиции «Беркут», которое, как утверждает, участвовало в учениях в Замковой колонии и проводило обыск помещений и заключенных. В частности, это постановление гласит:

«... Г-н Жердев неоднократно без проверки достоверности информации, подавал жалобы [от имени заключенных г-на Ильченко, г-на Кулика, г-на Друзенко, г-на Литвинова и г-на Миронова] в различные государственные и неправительственные организации в связи с нарушением прав заключенных, ... включая незаконное использование силы сотрудниками колонии и членами

специальных подразделений, плохие условия содержания под стражей... Он получал эту информацию от этих заключенных в нарушение процедуры, установленной законом.

В ходе расследования, на основании личных дел заключенных, материалов предыдущих проверок специальной службой прокуратуры и другой информации, было установлено следующее.

... 29 января 2002 года сотрудники Замковой колонии, а не подразделения «Беркут», осуществляли запланированные ранее... меры, направленные на поиск подземных туннелей, запрещенных предметов, средств для побега; [они] проинспектировали инженерно-технические средства безопасности в присутствии прокурора г. Шепетовка... и никаких жалоб не было.

Заключенные, которые в то время находились в одной камере с г-ном Давыдовым и г-ном Ильченко, не подтвердили причинение телесных повреждений или иные незаконные действия сотрудников [колонии].

... заключенным предоставляется жилая площадь 2,5 квадратных метра, каждый имеет отдельное место для сна и постельное белье, а также одежду и обувь в зависимости от сезона.

... не было никаких жалоб на плохое медицинское обслуживание...

... в тюремном магазине нет возможности приобрести почтовые конверты и ручки...»

94. 15 июня 2002 года прокурор Хмельницкой области сообщил заместителю Генерального прокурора, который рассматривал жалобы г-на Жердева, что расследование этих жалоб не выявило доказательств жестокого обращения с заявителями. Г-н Бухер направил письма г-ну Жердеву и заключенным г-ну Ильченко, г-ну Друзенко, г-ну Миронову, г-ну Литвинову и г-ну Кулику, проинформировав их о своем решении отказать в возбуждении уголовного дела.

95. 11 июля 2002 года заместитель Генерального прокурора вновь поручил Хмельницкой областной прокуратуре провести расследование этих жалоб. В частности, в приказе говорилось о совместном расследовании жалоб областной прокуратурой и должностными лицами Департамента с участием медиков области и представителей омбудсмана. В приказе также говорилось, что необходимо исследовать другие вопросы, например, обращались ли заявители за медицинской помощью и получили ли они ее, а также жаловались ли они в прокуратуру.

96. 24 июля 2002 года г-н Янцеловский, старший помощник прокурора Хмельницкой области, допросил 16 человек, включая заключенных и сотрудников Замковой колонии; все допрошенные заявили, что физическая сила не применялась к заключенным в ходе обыска, проведенного 29 января 2002 года. Г-н Ильченко и заключенный г-н Павлысик отказались давать показания, касающиеся жалоб.

97. 6 августа 2002 года исполняющий обязанности прокурора Хмельницкой области сообщил заместителю Генерального прокурора,

что жалобы г-на Жердева являются необоснованными. Материалы расследования были переданы для проверки в Генеральную прокуратуру.

*6. Документы, касающиеся расследования, проведенного Департаментом*

98. 15 октября 2001 года г-н С.И.Скоков, начальник отдела по воспитательной, социальной и психологической работе с заключенными, сообщил первому заместителю руководителя Департамента, что жалобы заявителей являются необоснованными. Эта информация была предоставлена в ответ на запрос первого заместителя руководителя Департамента на основании доклада о расследовании, подготовленного лейтенантом Дановским, инспектором отдела по воспитательной, социальной и психологической работе с заключенными, который лично провел инспекцию в Замковой колонии 3-4 октября 2001 года. Доклад не содержит обзора медицинских свидетельств и в значительной мере основывается на том, что учения 30 мая 2001 были законными, поскольку они были основаны на законном решении о проведении таких учений и проводились под контролем специального прокурора Волкова. Доклад также ссылается на личные дела первого и второго заявителей. В нем отмечается, что первый и второй заявители являются опасными преступниками, а первый заявитель (г-н Давыдов) часто жалуется властям.

*7. Рассмотрение жалоб г-на Жердева начальником Замковой колонии*

99. С августа 2002 года по 4 мая 2006 года г-н Жердев, бывший в то время представителем заявителей, безуспешно жаловался в различные инстанции, включая Генеральную прокуратуру, на вмешательство в корреспонденцию заявителей. Он также затрагивал различные вопросы, касающиеся плохих условий содержания заявителей под стражей, жестокое обращение в 2002-2005 годах и нарушения их прав.

100. 14 апреля 2003 года начальник Замковой колонии г-н Снегирь в ответ на письмо г-на Жердева заявил, что ни один из заинтересованных заключенных (включая г-на Друзенко, г-на Гоменюка и г-на Ильченко) ни разу не просил его выдать бланк заявления для подачи жалобы в Европейский суд по правам человека. Кроме того, он заявил, что заключенные отбывали наказание в соответствии с соответствующими положениями закона, и никаких нарушений, упомянутых в жалобе, выявлено не было. Он приложил к своему письму стандартные письма с заявлениями г-на Ильченко, г-на Друзенко, г-на Кулика, г-на Миронова, г-на Мартова и г-на Кузьменко, все датированные 1-5 апреля 2003 года, в которых они отмечали, что больше не хотели бы общаться с г-ном Жердевым и что

у них нет никаких жалоб в связи с двумя учениями, Замковой колонией и ее сотрудниками. Он также отметил, что заключенные г-н Ильченко, г-н Друзенко и г-н Гоменюк содержатся в одиночных камерах.

#### **Законы и практика**

II. Соответствующие документы, принятые Комитетом Министров Совета Европы

III. Доклады Европейского Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания (Доклады ЕКПП)

IV. Доклад Комиссара по правам человека Совета Европы

V. Соответствующие национальное законодательство и практика

### **II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ДОКУМЕНТЫ, ПРИНЯТЫЕ КОМИТЕТОМ МИНИСТРОВ СОВЕТА ЕВРОПЫ**

A. Рекомендация № R (82) 17 Комитета министров государствам-членам относительно системы заключения и обращения с опасными преступниками

B. Европейские пенитенциарные правила (Рекомендация № R(87)3 Комитета министров государствам-членам)

C. Рекомендация Комитета Министров «О проблеме переполненности колоний и увеличения числа лиц, находящихся под стражей» (Приложение к Рекомендации № R(99)22)

#### **A. Рекомендация № R (82) 17 Комитета министров государствам-членам относительно системы заключения и обращения с опасными преступниками**

101. Соответствующие положения данной рекомендации, принятой Комитетом Министров 24 сентября 1982 года, предусматривают следующее:

«... рекомендует правительствам стран-участниц:

1. применять, насколько это возможно, обычные правила содержания для опасных преступников;

2. применять меры безопасности только до тех пределов, до которых они действительно нужны;

3. применять меры безопасности с уважением к человеческому достоинству и правам человека;

4. обеспечить такое положение вещей, при котором при выборе мер безопасности принимаются во внимание различные степени опасности;

5. стараться снижать, до известного предела, обратные эффекты применения усиленных мер безопасности;

6. уделять необходимое внимание проблемам здоровья, вытекающим из усиленного режима безопасности;

...

8. иметь систему постоянного анализа для того, чтобы срок, проведенный в местах лишения свободы строгого режима, и уровень применяемых мер безопасности не превышали необходимых;

9. обеспечивать, чтобы подразделения усиленной безопасности, где они существуют, имели достаточное количество персонала, мест размещения и необходимое оборудование;

10. обеспечивать соответствующую подготовку и информирование персонала, связанного с содержанием и обращением с опасными преступниками».

## **В. Европейские пенитенциарные правила (Рекомендация № R(87)3 Комитета министров государствам-членам)**

102. Соответствующие положения Рекомендации № R(87)3, принятой Комитетом Министров 12 февраля 1987, предусматривают:

### *«Основопологающие принципы*

... 1. Лишение свободы должно осуществляться в таких условиях содержания и моральной атмосфере, которые обеспечивают уважение человеческого достоинства и соответствуют настоящим Правилам.

... 3. Цели исправительного воздействия на осужденных состоят в том, чтобы сохранить их здоровье и достоинство и, в той степени, в какой это позволяет срок заключения, способствовать формированию у них чувства ответственности и навыков, которые будут содействовать их реинтеграции в общество, помогут им следовать требованиям законности и удовлетворять свои жизненные потребности собственными силами после освобождения.

... 5. Защита личных прав заключенных и, в особенности, законность применения дисциплинарных наказаний обеспечиваются посредством контроля, осуществляемого, в соответствии с национальным правом, представителями судебных или иных органов, уполномоченными посещать заключенных и не принадлежащими к пенитенциарной администрации.

### *Помещения*

... 14.1. Заключенные обычно размещаются на ночь в отдельных камерах, за исключением тех случаев, когда предпочтительнее размещать их совместно с другими заключенными.

2. В случае совместного размещения заключенные должны подходить для общения друг с другом в таких условиях. В ночное время они находятся под наблюдением, соответствующим типу учреждения.

15. Помещения, в которых содержатся заключенные, и в частности спальные места должны удовлетворять требованиям санитарии и гигиены с должным учетом климатических условий, особенно в том, что касается кубатуры воздуха, разумной площади, освещения, отопления и вентиляции...

### *Медицинское обслуживание*

26.1. Каждое пенитенциарное учреждение должно обслуживаться хотя бы одним врачом общей практики. Организация медицинского обслуживания



должна осуществляться в тесном контакте с администрацией местной или национальной службы здравоохранения. Оно должно включать психиатрическую службу, обеспечивающую диагностику и, если необходимо, лечение психических расстройств.

2. Заключенные, нуждающиеся в специализированной медицинской помощи, переводятся в специализированные учреждения или общегражданские больницы. В тех случаях, когда в месте лишения свободы имеется стационар, он должен быть оснащен оборудованием и фармацевтическими средствами, позволяющими обеспечить должную заботу и лечение больным заключенным, а соответствующий персонал должен обладать достаточной профессиональной подготовкой.

... 29. В максимально короткий срок после приема, а также в дальнейшем по мере необходимости каждый заключенный обследуется врачом для выявления, в частности, возможного физического или психического заболевания и его лечения с использованием всех необходимых для этого средств; изоляции заключенных, которые могут быть носителями инфекции; установления физических или психических отклонений, способных помешать возвращению заключенных к нормальной жизни после освобождения, а также для определения пригодности каждого из заключенных к труду.

30.1. Надзор за физическим и психическим здоровьем заключенных возлагается на врача, который производит осмотр всех больных заключенных в условиях и с соблюдением периодичности, которые предусматриваются больничными нормами, а также осматривает всех тех, кто заявляет о заболевании или травме, и тех, кто требует особого внимания.

2. Врач представляет директору доклад всякий раз, когда находит, что дальнейшее пребывание в заключении или какие-либо условия содержания в заключении нанесли или нанесут ущерб физическому или психическому здоровью заключенного.

#### *Дисциплина и наказания*

33. Порядок и дисциплина поддерживаются в интересах обеспечения безопасности, упорядоченной внутренней жизни и достижения целей исправительного воздействия в местах лишения свободы.

... 35. Нижеследующее обеспечивается и определяется законом или нормативными актами, принятыми соответствующими компетентными органами:

- a. поведение, которое составляет дисциплинарное нарушение;
- b. характер и продолжительность возможного дисциплинарного наказания;
- c. орган, компетентный определять дисциплинарное наказание;
- d. порядок подачи прошения об обжаловании, а также орган, уполномоченный его рассматривать.

36.1. Заключенный не может быть подвергнут наказанию иначе как на основании положений соответствующего закона или нормативного акта, а также дважды за совершение одного и того же проступка.

2. Доклад о дисциплинарных нарушениях немедленно направляется в вышестоящие компетентные органы, которые в кратчайшие сроки выносят соответствующее решение.

3. Заключение может быть подвергнуто наказанию при условии, что ему заранее сообщено о вменяемом ему правонарушении и предоставлена возможность выступить в свою защиту.

... 37. Категорически запрещаются в качестве дисциплинарных мер коллективные и телесные наказания, помещение в темную одиночную камеру, а также любое жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство наказание.

38.1. Водворение заключенного в дисциплинарный изолятор в качестве наказания, а также любое другое наказание, которое может отрицательно сказаться на физическом или психическом здоровье заключенного, может быть применено только при условии, если врач после медицинского обследования заключенного письменно удостоверит, что данный заключенный может по состоянию здоровья вынести такое наказание.

2. Ни при каких обстоятельствах подобное наказание не должно противоречить принципам, изложенным в статье 37, или отступать от них.

3. Врач каждый день посещает заключенных, подвергнутых подобным дисциплинарным наказаниям, и представляет доклад директору, если он считает необходимым прекратить наказание или изменить его по причине ухудшения физического или психического здоровья заключенного.

#### *Порядок представления информации заключенным и подачи ими жалоб*

41.1. При приеме заключенного ему предоставляется письменная информация о правилах обращения с заключенными соответствующей категории, о дисциплинарных требованиях в данном месте лишения свободы, о дозволенных средствах получения информации и подачи жалоб, а также по всем другим вопросам, необходимым для понимания прав и обязанностей заключенных и для адаптации к жизни в месте лишения свободы.

2. Если заключенный не понимает письменно изложенной информации, ему предоставляются устные объяснения.

42.1. Каждый заключенный должен иметь возможность в любой день подавать прошения или жалобы директору учреждения или лицу, его замещающему.

2. Заключенный должен иметь возможность вне присутствия директора или других представителей персонала обращаться с жалобами или просьбами к инспектору пенитенциарных учреждений или любому другому официальному лицу, наделенному правом посещения, и беседовать с ним наедине. Однако для подачи прошения о пересмотре официальных решений может быть установлена специальная процедура.

3. Каждому заключенному разрешается направлять в запечатанном конверте прошение или жалобу в центральные органы управления уголовно-исправительной системой, судебные или иные компетентные органы.

4. Каждое прошение или жалоба, адресованные или переданные пенитенциарным властям, подлежат незамедлительному рассмотрению, и ответ своевременно сообщается заключенному.

#### *Персонал*

... 63.1. Персонал не должен прибегать к использованию силы по отношению к заключенным, кроме случаев необходимой самообороны, пресечения попыток побега или при оказании заключенными активного или пассивного сопротивления приказу, основанному на законе или правилах внутреннего распорядка. Служащие, прибегающие к силе, должны ограничивать ее

использование рамками абсолютной необходимости и немедленно сообщать о происшествии начальнику учреждения.

2. Сотрудники пенитенциарных учреждений получают, по необходимости, специальную техническую подготовку, позволяющую им сдерживать агрессивных заключенных.

3. За исключением особых обстоятельств, должностные лица, которые по роду своей деятельности находятся в прямом контакте с заключенными, не должны быть вооружены. Кроме того, ни при каких обстоятельствах оружие не должно выдаваться сотрудникам, которые не обучены пользованию им.

... *Цели и режимы содержания*

64. Тюремное заключение, лишая человека свободы, уже само по себе является наказанием. Поэтому условия содержания и режимы в местах заключения не должны усугублять причиняемые таким образом страдания, за исключением отдельных случаев, когда это оправдано необходимостью изоляции и поддержания дисциплины.

65. Должны быть предприняты все усилия для того, чтобы режимы, применяемые в местах лишения свободы, были установлены и использовались таким образом, чтобы:

а. обеспечить условия жизни, совместимые с человеческим достоинством и нормами, принятыми в обществе;

б. свести к минимуму отрицательные последствия заключения и различия между жизнью в заключении и на свободе, с тем, чтобы заключенный не утратил чувства самоуважения или личной ответственности; ...

... 71.1. Труд в местах лишения свободы рассматривается как позитивный элемент исправительного воздействия, профессиональной подготовки и административного управления.

2. Осужденных можно обязать трудиться, если, по заключению врача, их физическое и психическое здоровье позволяет это.

... *Дополнительные правила для специальных категорий*

90. Пенитенциарная администрация должна исходить из совокупности изложенных правил во всех случаях, когда они могут быть должным образом и эффективно применены в интересах специальных категорий заключенных, для которых предусмотрены и нижеследующие дополнительные правила...».

### **С. Рекомендация Комитета Министров «О проблеме переполненности колоний и увеличения числа лиц, находящихся под стражей» (Приложение к Рекомендации № R(99)22)**

103. Соответствующие положения Приложения к Рекомендации № R(99)22 Комитета министров, принятого Комитетом Министров 30 сентября 1999, гласят:

«... II. Борьба с нехваткой мест в колониях

... 7. В случае переполненности, особое внимание следует уделять уважению к человеческому достоинству, гуманному и позитивному отношению

со стороны тюремной администрации, полному осознанию роли персонала и эффективным современным управленческим подходам. В соответствии с Европейскими пенитенциарными правилами, особое внимание должно уделяться пространству, предоставляемому заключенным, вопросам гигиены и санитарии, обеспечению достаточных и соответствующим образом приготовленных продуктов питания, медицинскому обслуживанию заключенных, а также обеспечению возможности прогулок на свежем воздухе...».

### III. ДОКЛАДЫ ЕВРОПЕЙСКОГО КОМИТЕТА ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПЫТОК И БЕСЧЕЛОВЕЧНОГО ИЛИ УНИЖАЮЩЕГО ДОСТОИНСТВО ОБРАЩЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ (ДОКЛАДЫ ЕКПП)

- A. Доклад ЕКПП о визите в Украину 1999 г.
- B. Доклад ЕКПП о визите в Украину 2000 г.
- C. Доклад ЕКПП о визите в Украину 2002 г.
- D. Доклад ЕКПП о визите в Украину 2005 г.

#### A. Доклад ЕКПП о визите в Украину 1999 г.

104. В докладе ЕКПП правительству Украины о визите, проведенном 15-23 июля 1999 года, утверждается, что заключенные Харьковского СИЗО и колонии № 85 жаловались членам ЕКПП на физическое насилие и порчу личных вещей сотрудниками специального отряда в масках (в докладе упоминается «спецназ» или специальное подразделение), которые регулярно посещали колонию № 85 (§§ 25-26, в связи с «жестоким обращением»). Физическое насилие применялось к заключенным, содержащимся в дисциплинарных камерах. В докладе говорится, что украинские власти признали существование специальных подразделений, действующих под эгидой областного Департамента. Они утверждали, что эти подразделения участвовали в контрольных обысках в камерах. Целью таких обысков было предотвращение противозаконных действий.

#### B. Доклад ЕКПП о визите в Украину 2000 г.

105. Соответствующие выдержки из доклада украинскому правительству о визите в Украину, проведенном Европейским комитетом по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП) 10-26 сентября 2000 года, гласят:

«... 2. Жестокое обращение

62. В Винницкой колонии № 176 ... поступили сообщения о работе подразделений Департамента режима и защиты; заключенные рассказали, что сотрудники таких подразделений раздевали их до нижнего белья, а иногда

вытаскивали из камер и избивали. При осмотре врачом из членов делегации, у одного заключенного был найден заживший побелевший шрам на спине, 6 см в длину и 1 см в ширину, соответствующий его утверждениям о том, что он был избит резиновыми дубинками в предыдущий Новый Год. Кроме того, было заявлено, что еженедельно проводился полный обыск камер, и что иногда, особенно в ночное время, сотрудники спецподразделений использовали собаку ротвейлера, чтобы быстро очистить камеры от их обитателей.

63. ЕКПП рекомендует властям на всех уровнях (центральном, областном и местном) однозначно заявить о том, что все формы жестокого обращения с заключенными неприемлемы, и будут, в случае выявления, предметом жестких санкций.

Кроме того, ЕКПП рекомендует украинским властям провести тщательное расследование методов, используемых в Винницкой колонии № 176 подразделениями Департамента режима и защиты во время их работы в данном учреждении. ЕКПП также хотел бы получить информацию о результатах дознаний, проведенных по инициативе начальника Симферопольского СИЗО № 15, упомянутых в пункте 62, а также любых других принятых впоследствии мер».

### **С. Доклад ЕКПП о визите в Украину 2002 г.**

106. Соответствующие выдержки из доклада украинскому правительству о визите в Украину, проведенном Европейским комитетом по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП) 24 ноября – 6 декабря 2002 г., гласят:

«... 2. Жестокое обращение

89. Во время визита 2002 года делегация не получила никаких сообщений о жестоком физическом обращении со стороны персонала колонии № 8 и СИЗО № 21.

90. Однако в начале апреля 2003 года ЕКПП получил сообщения, что после посещения его делегацией СИЗО № 21 опрошенные делегацией заключенные подвергались запугиванию со стороны тюремного персонала. Утверждалось также, что в период с 5 февраля по 15 марта 2003 года, сотрудники колонии в масках проводили обыски, в ходе которых они избивали заключенных, протестовавших против манеры проведения обысков (было изъято множество предметов, в том числе документы, касающиеся данной процедуры).

ЕКПП рекомендует украинским властям провести независимое и тщательное расследование этих утверждений и проинформировать в установленном порядке Комитет о результатах расследования.

91. В колонии № 14 делегация получила сведения, что в апреле-мае 2002 года, после вечерней поверки несколько сотрудников колонии в масках, предположительно пьяные, ворвались в сектор № 3 и избивали дубинками заключенных камер №№ 11, 13 и 20 с помощью заключенных, также одетых в маски. В письме от 15 апреля 2003 года украинские власти представили выводы официального расследования этих заявлений, проведенного местной и областной тюремной администрацией. Согласно этим выводам, упомянутые заявления не подтвердились. Выводы основывались на письменных заявлениях заключенных сектора № 3, что таких инцидентов не было и у них нет претензий

к тюремной администрации, опросе дежурного сотрудника сектора № 3, докладе начальника оперативного отдела и изучении различных документов, имеющихся в колонии, ни в одном из которых не было ни единого упоминания о событиях, произошедших в рассматриваемый период, а также отсутствии запросов прокуратуры о проведении расследования этих инцидентов.

ЕКПП не считает это дознание и его выводы убедительными. Дознание было полностью внутренним и не независимым.

ЕКПП рекомендует украинским властям однозначно заявить сотрудникам колонии № 14, что все формы жестокого обращения являются неприемлемыми и будут, в случае выявления, предметом жестких санкций».

#### **D. Доклад ЕКПП о визите в Украину 2005 г.**

107. Соответствующие выдержки из доклада украинскому правительству о визите в Украину, проведенном Европейским комитетом по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП) 9 21 октября 2005 года, гласят:

«ЕКПП также рекомендует украинским должностным лицам пересмотреть как можно скорее предусмотренные законодательством нормы жилого пространства для заключенных и увеличить их как минимум до 4 м<sup>2</sup> во всех учреждениях, подведомственных Департаменту исполнения наказаний...».

#### **IV. ДОКЛАД КОМИССАРА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА СОВЕТА ЕВРОПЫ**

108. Соответствующие выдержки из доклада Комиссара по правам человека г-на Т.Хаммарберга о его визите в Украину (10-17 декабря 2006 года), представленного на рассмотрение Комитета Министров и Парламентской Ассамблеи (Страсбург, 26 сентября 2007, CommDH(2007)15), гласят:

«... 43. Применение пыток является уголовным преступлением в Украине. В 2005 году украинский парламент (Верховная Рада) принял законы, предусматривающие преследование лиц, виновных в применении пыток, устанавливающие права заключенных и арестованных, а также закон, устанавливающий права заключенных в соответствии с ЕСПЧ. Комиссар приветствует этот законодательный прогресс, но он должен быть подкреплён соответствующей и систематической практикой. Украина ратифицировала Европейскую конвенцию по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (CETS 126) в 1997 году, и два дополнительных Протокола – в 2002 году. Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания вступила в силу для Украины в 1987 году.

44. Несмотря на эти достижения, практически все собеседники Комиссара, в том числе руководители парламентских политических групп, представители правоохранительных органов и гражданского общества, подтвердили, что пытки широко распространены в Украине. ...

... 46. Пенитенциарная система была выведена из компетенции Министерства внутренних дел, но так и не была передана в ведение Министерства юстиции, как того требуют обязательства Украины, принятые при вступлении в Совет Европы. Государственный Департамент по вопросам исполнения наказаний был создан в 1998 году как центральный орган пенитенциарной системы с особым статусом подчинения Кабинету Министров... Пенитенциарная система хронически недостаточно финансируется. Признавая, что государственное финансирование неуклонно растет, Комиссар настоятельно призывает государство продолжать улучшение условий содержания ...

... 48. Переполненность пенитенциарных учреждений является одним из самых насущных вопросов. (...) Комиссар, однако, принимает во внимание и приветствует тот факт, что, несмотря на сильную переполненность колоний, число заключенных значительно снизилось. Руководство Департамента по вопросам исполнения наказаний сообщает, что число заключенных составляло 209 000 в 1999 году, по сравнению с 161 900 на сегодняшний день. В то же время, число пенитенциарных учреждений остались прежним. ... Количество заключенных остается одним из самых высоких в мире, и необходимы дальнейшие усилия, чтобы справиться с серьезной проблемой переполненности ...

... 49. Комиссар заметил, что многие здания пенитенциарных учреждений обветшали и находятся в плохом состоянии. Таким образом, они не соответствуют санитарным и другим специальным международным нормам. Заключенные, с которыми встречался Комиссар, в основном жаловались на недостаточное освещение, плохую вентиляцию, недоедание, плохие санитарные условия, нехватку коек и невозможность изолировать заключенных с инфекционными заболеваниями. При посещении центров содержания под стражей во Львове, Одессе и Киеве, Комиссар был обеспокоен тем, что ни одна камера не соответствовала европейским стандартам. На стенах были видны следы влаги. Уборные были в ужасном состоянии и распространяли зловоние по всей камере. Такая среда не только вредна для заключенных, но и подрывает их право на определенную степень достоинства. В карцере еще хуже ...».

#### IV. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

- A. Конституция Украины (28 июня 1996 г.)
- B. Уголовно-процессуальный кодекс
- C. Исправительно-трудовой кодекс Украины, действовавший до 1 января 2004 г.
- D. Закон о прокуратуре от 5 ноября 1991 года (действовавший в соответствующее время)
- E. Приказы Департамента
- F. Доклад Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека за 2004 год

##### **A. Конституция Украины (28 июня 1996 г.)**

109. В соответствии со статьей 8 §§ 2 и 3 Конституции, ее положения имеют прямое действие. Гарантируется право подачи иска

в защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина непосредственно на основании положений Конституции.

110. В соответствии со статьей 55 §§ 2 и 4 каждому гарантируется право на обжалование решений, действий или бездействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных и служебных лиц в суде. После исчерпания всех национальных средств правовой защиты каждый человек имеет право обратиться за защитой своих прав и свобод в соответствующие международные судебные учреждения или в соответствующие органы международных организаций, членом которых является Украина, или в которых она участвует.

111. Статья 63 § 3 предусматривает, что заключенные пользуются всеми правами человека и гражданскими правами, лишь с ограничениями, определенными законом и введенными по решению суда.

## **В. Уголовно-процессуальный кодекс**

112. Соответствующие положения статей 25 и 99 Уголовно-процессуального кодекса от 28 декабря 1960 года, который действовал в соответствующее время, гласят:

### **Статья 4**

#### **Обязанность возбуждения уголовного дела и расследования преступления**

«Суд, прокурор, следователь и орган дознания обязаны в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию.

### **Статья 25**

#### **Прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве**

«... Прокурор обязан выполнять свои функции в уголовном судопроизводстве в соответствии законом... и независимо от любых государственных органов и должностных лиц...»

### **Статья 94**

#### **Основания к возбуждению уголовного дела**

«Основаниями к возбуждению уголовного дела являются:

(1) заявления или сообщения предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, представителей власти, общественности или отдельных граждан;

(2) сообщения представителей власти, общественности или отдельных граждан, задержавших подозреваемое лицо на месте совершения преступления или с поличным;



- (3) явка с повинной;
- (4) сообщения, опубликованные в печати;
- (5) непосредственное обнаружение признаков преступления органом дознания, следователем, прокурором или судом».

### Статья 97

#### **Обязательность принятия заявлений и сообщений о преступлениях и порядок их рассмотрения**

«Прокурор, следователь, орган дознания или судья обязаны принимать заявления и сообщения о совершенных или готовящихся преступлениях, в том числе и по делам, не подлежащим их ведению.

По заявлению или сообщению о преступлении прокурор, следователь, орган дознания или судья обязаны не позднее трехдневного срока принять одно из следующих решений:

- (1) возбудить уголовное дело;
- (2) отказать в возбуждении уголовного дела;
- (3) направить заявление или сообщение для дальнейшего рассмотрения согласно юрисдикции.

Одновременно принимаются все возможные меры, чтобы предотвратить преступление или пресечь его. ... Следует принять необходимые меры для обеспечения безопасности лица, сообщившего о преступлении, ... при реальной опасности для жизни...

Если необходимо проверить заявление или сообщение о преступлении до возбуждения дела, такая проверка проводится прокурором, следователем или органом дознания в срок не более десяти дней путем отобрания объяснений от отдельных граждан, или должностных лиц, или истребования необходимых документов.

Заявление или сообщение о преступлении до возбуждения уголовного дела может быть проверено путем проведения оперативно-розыскной деятельности. Проведение определенных в законодательных актах Украины отдельных оперативно-розыскных мероприятий осуществляется с разрешения суда по согласованному с прокурором представлению руководителя соответствующего оперативного подразделения или его заместителя. Постановление судьи о предоставлении такого разрешения выносится и на него может быть принесена апелляция с соблюдением порядка и в случаях, предусмотренных статьями 177 [поиск в помещениях документов или предметов], 178 [выемка документов или предметов] и 190 [осмотр территории, помещений, предметов и документов] настоящего Кодекса».

### Статья 99-1

#### **Обжалование решений об отказе в возбуждении уголовного дела**

«... Постановление следователя и органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела может быть обжаловано соответствующему прокурору, а если такое постановление вынесено прокурором — вышестоящему прокурору.

Жалоба подается лицом, интересов которого оно касается, или его представителем в течение семи дней со дня получения копии постановления.

Постановление прокурора, следователя и органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела может быть обжаловано лицом, интересов которого оно касается, или его представителем в суд в порядке, предусмотренном статьей 236<sup>1</sup> настоящего Кодекса.

Постановление судьи об отказе в возбуждении уголовного дела может быть обжаловано лицом, интересов которого оно касается, или его представителем в апелляционном порядке в течение семи дней со дня получения копии постановления».

### **Статья 236-1**

#### **Обжалование в суд постановления об отказе в возбуждении дела**

«Жалоба на постановление органа дознания, следователя, прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела подается лицом, интересов которого оно касается, или его представителем в районный (городской) суд в течение семи дней со дня его получения или уведомления прокурора об отказе в отмене постановления».

### **Статья 236-2**

#### **Рассмотрение судьей жалобы на постановление об отказе в возбуждении дела**

«Жалоба на постановление прокурора, следователя, органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела рассматривается судьей единолично не позднее десяти дней со дня ее поступления в суд.

Судья истребует материалы, на основании которых было отказано в возбуждении дела, знакомится с ними и уведомляет прокурора и лицо, подавшее жалобу, о времени ее рассмотрения. В случае необходимости судья заслушивает пояснения лица, подавшего жалобу. Ведется стенограмма слушания.

... судья принимает одно из следующих решений:

- 1) отменяет постановление об отказе в возбуждении дела и возвращает материалы для проведения дополнительной проверки;
- 2) оставляет жалобу без удовлетворения.

На постановление судьи прокурором, лицом, подавшим жалобу, в течение семи суток со дня ее вынесения может быть подана апелляция в апелляционный суд.

Копия постановления судьи направляется лицу, вынесшему постановление, которое было обжаловано, прокурору или лицу, подавшему жалобу».

113. В соответствии с практикой национальных судов, рассмотрение постановления прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела ограничивается проверкой соблюдения процессуальных и материальных поводов и оснований для такого отказа. В частности, процессуальные основания, подлежащие рассмотрению, перечислены в статье 94 Уголовно-процессуального кодекса. Материальные основания изложены в статье 4 Кодекса (см., среди прочего, постановление Конституционного суда от 30 января 2003 года по делу № 1-12/2003; постановление Пленума Верховного Суда от 11 февраля

2005 года, в силе до 21 декабря 2007 года). Бездействие органа дознания, следователя или прокурора, в результате которого решение не было принято в соответствии со статьей 97 § 2 Уголовно-процессуального кодекса, могло быть обжаловано в порядке, установленном Главой 31-А Гражданского процессуального кодекса (постановление Пленума Верховного Суда от 11 февраля 2005 года, упомянутое выше).

### **С. Исправительно-трудовой кодекс Украины, действовавший до 1 января 2004 г.**

114. В соответствии со статьей 10 этого Кодекса, должностные лица пенитенциарных учреждений и заключенные, содержащиеся в пенитенциарных учреждениях, должны действовать в соответствии с законом.

115. К исправительно-трудовым учреждениям относились исправительно-трудовые колонии, тюрьмы и воспитательно-трудовые колонии. Взрослые заключенные отбывали наказание в исправительно-трудовых колониях или тюрьмах (статья 12 Кодекса). Исправительно-трудовые колонии классифицировались по строгости режима, в том числе: колонии-поселения для лиц, совершивших преступление по неосторожности, колонии общего, усиленного, строгого и особого режима (статья 13 Кодекса). Тип пенитенциарного учреждения и режим содержания определялся Департаментом (статья 19 Кодекса). Осужденный должен был быть переведен в соответствующее исправительно-трудовое учреждение в течение 10 дней с момента, когда решение по уголовному делу станет окончательным (статья 20 Кодекса). Это положение предусматривало, что каждый осужденный должен иметь личное дело.

116. В соответствии со статьей 28 настоящего Кодекса, основными характеристиками режима в исправительных учреждениях являются: принудительная изоляция и постоянный надзор для предотвращения любой возможности преступления или совершения заключенными других деяний, направленных против общественного порядка; строгое и постоянное соблюдение обязанностей этими лицами, а также различные условия содержания в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления, личности и поведения осужденного. В частности, лица, отбывающие наказание, должны носить форму. Они подвергаются личным досмотрам; досмотр должен проводиться лицами одного пола с обыскиваемым лицом. Переписка подвергается цензуре, посылки и бандероли подвергаются вскрытию и проверке. В исправительно-трудовых учреждениях должны строго соблюдаться правила внутреннего распорядка.

117. В соответствии со статьей 29 настоящего Кодекса, в случае нарушения дисциплинарных правил заключенным, отбывающим

наказание в условиях строгого режима, начальник колонии имел право назначить ему новый срок, не превышающий 6 месяцев, для отбывания наказания в условиях строгого режима.

118. В соответствии со статьей 44 настоящего Кодекса, заключенные имели право вносить предложения, обращаться с заявлениями и жалобами в государственные органы, неправительственные организации и к должностным лицам. Эти предложения, заявления и жалобы должны быть пересланы в соответствии с внутренним распорядком пенитенциарных учреждений и рассмотрены в соответствии с процедурой, установленной законом. Жалобы на имя омбудсмана и в прокуратуру должны быть отправлены в течение одного дня после их получения. Заключенный должен быть должным образом уведомлен о результатах рассмотрения его предложений, жалоб и заявлений. (После введения 11 июля 2003 года нового Кодекса, который с 1 января 2004 года заменил Исправительно-трудовой кодекс, дальнейших изменений, внесенных в статью 113 Кодекса об исполнении наказаний с 1 декабря 2005 года и приказа № 275 Государственного департамента по вопросам исполнения наказаний от 25 декабря 2003 года, письма, направляемые в Европейский суд по правам человека, не могут подвергаться проверке. Однако статья 113 § 3 Кодекса устанавливает, что, как правило, вся корреспонденция должна проверяться).

119. В статье 47 этого Кодекса, «злостное нарушение режима» определяется как отказ заключенного выполнять законные требования администрации; необоснованный отказ от работы (более 3 раз в течение года), учитывая, что работа является обязательной для всех заключенных, как это предусмотрено статьей 49 Кодекса; употребление алкоголя, наркотиков или других веществ; производство, хранение, приобретение и распространение запрещенных предметов; азартные игры; мелкое хулиганство; систематическое уклонение от лечения инфекционных заболеваний (активной формы туберкулеза, венерических заболеваний и т.д.). Признание заключенного «злостным нарушителем режима» влечет за собой санкции за нарушение режима содержания при условии, что такие санкции наложены на основании решения или распоряжения соответствующего вышестоящего органа и не были отменены решением суда. Кроме того, работа, выполняемая заключенными должна соответствовать задачам их реабилитации и воспитания (статья 49 Кодекса).

120. В соответствии со статьей 71 настоящего Кодекса, начальник колонии, его заместитель, начальник отдела по социально-психологической работе, старший воспитатель и воспитатели исправительно-трудовой колонии имели право налагать на заключенных дисциплинарные взыскания. Такие взыскания должны соответствовать фактическим обстоятельствам и тяжести совершенного правонарушения. Должны были быть приняты во

внимание предыдущие дисциплинарные взыскания и объяснения заключенного. Взыскания применяются сразу же после их наложения, и заключенный имеет право обжаловать их в вышестоящий орган, что не мешает применению взысканий (статья 68 Кодекса). Дисциплинарные взыскания включают: запрет на получение посылок и, в течение одного месяца, на покупку продуктов в тюремном магазине; отмену улучшения условий заключения; помещение в ШИЗО с привлечением к труду или без него; помещение заключенного в камеру одиночного заключения (карцер). Изменение режима отбывания наказания производится на основании мотивированного решения начальника колонии, утвержденного наблюдательным советом пенитенциарного учреждения. Другие дисциплинарные взыскания налагаются письменным или устным распоряжением начальника.

121. В соответствии со статьей 74 настоящего Кодекса, заключенные должны содержаться в условиях, соответствующих элементарным санитарным и гигиеническим нормам. Заключенные в исправительно-трудовых колониях должны иметь по меньшей мере 2 м<sup>2</sup> жилой площади на одного человека. Пенитенциарные учреждения должны обеспечивать оказание заключенным правовой и необходимой медицинской помощи (статья 76 Кодекса).

122. В соответствии со статьей 81 настоящего Кодекса в случае оказания физического сопротивления сотрудникам исправительно-трудовых учреждений, бунта либо иных насильственных действий к заключенным применяются средства сдерживания, такие как наручники, смирительные рубашки, резиновые дубинки, слезоточивый газ и другие специальные средства сдерживания, как это предусмотрено статьей 14 Закона о милиции, в целях предотвращения нанесения травм себе или другим лицам. Физические меры должны применяться только тогда, когда невозможно использовать другие средства сдерживания; они не должны выходить за рамки мер, необходимых для выполнения задач администрации, и должны применяться таким образом, чтобы свести к минимуму вред для здоровья правонарушителя. Администрация пенитенциарного учреждения должна обеспечить оказание пострадавшим любой необходимой медицинской помощи без неоправданной задержки.

123. Статья 82 Кодекса допускает применение оружия в исключительных случаях, когда достигнуть желаемого результата другими средствами невозможно, если заключенный совершил нападение или другое преднамеренное деяние, угрожающее жизни сотрудников пенитенциарного учреждения или других лиц. О любом случае применения оружия должно быть сообщено в прокуратуру.

124. В соответствии со статьей 128 настоящего Кодекса, сотрудник пенитенциарного учреждения, который действовал жестоко по отношению к заключенным или чьи действия нанесли ущерб

человеческому достоинству заключенных, должен быть привлечен к дисциплинарной или уголовной ответственности. Сотрудник пенитенциарного учреждения, который совершил дисциплинарное правонарушение во второй раз, должен был быть уволен.

#### **D. Закон о прокуратуре от 5 ноября 1991 года (действовавший в соответствующее время)**

125. В соответствии со статьей 12(1) Закона о прокуратуре прокурор обязан рассматривать заявления и жалобы, касающиеся нарушений прав граждан и юридических лиц, за исключением жалоб, которые подпадают под юрисдикцию судов. Часть 4 предусматривает, что можно подать жалобу на решение прокурора вышестоящему прокурору или в суд. Часть 5 гласит, что решение Генеральной прокуратуры является окончательным.

126. В соответствии со статьей 44(1) вопросы, находящиеся под контролем прокуратуры, лежат в следующих областях: соблюдение правовых норм, касающихся исправительных работ или контроля над учреждениями, ответственными за исполнение наказаний или применение принудительных мер по решению суда; соблюдение процедур и условий содержания или наказания лиц, содержащихся в таких учреждениях; права таких лиц; то, каким образом соответствующие органы выполняют свои обязанности в соответствии с уголовным законодательством; соблюдение законодательства об исполнении наказаний. Прокурор может в любое время посещать учреждения, где заключенные отбывают наказание, для проведения интервью или ознакомления с документами; он также может пересматривать законность приказов, распоряжений и постановлений администраций таких учреждений, прекращать применение взысканий или мер, наложенных на заключенных, опротестовывать такие взыскания или меры и отменять их, если они не соответствуют закону, и требовать у администрации разъяснений по поводу нарушений.

#### **E. Приказы Департамента**

##### *1. Правила внутреннего распорядка исправительно-трудовых колоний (действовавшие в соответствующее время)*

127. Правила внутреннего распорядка исправительно-трудовых учреждений были утверждены приказом № 110 Департамента от 5 июня 2000 года. В Правила были впоследствии внесены изменения, и они оставались в силе до 25 декабря 2003 года. Они могут быть изложены следующим образом.

128. Согласно правилу 1.1 эти Правила должны служить руководством для исполнения и отбывания наказаний. Согласно

действующему законодательству, Правила обязательны для всех исправительно-трудовых учреждений и связанных с ними медицинских учреждений (правило 1.2).

129. В соответствии с правилом 12.3, одиночные камеры в исправительно-трудовых колониях особого режима и камеры одиночного заключения должны иметь площадь не менее 3 м<sup>2</sup>. Окна в колониях и в ПКТ в исправительно-трудовых колониях должны быть 1,3-1,4 м в ширину и 1.15-1.2 м в высоту, а окна в ШИЗО, ДИЗО и карцерах – 0,5 м х 0,9 м. Окна были бы снабжены внешними стальными решетками или металлическими ставнями и внутренними решетками. Полы должны быть сделаны из бетона и покрыты деревянным настилом. Стены также должны быть сделаны из бетона и покрыты белой краской (правило 12.4). Двери камеры должны были иметь толщину 6 см, быть покрыты листовой сталью и усилены металлическими уголками по всему периметру. В центре двери должен быть глазок для наблюдения за заключенными. Посередине двери в 95 см от пола должно находиться отверстие размером 18 х 22 см для передачи пищи, книг и т.д. Двери должны открываться в коридор и быть запертыми (правило 12.5). В камерах в исправительных трудовых колониях общего, усиленного, строгого и особого режимов, а также в ШИЗО и ДИЗО должны быть установлены дополнительные внутренние двери, изготовленные из круглых металлических стержней и поперечных металлических перекладин.

130. В соответствии с правилом 12.10 камеры в ШИЗО, ДИЗО, одиночные камеры и камеры одиночного заключения в колониях особого режима должны были быть оборудованы койками, складывающимися и закрепляющимися от подъема до отбоя, а также другой необходимой мебелью.

131. В соответствии с правилом 16.1 отношения между заключенными и сотрудниками исправительных учреждений должны основываться на строгом соблюдении закона. В соответствии с правилом 16.3, заключенные обязаны выполнять в полном объеме требования сотрудников пенитенциарных учреждений.

132. В соответствии с правилом 17.3 заключенным запрещена отправка и получение корреспонденции в любой форме, противоречащей порядку, установленному настоящими Правилами.

133. В соответствии с правилом 20.1 в случае осложнения оперативной обстановки в исправительно-трудовой колонии сотрудники должны оставаться в колонии; для них должно быть организовано дежурство.

134. В соответствии с правилами 31.1-31.5 заключенные имеют право отправлять письма в соответствии с нормами, установленными Исправительно-трудовым кодексом. Письма и жалобы должны отправляться только через администрацию исправительно-трудового учреждения. На территории пенитенциарных учреждений должны

быть установлены специальные почтовые ящики, которые ежедневно открываются специально назначенными лицами. Заключение, содержащиеся на тюремном режиме и в помещениях камерного типа, отправляют свои письма через представителей колонии. Письма бросаются в почтовые ящики или передаются представителям администрации в незапечатанном виде. Письма заключенных, содержащие коды или шифры, письма, циничные по своей природе или содержащие информацию, которую нельзя распространять, не отсылаются адресату, о чем заключенный должным образом информируется.

135. В соответствии с правилами 33.1.-33,9 заключенные подают свои жалобы в устной или письменной форме. Письменные жалобы должны быть адресованы администрации исправительно-трудовой колонии. Заключенный должен быть обеспечен бумагой и письменными принадлежностями, чтобы иметь возможность изложить свои жалобы в письменном виде. Жалобы, которые могут быть рассмотрены администрацией колонии оперативно без передачи в другие учреждения и организации должны быть безотлагательно рассмотрены. Жалобы, адресованные в государственные учреждения и неправительственные организации или их должностным лицам, должны были быть направлены с сопроводительным письмом, в котором излагается оценка жалоб администрацией пенитенциарного учреждения. Жалобы, адресованные Уполномоченному по правам человека или в прокуратуру, не просматриваются и должны быть отправлены адресатам в течение одного дня после их получения. В случае повторной подачи жалобы, администрация должна сообщить в сопроводительном письме, какой орган рассматривал предыдущие жалобы, и уведомить о результатах этого рассмотрения. Жалобы, адресованные органам, не компетентным рассматривать их, не отправляются, и заключенному рекомендуется адресовать жалобу в компетентный орган. Однако если осужденный настаивает, жалоба направляется в указанный орган. Жалобы, содержащие нецензурные выражения, не отправляются адресатам, а автор такой жалобы подвергается дисциплинарному взысканию. Жалобы, поданные в письменном виде, должны быть зарегистрированы в канцелярии колонии и направлены адресатам в течение 3 дней. Устные жалобы также регистрируются в специальном журнале. Ответ на жалобу сообщается заключенному в течение трех дней и прилагается к его личному делу. Отправку жалоб оплачивают заключенные. Однако если заключенный не в состоянии заплатить, расходы на отправку жалоб несет колония.

136. Согласно правилам 44.1-44.4 досмотр и обыск заключенных, помещений и территорий, жилых и промышленных зон в исправительно-трудовых колониях должны проводиться в соответствии с порядком, установленном Департаментом. Запрещено



повреждать белье, одежду, вещи и другие предметы, если это не необходимо. Обыски в жилых и промышленных зонах проводятся в соответствии с составленным планом. По результатам обыска составляется документ. Временные рамки обыска устанавливаются администрацией пенитенциарного учреждения.

137. В соответствии с правилом 49, дежурный по колонии должен регистрировать каждый случай применения специальных мер сдерживания, таких как наручники, смирительные рубашки, специальное снаряжение и огнестрельное оружие, в специальном журнале.

138. В соответствии с правилом 69 помещение заключенного в ШИЗО, ДИЗО или камеру одиночного содержания осуществляется по решению начальника (в некоторых случаях дежурного), на основании объяснений заключенного и медицинского заключения о возможности содержания заключенного в такой камере. Заключенные, помещаемые в ШИЗО, ДИЗО или одиночную камеру, подвергаются полному досмотру. При себе разрешается иметь основные санитарные средства, предметы личной гигиены и сменную одежду. Лицам, содержащимся в таких камерах, запрещены свидания с родственниками, они не могут получать посылки и покупать продукты питания и предметы первой необходимости. Им не разрешено играть в настольные игры, отправлять письма и курить. Они полностью отвечают за поддержание порядка в своих камерах. Заключенные не могут покинуть ШИЗО, ДИЗО или одиночную камеру до истечения срока действия дисциплинарного наказания за исключением медицинских причин. После отбытия дисциплинарного наказания заключенный должен быть немедленно освобожден из штрафного изолятора дежурным или его заместителем в присутствии начальника отделения.

139. В соответствии с правилом 70 заключенные, помещенные в карцер, не имеют права носить теплую верхнюю одежду, а могут получить ее, только покидая это помещение. Постельное белье выдается только на время сна. Лицам, содержащимся в камерах ДИЗО, разрешается 1 час ежедневной прогулки, а лицам, содержащимся в ШИЗО и одиночных камерах, разрешается только 30-минутная прогулка.

140. В соответствии с правилом 74 начальники пенитенциарных учреждений, их заместители, руководители отделений и служб обязаны периодически посещать ШИЗО, ДИЗО, одиночные камеры и помещения камерного типа в колониях общего, усиленного и строгого режима, а также камеры одиночного содержания в колониях специального режима. Они должны изучить условия содержания в таких камерах и принять меры для устранения любых выявленных недостатков.

141. В соответствии с правилом 77 в исправительно-трудовых учреждениях должны предоставляться два вида медицинской помощи: клинические медицинские осмотры и надзор за заключенными с целью оценки их здоровья, а при выявлении болезни – лечение заключенных и восстановление их работоспособности; и амбулаторное и стационарное общее и специализированное лечение, в соответствии со средствами и методами, рекомендованными Министерством здравоохранения. Лицо, прибывающее в исправительно-трудовое учреждение, должно пройти обязательное медицинское обследование, результаты которого записываются в медицинскую карту заключенного.

*2. Приказ № 167 Департамента от 10 октября 2005 года  
«Об утверждении Положения о специальных подразделениях»*

142. Приказ № 167 предусматривает, в частности, что специальные подразделения могут участвовать в процессе обыска и досмотра исправительных учреждений и заключенных. Они могут также принимать участие в специальных акциях, связанных с беспорядками, массовым неповиновением, захватом заложников и другими чрезвычайными обстоятельствами. (Приказ и правила были в силе с 10 октября 2005 года по 26 декабря 2007 года; регистрация приказа была аннулирована Министерством юстиции Украины 14 января 2008 года. Эти приказ и правила заменили предыдущий приказ № 163 от 8 сентября 2003 «О создании специальных подразделений в рамках системы исполнения наказаний для действий в чрезвычайных обстоятельствах, утверждении личного состава и Положений об этих подразделениях», который не был доступен общественности). Согласно экспертному заключению № 15/88 Министерства юстиции и по мнению Секретариата Уполномоченного Правительства Украины в Европейском суде по правам человека приказ № 167 и положение, утвержденное им, не соответствуют Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также прецедентному праву Европейского суда по правам человека.

**Г. Доклад Уполномоченного Верховной Рады Украины  
по правам человека за 2004 год**

143. В докладе за 2004 год отмечается, в целом, использование специальных подразделений Департамента для отработки пенитенциарных учреждений, а также проведения обысков в них. Уполномоченный заявила, что практика использования таких подразделений может быть приравнена к пыткам. В частности, в докладе говорится, что заключенных заставляли покидать камеры, избивали дубинками, вынуждали лежать на полу, ставили в позу «растяжка» (когда человек стоит, упершись руками в стену с широко

расставленными ногами, см. параграф 13 Приложения к решению) во время досмотра или заставляли сидеть на корточках с поднятыми над головой руками в ожидании своей очереди на досмотр. Заключенных заставляли стоять по стойке «смирно» в течение нескольких часов и клясться, что они не будут нарушать режим и будут сотрудничать с администрацией пенитенциарного учреждения. Факты использования таких методов были выявлены в колонии № 78 Хмельницкой области. В целом в докладе отмечается, что основной целью этих обысков была, на самом деле, демонстрация силы, а не поиск запрещенных предметов. В докладе также упомянуто о проблемной ситуации, связанной с переполненностью колоний и исправительных учреждений в Украине. Тем не менее, в докладе не содержится никакой информации о том, какие действия были предприняты органами власти на основании этих выводов.

## ПРАВО

- I. Предварительные соображения
- II. Пределы рассмотрения
- III. Оценка доказательств и установление фактов судом
- IV. Заявленное нарушение статьи 3 Конвенции
- V. Заявленное нарушение статьи 13 Конвенции
- VI. Заявленное нарушение статей 8 § 1 (отдельно и в совокупности со статьей 13) и 34 Конвенции

### I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

144. Суд напоминает, что в своем решении о приемлемости от 15 января 2007 года по данному делу он признал жалобы заявителей в соответствии со статьями 3, 8, 13 и 34 приемлемыми. Он также постановил, что просьба Правительства об исключении жалоб, поданных 10 заявителями, из списка дел Суда и его возражения в отношении исчерпания национальных средств правовой защиты (см. параграф 5 выше) должны быть присоединены к существу дела.

145. Кроме того, Суд отмечает, что после признания приемлемости заявлений, Суд постановил провести и организовал миссию по установлению фактов в целях установления фактических обстоятельств дела, являющихся предметом спора между сторонами. После миссии стороны сделали дополнительные заявления по вопросу о приемлемости и по существу жалоб заявителей. В частности, в своем письменном заявлении Правительство просило Суд признать утверждения заявителей необоснованными и постановить, что нарушения Конвенции не было. Заявители не согласились

с Правительством и просили Суд признать нарушения статьей 3, 8, 13 и 34 Конвенции и назначить им справедливую компенсацию в соответствии со статьей 41.

146. Суд считает, что с учетом процессуальных событий в этом деле вопросы, поднятые выше, должны быть рассмотрены в следующем порядке:

– *во-первых*, следует решить вопрос о пределах рассмотрения, приняв решение по просьбе Правительства об исключении заявлений из списка подлежащих рассмотрению дел;

– *во-вторых*, следует установить факты данного дела и оценить свидетельства, предоставленные сторонами и полученные Судом в ходе миссии по установлению фактов;

– *в-третьих*, следует изучить существо жалоб заявителей и принять решение по возражениям Правительства относительно исчерпания национальных средств правовой защиты, которые были присоединены к существу дела.

## II. ПРЕДЕЛЫ РАССМОТРЕНИЯ

### A. Доводы сторон

147. Правительство утверждает, что только первый, второй и третий заявители предстали перед Судом. В частности, оно заявило, что остальные заявления должны быть исключены из списка дел, так как остальные десять заявителей и/или их наследники утратили заинтересованность в продолжении дела. В частности, оно отметило, что четвертый и пятый заявители уже отбыли наказание и их местонахождение неизвестно. Кроме того, г-н Киселев и г-н Кузьменко были переведены в другие пенитенциарные учреждения и, видимо, не хотят продолжения рассмотрения их заявлений. Шестой заявитель умер в 2004 году от болезни, и у него нет преемника в отношении претензий, поданных в Суд.

148. Представители заявителей первоначально утверждали, что жалоба четвертого заявителя не должна быть исключена из списка Суда, если от него не поступило недвусмысленного подтверждения, что он не намерен добиваться рассмотрения своей жалобы. Они утверждали, что такой информации нет и поэтому исключение жалобы четвертого заявителя из списка дел шло бы вразрез с «соблюдением прав человека, гарантированных настоящей Конвенцией и Протоколами к ней» (статья 37 § 1 Конвенции *in fine*). Что касается остальных девяти заявителей, они не согласились с Правительством и попросили Суд не исключать их заявления, если только Суд не получит фактической и законной информации об их жалобах непосредственно от заявителей или их родственников и наследников.

## В. Оценка Суда

149. Принимая во внимание, что дело было признано приемлемым 15 января 2007 года и в июне 2007 года в Хмельницком было проведено слушание с целью установления фактов, Суд отмечает, что 30 мая 2007 года заявитель г-н Друзенко был вызван, чтобы предстать перед делегатами, но не ответил на письменные просьбы со стороны Секретариата. Информационные запросы включали письма, отправленные заявителям г-ну Кулику, г-ну Миронову, г-ну Литвинову, г-ну Кузьменко, г-ну Киселеву и г-ну О.Диденко 13 апреля 2007 года, в которых Секретариат просил сообщить имя их представителя. Что касается г-на Салова, Суд отмечает, что он умер, а его возможные наследники, местонахождение которых неизвестно Суду и сторонам, не выразили заинтересованности в продолжении рассмотрения заявления.

150. Что касается заявлений, поданных г-ном Л.Швецом и г-ном Мартовым, то местонахождение этих заявителей неизвестно Суду и сторонам. Эти заявители также не поддержали первоначальные заявления, поданные в Суд г-ном Жердевым от их имени. В частности, г-н Мартов не связывался ни с Судом, ни со своим представителем г-ном Жердевым с 1 апреля 2003 года, когда он проинформировал последнего в письменном виде, что у него нет жалоб в связи с Замковой колонией и условиями, в которых он отбывал наказание. Местонахождение г-на Швеца неизвестно, и он не подавал жалобу в Суд, поскольку первоначальное заявление было подано его представителем г-ном Жердевым.

151. В этих обстоятельствах, принимая во внимание отсутствие реакции заявителей на запросы Секретариата, просьбы назначить представителя и вызовы в Суд для заслушивания устных свидетельств (см. параграфы 149-150 выше), а также отсутствие признаков того, что они сами или их наследники заинтересованы в продолжении рассмотрения их заявлений, Суд пришел к выводу, что нет оснований продолжать рассмотрение десяти заявлений, поданных г-ном Друзенко, г-ном Куликом, г-ном Мироновым, г-ном Литвиновым, г-ном Кузьменко, г-ном Киселевым, г-ном О.Диденко, г-ном Саловым, г-ном Швецом и г-ном Мартовым, в значении статьи 37 § 1(с) Конвенции.

152. Суд озабочен тем, что поданные десятью заявителями жалобы связаны с утверждениями о совершении серьезных нарушений обязательств, предусмотренных Конвенцией. Вместе с тем Суд отмечает, что вопросы, поднятые в жалобах этих десяти заявителей, во многом совпадают с вопросами, поднятыми в жалобах первых трех заявителей. Поэтому он считает, что не существует опасности того, что эти вопросы не будут рассмотрены Судом. Кроме того, Суд отмечает, что помимо отсутствия их реакции на вызовы Суда и другие запросы,

упомянутые выше (см. параграф 151 выше), ни один из этих десяти заявителей даже не заполнил форму заявления, тем самым не выполнив минимальных требований правила 47 Регламента Суда.

153. Суд не видит никаких причин общего характера, как это определено в статье 37 § 1 *in fine*, которые требовали бы рассмотрения указанных заявлений на основании этой статьи.

### III. ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ СУДОМ

- A. Доводы сторон
- B. Поведение Правительства
- C. Оценка доказательств Судом

#### A. Доводы сторон

##### 1. Заявители

154. Заявители утверждают, что письменные и устные показания в Суде доказывают, что они подверглись жестокому обращению в ходе учений спецподразделений и обысков, которые состоялись 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года. Кроме того, они утверждают, что власти не провели надлежащего расследования по этим жалобам. Они просят Суд признать, что Правительство нарушило статьи 3, 8, 13 и 34 Конвенции в отношении всех поданных ими жалоб (см. параграф 4 выше).

##### 2. Правительство

155. Правительство возражает против доводов заявителей и утверждает, что свидетельства, полученные в ходе миссии по установлению фактов в Хмельницком областном апелляционном суде, демонстрируют, что утверждения заявителей являются необоснованными и что ни одно из положений Конвенции не было нарушено. В частности, Правительство подчеркнуло, что не было доказано, что заявители подверглись жестокому обращению или что власти нарушили статью 3 Конвенции. Кроме того, Правительство считает, что свидетельские показания, принимая во внимание целый ряд противоречий и несоответствий в свидетельствах, данных в ходе миссии по установлению фактов, ясно демонстрируют отсутствие фактических оснований для возможного вывода о том, что заключенные подвергались избиениям и жестокому обращению в Замковой колонии 30 мая 2001 года и 28 января 2002 года.

### 3. Выводы Суда

156. Поскольку стороны спорят по поводу фактов, касающихся данного дела, Суд должен установить факты, самостоятельно оценив их в свете всех имеющихся материалов.

157. Суд осознает вспомогательный характер своей роли и признает, что он должен быть осторожен, беря на себя роль суда первой инстанции тогда, когда это не является неизбежным в связи с обстоятельствами конкретного дела. Тем не менее, Суд считает, что поскольку имеются достаточно веские утверждения в отношении статьи 3 Конвенции, которая считается одним из наиболее важных положений Конвенции и не допускает никаких отступлений, он должен провести тщательный и всесторонний анализ (см. *Ülkü Ekinci v. Turkey*, no. 27602/95, § 136, 16 July 2002), даже если определенные национальные процедуры и расследования уже проводились.

158. В связи с этим Суд напоминает о своей недавней практике, подтверждающей стандарт убеждения «вне разумного сомнения» при оценке доказательств (см. *Orhan v. Turkey*, no. 25656/94, § 264, 18 June 2002; *Tepe v. Turkey*, no. 27244/95, § 125, 9 May 2003; and *Yöyler v. Turkey*, no. 26973/95, § 52, 24 July 2003). Такое убеждение может следовать из сосуществования достаточно сильных, четких и согласующихся выводов или аналогичных неопровержимых презумпций фактов. В этом контексте должно приниматься во внимание поведение сторон при получении свидетельств (см. *Ireland v. the United Kingdom*, 18 January 1978, § 161, Series A no. 25). В первую очередь, Суд оценит поведение Правительства.

## В. Поведение Правительства

### 1. Общие принципы (вопросы по статье 38 § 1(a) Конвенции)

159. Статья 38 § 1(a) Конвенции гласит:

«1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он:

(а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия, ...»

160. Суд повторяет, что для эффективного функционирования системы индивидуальных заявлений в соответствии со статьей 34 Конвенции крайне важно, чтобы государство создало все необходимые условия для обеспечения надлежащего и эффективного рассмотрения заявлений (см. *Orhan*, цит. выше, § 266, и *Tanrıkulu v. Turkey* [GC], no. 23763/94, § 70, ECHR 1999-IV). Это присуще разбирательствам, связанным со случаями, когда отдельный заявитель обвиняет государственных служащих в нарушении его прав, закрепленных в Конвенции, и только Правительство-ответчик имеет доступ

к информации, способной подтвердить или опровергнуть эти обвинения. Отказ Правительства раскрыть такую информацию без удовлетворительных объяснений может не только привести к выводам относительно обоснованности утверждений заявителя, но также может негативно отразиться на уровне соблюдения государством-ответчиком его обязательств по статье 38 § 1(a) Конвенции (см. *Timurtaş v. Turkey*, no. 23531/94, §§ 66 и 70, ECHR 2000-VI). То же самое относится и к неспособности государства обеспечить явку важных свидетелей на слушание по установлению фактов, что мешает установлению истины по делу (см. *İpek v. Turkey*, no. 25760/94, § 112, ECHR 2004-II (extracts)).

## 2. Отсутствие заявителей и свидетелей

161. Суд отмечает, что он не имеет полномочий принудительно вызывать свидетелей. В данном случае из всех вызванных свидетелей десять заявителей и шесть свидетелей не предстали перед делегатами. Следовательно, Суд должен был устанавливать факты в отсутствие потенциально важных показаний, которые могли бы опровергнуть некоторые утверждения заявителей. В частности, среди заявителей, которые не предстали перед делегатами, были г-н Друзенко, г-н Мартов, г-н Салов, г-н Кузьменко, г-н Киселев, г-н Диденко, г-н Швец, г-н Литвинов, г-н Миронов и г-н Кулик. Со стороны Правительства не явились свидетели г-н Гайдамака, г-н Мазепа, г-н Мазуренко, г-н Пилипенко и г-н Захаров. Г-н Костенко, свидетель, предложенный заявителями, также не явился.

162. Суд отмечает по поводу отсутствия г-на Гайдамаки, г-на Мазепы, г-на Мазуренко, г-на Пилипенко и г-на Захарова, что эти свидетели ранее работали в Департаменте, а теперь являются пенсионерами, получающими пенсию от государства, и, следовательно, возможно было определить их местонахождение и представить делегатам и Суду их объяснения относительно их неявки, или, по крайней мере, заранее предоставить более подробную и своевременную информацию, что они не будут присутствовать на слушании. В этой связи Суд отмечает, что в день, когда г-н Пилипенко и г-н Мазепа должны были давать показания (26 июня 2007 года), делегаты получили информацию, что местонахождение последнего неизвестно Правительству. То же самое касается отсутствующих свидетелей г-на Пилипенко и г-на Мазепы, которые, в конечном итоге, отказались предстать перед делегатами. Суд отмечает, что оба они – пенсионеры Департамента, получающие государственную пенсию, и изначально сотрудничали с Судом и дали письменные показания в качестве потенциальных свидетелей, которые будут вызваны в Суд (см. параграф 33 выше).

163. Что касается отсутствия г-на Друзенко, то следует отметить, что согласно информации, имеющейся у Суда на 17 ноября 2006 года (письмо от г-на Бущенко о том, что он был не в состоянии связаться



с ним), этот заявитель находился под контролем Правительства в СИЗО № 21. По другой информации, предоставленной г-ном Бущенко, после освобождения из СИЗО № 21 г-н Друзенко проживал в Одессе (см. параграф 34 выше). Что касается заявителей г-на Киселева, г-на Диденко, г-на Швеца, г-на Литвинова, г-на Миронова и г-на Кулика, по данным, имеющимся в распоряжении Суда, они продолжают находиться под стражей или отбывают наказание, и, следовательно, также остаются под контролем Правительства. Тем не менее, Правительство не предоставило никакой дополнительной информации или разъяснений по поводу отсутствия этих заявителей. В частности, в отношении г-на Друзенко Суд отмечает, что он содержался в СИЗО № 21, находясь под следствием, и, таким образом, о его местонахождении должно было быть известно Правительству. Кроме того, заявители г-н Диденко, г-н Литвинов и г-н Миронов находились в Замковой колонии. Заявитель г-н Кузьменко содержался в Луганском СИЗО, а заявитель г-н Киселев отбывал наказание в Бердичевской колонии № 70. Таким образом, Суд считает, что Правительство имело возможность вызвать свидетелей, находившихся под стражей, чтобы они предстали перед делегатами. С другой стороны, отсутствие г-на Костенко не может быть отнесено к неспособности государства вызвать этого свидетеля, поскольку он был свидетелем со стороны заявителей и не находился под контролем Правительства.

164. Отсутствие своевременных разъяснений со стороны Правительства относительно отсутствия этих свидетелей вызывает озабоченность Суда, это задержало получение устных свидетельств по делу и тем самым препятствовало рассмотрению заявлений. В некоторой степени, это можно было бы рассматривать как невыполнение государством обязательства создать все необходимые условия для обеспечения надлежащего и эффективного рассмотрения заявлений (см., *mutatis mutandis*, *Nevmerzhitsky v. Ukraine*, no. 54825/00, § 75, ECHR 2005-II (extracts)). Кроме того, беспокойство вызывает тот факт, что Правительство не представило адекватных объяснений того, почему двое свидетелей (г-н Пилипенко и г-н Мазепа), которые первоначально дали письменные показания Суду в связи с событиями, в конечном итоге отказались предстать перед делегатами, а также правдоподобных объяснений в отношении мер, принятых Правительством для того, чтобы другие свидетели, которые находились под контролем государства или имели существенное отношение у государственным органам, приняли участие в слушании. Кроме того, 14 августа 2007 года Правительству было предложено, «возможно, после консультаций с заинтересованными лицами, пояснить причины их отсутствия в письменном виде до 28 сентября 2007 года». Суд не получил никакого ответа.

165. Кроме того, узнав о решении г-на Пилипенко и г-на Мазепы не представлять перед делегатами, Правительство должно было помочь Суду в установлении контактов с этими свидетелями, должным образом вызвав их или передав Суду соответствующую информацию от этих свидетелей с объяснением причин их отсутствия. Затем, делегаты должны были принять решение, имеют ли эти свидетели веские причины для отказа от дачи показаний (см., *mutatis mutandis*, *Ipek*, цит. выше, § 120).

166. Несмотря на приведенные выше рассуждения в отношении свидетелей, которые не явились на встречу с делегатами, Суд отмечает, что свидетели г-н Пилипенко, г-н Мазепа и г-н Костенко изначально сотрудничали с Судом и дали важные письменные свидетельские показания, которые не стали предметом перекрестного допроса. В этих обстоятельствах Суд будет с осторожностью относиться к содержанию этих показаний. Он также будет сопоставлять эти свидетельства с другими показаниями, данными делегатам, учитывая, насколько они соответствуют или противоречат другим свидетельствам (см. *Ipek*, цит. выше, § 120). Так, в предварительных письменных показаниях свидетели г-н Пилипенко и г-н Мазепа отрицали, что заключенные участвовали в учениях в Замковой колонии, что против них применялась сила и что они подверглись жестокому обращению в ходе этих тактических учений. В противовес этим заявлениям, г-н Костенко утверждал, что он находился в Замковой колонии с 2001 по 2003 год и знал одного из заявителей (г-на Давыдова), который находился в камере напротив. Г-н Костенко также заявил, что в ходе учений 30 мая 2001 года он был избит сотрудниками в масках, был вынужден стоять на коленях, а затем в «растяжке» в коридоре. В результате учений у него были сломаны левое колено и ребра. Он также отметил, что один из сотрудников заявил, что он приговорен к смертной казни и выстрелил в него из автомата. Он обратился за медицинской помощью и получил болеутоляющие средства. Его травмы не были зарегистрированы, а жалобы не были приняты. Во время вторых учений его вновь избили, он получил травмы внутренних органов, в том числе печени. После этих побоев он пытался покончить жизнь самоубийством, перерезав себе вены лезвием безопасной бритвы.

### 3. Дополнительные документальные свидетельства

167. В отношении документальных свидетельств, Суд считает, что другой повод для беспокойства связан с письменным запросом Суда от 14 августа 2007 года, в котором он запросил дополнительную информацию к устным показаниям по делу и проведенному расследованию по установлению фактов (см., в отношении запрошенной Судом информации параграф 65 выше).

168. В связи с вышеупомянутым запросом, 28 сентября 2007 года Правительство, предоставив копии некоторых документов и некоторые ответы, упомянутые в письме от 14 августа 2007 года (см. параграфы 65 и 66 выше), сообщило, что оно не может предоставить Суду следующие документы и свидетельства:

«... – Приказ Государственного Департамента по вопросам исполнения наказаний № 193дск от 30 августа 2002 года «О просмотре переписки заключенных», поскольку в соответствии с Законом об информации он был отнесен к конфиденциальной информации, и в соответствии с постановлением Кабинета Министров № 1893 от 27 ноября 1998 года не может быть предоставлен Суду. Правительство отметило в этой связи, что мониторинг переписки заключенных регулируется Кодексом об исполнении наказаний;

– Копию отчета о внутреннем расследовании, проведенном Государственным департаментом по вопросам исполнения наказаний, и копии докладов об оперативной обстановке в Замковой колонии с января 2001 года по декабрь 2002 года, так как они были уничтожены в связи с истечением срока хранения;

– Видеозаписи, сделанные в ходе учений, состоявшихся 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года, поскольку согласно информации, полученной от Государственного департамента по вопросам исполнения наказаний, видеозапись во время учений не производилась;

– Регистрационные журналы колонии со списками заключенных, содержащихся в камерах, которые посетили делегаты 27 июня 2007 года, на 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года. ...

169. Рассмотрев причины, по которым Правительство не предоставило вышеуказанную информацию, Суд считает, что не может принять их. В этой связи Суд вновь подчеркивает, что отказ Правительства предоставить доказательства, которые могут находиться в его распоряжении, без удовлетворительных и обоснованных объяснений, может негативно отразиться на уровне соблюдения государством-ответчиком своих обязательств в соответствии со статьей 38 § 1(a) Конвенции (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, nos. 57942/00 и 57945/00, § 120, 24 February 2005). В частности, он отмечает, что приказ Департамента № 193дск от 30 августа 2002 года, доклад о расследовании, проведенном Департаментом, и регистрационные журналы являются важными свидетельствами в данном деле и необходимы для выполнения функций Суда. Доказательства, не предоставленные Правительством, упоминались в устных заявлениях свидетелей во время слушания, в частности, в связи с вопросом о том, насколько эффективным было расследование жалоб заявителей и вмешивались ли власти в переписку заявителей. Таким образом, они должны были быть предоставлены Суду.

170. Суд не согласен, что постановление № 1893 от 17 ноября 1998 года является препятствием для раскрытия инструкций с пометкой «только для служебного использования». В частности, Правительство не указало, почему эти инструкции должны быть секретными. Более

того, Суд отмечает, что, когда приказ № 193дск Департамента был заменен новым приказом № 13 от 25 января 2006 года «Об утверждении Инструкции по контролю над корреспонденцией лиц, содержащихся в исправительных учреждениях и СИЗО», последний стал общедоступным документом. Правительство не дало никаких объяснений, почему приказ № 193дск должен был быть секретным, а его преемник нет. Оно также не предоставило никакой информации или объяснений, почему приказ № 193дск оставался секретным, будучи уже не действующим.

171. Кроме того, Суд считает неприемлемыми аргументы Правительства, согласно которым положения, касающиеся контроля над корреспонденцией заключенных, являются «государственной тайной». Кроме того, вопрос, «предоставлять или не предоставлять» отдельные документы или свидетельства, не является вопросом, решаемым в одностороннем порядке Правительством-ответчиком, которое обязано, как участник процесса, выполнять запросы Суда о предоставлении доказательств (см., *mutatis mutandis*, *Khashiyev and Akayeva*, цит. выше, § 120).

172. Что касается видеозаписей, которых якобы не было, Суд считает маловероятным, что сотрудники Департамента, в том числе действовавшие в составе «группы документирования», задача которой состояла в выявлении и «документировании» конкретных правонарушителей или подстрекателей к массовым беспорядкам и массовому неповиновению для последующего предъявления обвинений, и в распоряжении которых было две видеокамеры 30 мая 2001 года (см. параграф 56 выше) и фото- и видеокамера 29 января 2002 года (см. параграф 62 выше) в соответствии с Планами учений и обысков №№ 2 и 5, не использовали эту аппаратуру и не производили фото- и видеосъемку в эти дни.

173. Суд также считает объяснения Правительства по поводу невозможности предоставить отчет о расследовании Департамента, «так как он был уничтожен в связи с истечением срока хранения», а также списки заключенных, находившихся 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года в камерах, посещенных делегатами 27 июня 2007, неубедительными, а также юридически и фактически не обоснованными.

#### 4. Выводы

174. Суд хотел бы подчеркнуть, что он, применяя свои собственные процедуры и правила, проводит собственное расследование и оценивает допустимость и относимость доказательств, а также их доказательное значение, поскольку он не связан в соответствии с Конвенцией и общими принципами, применяемыми международными судами, строгими правилами доказательств (см. *Ireland*, цит. выше, § 210). В частности, только Суд может решить,

будет ли и в какой степени участие конкретного свидетеля иметь значение для оценки им фактов, а также какие доказательства стороны должны предоставить для надлежащего рассмотрения дела. Суд повторяет, что стороны обязаны выполнять его требования и распоряжения относительно доказательств, а также своевременно предоставлять информацию о любых препятствиях для их выполнения и разумные и убедительные объяснения в случае возникновения таких препятствий (см. *Nevmerzhitsky v. Ukraine*, no. 54825/00, § 77, ECHR 2005-II (extracts)). Тем не менее, в данном случае Правительство не действовало в полном соответствии с вышеупомянутыми принципами.

175. В свете вышеизложенных принципов Суд рассмотрел поведение Правительства при оказании помощи Суду в его задаче по установлению фактов в данном деле и пришел к выводу, что Правительство не выполнило свои обязательства в соответствии со статьей 38 § 1(a) Конвенции. Суд будет опираться на данное заключение – делая соответствующие выводы – при установлении фактов по делу.

### **С. Оценка доказательств Судом**

1. Доводы сторон
2. Устные показания
3. Материальные и документальные доказательства, полученные в ходе осмотра Замковой колонии
4. Факты, установленные Судом, и выводы Суда

#### *1. Доводы сторон*

176. Заявители утверждают, что они подверглись жестокому обращению во время учений, состоявшихся 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года. Они также утверждают, что им не была оказана медицинская помощь, а расследования их жалоб проведено не было. Кроме того, заявители жалуются на плохие условия их содержания.

177. Правительство отрицает это.

178. Суд отмечает, что дело заявителей в значительной степени зависит от того, смогут ли они доказать, что они подверглись жестокому обращению со стороны членов спецподразделений и сотрудников Замковой колонии в ходе учений и общего обыска помещений и заключенных 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года. Правительство отрицает, что кто-либо из заключенных получил повреждения во время этих учений и обысков. В отсутствие каких-либо судебно-медицинских документов, Суд должен установить факты на основе заявлений сторон и полученных устных и письменных доказательств.

## 2. Устные показания

### (а) Общие соображения

179. Суд будет проверять и устанавливать факты, оценивая вес и влияния доказательств, собранных делегатами Суда (см. *Tere v. Turkey*, no. 27244/95, § 136, 9 May 2003; *Tekdağ v. Turkey*, no. 27699/95, § 2, 15 January 2004; *Yöyler v. Turkey*, no. 6973/95, § 53, 24 July 2003).

180. Суд, как и его делегаты, должен также учитывать тот факт, что многие свидетели дали показания. В частности, в ходе устного слушания по делу делегаты заслушали трех заявителей и семнадцать других свидетелей, в том числе представителей сторон, которые дали показания в отношении отсутствующих свидетелей. Следует также отметить, что заявители и их свидетели давали показания по вопросам, в которых они были лично заинтересованы, с сопутствующим риском, что их интерпретация событий может быть необъективной. Что касается свидетелей со стороны Правительства, то большинство из них являются образованными людьми, а некоторые – достаточно высокопоставленными должностными лицами с большим опытом работы в пенитенциарной системе, знающими принципы ее работы, которые, возможно, уже неоднократно свидетельствовали в связи с рассматриваемыми событиями перед различными органами. Добросовестность этих свидетелей также должна быть тщательно проанализирована, так как они рискуют подвергнуться профессиональным или иным санкциям, если утверждения заявителей будут приняты

181. Кроме того, прошедшее время сказывается на возможности свидетелей вспомнить события точно и в деталях. В данном случае, свидетелей, дававших показания делегатам, просили вспомнить события, которые произошли пять-шесть лет назад. Суд не должен забывать, что некоторые из заявителей и их свидетелей могли иметь конфликты с персоналом Замковой колонии, где они отбывали наказание, и поэтому могли воспользоваться случаем, чтобы попытаться дискредитировать Правительство или его должностных лиц, выдвигая необоснованные обвинения в их адрес (см., *mutatis mutandis, İpek*, цит. выше, § 117). Эти факторы необходимо учитывать при оценке веса показаний, заслушанных делегатами.

182. Суд отмечает, что устные показания, данные делегатам первым (см. Приложение, параграфы 2-9), вторым (см. Приложение, параграфы 10-18) и третьим (см. Приложение, параграфы 19-23) заявителями, то есть г-ном Давыдовым, г-ном Ильченко и г-ном Гоменюком соответственно, повторяли письменные показания, данные ими национальным органам и органам Конвенции. Их показания в целом были подробными и точными и соответствовали их заявлениям и жалобам, предъявленным после вышеупомянутых учений 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года. Их воспоминания о событиях,

различных пунктах и местах, откуда они наблюдали за проведением учений, подтверждается рядом фактов, сообщенных Суду другими свидетелями, такими как время и способы проведения обыска, ход учений и присутствие внешних специальных подразделений, форма служащих, их снаряжение, отсутствие возможности жаловаться в какие-либо органы, кроме местной прокуратуры, представители которой присутствовали на учениях, и недостатки в расследовании.

183. Суд отмечает, что ко времени осмотра Замковой колонии делегатами, расположение и использование зданий изменилось по сравнению со временем рассматриваемых событий. Тем не менее, помещения Замковой колонии, о которых говорили заявители и свидетели в своих заявлениях и которые были осмотрены делегатами, были вполне узнаваемыми на основании устных описаний колонии и показаний по поводу проведения учений, данных заявителями и свидетелями в ходе устного слушания. Это подкрепляет описание заявителями развития событий в ходе двух учений (см. Приложение, параграфы 2-9 и 19-23).

184. Суд убедился на основании свидетельств, предоставленных заявителями, что в обстоятельствах данного дела медицинские документы или их отсутствие не являются доказательством того, что лицо было или не было травмировано, поскольку повреждения не всегда регистрировались в специальных медицинских журналах Замковой колонии. В частности, Суд отмечает в этой связи, что медицинские документы исчезли при переводе заявителя г-на Давыдова из Замковой колонии в Бердичевскую колонию № 70 (см. Приложение, параграф 8). Кроме того, общие медицинские записи уже уничтожены в связи с истечением их срока хранения (см. параграф 168 выше).

#### **(b) Оценка устных показаний Судом**

185. Показания свидетелей г-на Вагифа Диденко (см. Приложение, параграфы 24-30), г-на Леонида Михайленко (см. Приложение, параграфы 31-36), г-на Олега Тишалкова (см. Приложение, параграфы 37-40) и г-на Вадима Гетманского (см. Приложение, параграфы 41-45) о событиях 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года были ясными и, в целом, соответствовали свидетельским показаниям, данным представителю заявителей г-ну Бущенко по просьбе Суда в преддверии миссии делегатов. Суд считает их заявления достоверными, точными и надежными. В частности, в отношении показаний г-на Михайленко (см. Приложение, параграфы 31-36) Суд отмечает, что он не имел непосредственных контактов с заявителями и смог описать, как проводились учения и что происходило в ходе этих учений. Кроме того, пункт, с которого г-н Михайленко наблюдал за событиями, был легко обнаружен при осмотре Замковой колонии и вполне согласовывался с показаниями этого свидетеля. Его показания

соответствовали показаниям заявителей и других свидетелей – заключенных Замковой колонии, которые наблюдали за событиями с различных точек и в разное время и поэтому могли видеть различные аспекты учений. Эти заявления подтверждаются множеством важных совпадений в их показаниях, касающихся присутствия специальных подразделений на обоих учениях, их формы, шума, звуков взрывов и выстрелов, слышанных ими, времени и методов обыска, жалоб, предъявленных заявителями, расследования этих жалоб, полученных травм и неоказания медицинской помощи пострадавшим.

186. Показания г-на Сергея Шедко, заключенного, предложенного Правительством в качестве свидетеля (см. Приложение, параграфы 46-49), в общем, подтверждают показания, данные ранее свидетелями г-ном Вагифом Диденко (см. Приложение, параграфы 24-30), г-ном Леонидом Михайленко (см. Приложение, параграфы 31-36) и г-ном Олегом Тишалковым (см. Приложение, параграфы 37-40). В частности, г-н Шедко подтвердил, что учения и обыски проходили в указанные ими сроки, но он не подтвердил некоторые ранее установленные факты. Его воспоминания были смутными, и он вообще заявил, что никаких нарушений при проведении учений и обысков не было, и все соответствовало правилам.

187. По мнению Суда, некоторые заявления г-на Шедко не были в полной мере достоверными, убедительными и последовательными. В частности, он не смог опровергнуть утверждения заявителей, поскольку он отрицал эти утверждения, не приводя никаких дополнительных деталей, о которых его просили делегаты, и не дал никаких объяснений, которые могли бы убедить в обратном. Таким образом, его заявления не могли быть рассмотрены в контексте других полученных свидетельств и противопоставлены этим свидетельствам. Суд отмечает в этой связи, что свидетель не помнит важных подробностей учений, связанных с утверждениями заявителей о жестоком обращении. Кроме того, в отношении участия внешних специальных подразделений он заявил, что в обысках принимали участие только сотрудники Замковой колонии и охранной компании. Тем не менее, он подтвердил ряд сообщенных другими лицами фактов, касающихся, в частности, времени и методов проведения обысков, формы сотрудников пенитенциарного учреждения и т.д.

188. Что касается свидетельских показаний г-на Василия Бондаря, начальника медицинской части Замковой колонии (см. Приложение, параграфы 50-58), то этот свидетель подтвердил ряд фактов, сообщенных другими свидетелями, в том числе приблизительное время обысков, участие внешней «группы быстрого реагирования» (специального подразделения), форму сотрудников, их снаряжение, оказание медицинской помощи, процедуру регистрации жалоб и контроля над его деятельностью. Его заявления также указывают на отсутствие в Замковой колонии адекватной системы приема и



регистрации медицинских жалоб, а также системы ведения медицинских записей. Кроме того, Суд отметил некоторые несоответствия в его заявлениях в отношении присутствия специальных подразделений в жилой зоне и того, где именно он находился во время обыска (см. Приложение, параграфы 51-54). В отношении жалоб заявителей, что они не получили адекватной медицинской помощи, Суд считает, что он не может делать какие-либо выводы из показаний этого свидетеля в отношении оказания медицинской помощи заявителям, поскольку ответы этого свидетеля имели целью доказать, что он действовал в соответствии с законом, и защититься от обвинений заявителей, связанных с его неудовлетворительной работой. Однако Суд все же примет во внимание показания этого свидетеля относительно функционирования медицинской части и того, что ее функционирование в целом соответствует правилам. Он также не смог исчерпывающе и четко ответить на вопросы о регистрации медицинских жалоб, в частности на вопрос, как он узнает о медицинских жалобах заключенных и как реагирует на такие жалобы. Суд также отмечает, что в медицинской части работают только два сотрудника, включая г-на Бондаря. Таким образом, этот свидетель не мог присутствовать везде во время учений и обыска в камерах, не мог наблюдать все учения, хотя он и отметил, что камеры обыскивались одна за другой. Для Суда это несоответствие означает, что г-н Бондарь видел только часть обыска и учений, но не учения и обыск в целом. Кроме того, г-н Бондарь изначально заявил, что он не знает, какая группа или подразделение участвовали в учениях в Замковой колонии, но потом подтвердил участие некоторых внешних «дополнительных сил». В связи с этим, Суд принимает во внимание служебную зависимость этого свидетеля от начальника колонии и Департамента и считает, что непоследовательность некоторых его высказываний была результатом этой зависимости.

189. В отношении заявлений, сделанных двумя прокурорами, г-ном Олегом Бухером, местным прокурором (см. Приложение, параграфы 59-63), и г-ном Евгением Волковым, специальным прокурором, который осуществлял надзор за законностью в Замковой колонии (см. Приложение, параграфы 64 -70), Суд считает, что эти свидетели были уклончивы в своих показаниях. Это особенно касается путаных показаний свидетеля г-на Волкова, который не смог дать последовательное описание событий. В частности, отвечая на вопросы делегатов, г-н Волков не дал прямых ответов и не сообщил точных фактических деталей. В своих показаниях он несколько раз повторил, что обыск и учения в мае 2001 года проводились в соответствии с законом, и решительно отрицал какие-либо возможные нарушения правил внутреннего распорядка колонии, касающихся проведения учений и обысков. Его показания были общими, поскольку он не

сообщил подробностей и не дал пояснений, что же именно происходило. В отношении заявлений г-на Бухера, Суд отмечает, что, хотя тот был готов оказать помощь делегатам, он не имел непосредственных сведений об учениях и обысках, так как не наблюдал их, а только осуществлял контроль над расследованием этих событий. Тем не менее, он заявил, что Житомирское специальное подразделение принимало участие в учениях в мае 2001 года (см. Приложение, параграф 62).

190. Суд считает, что свидетельские показания г-на Бухера, г-на Волкова и г-на Бондаря, местного прокурора, специального прокурора и начальника медицинской части соответственно, могут быть использованы в связи с отдельными моментами дела, в которых эти свидетели принимали участие. В частности, показания г-на Бухера были полезными для изучения того, как проводилось расследование жалоб заявителей. Показания г-на Волкова могут использоваться в связи с рассмотрением жалоб заявителей, порядка подачи ими жалоб, а также некоторыми общими фактическими подробностями, связанными с проведением учений. Что касается заявлений г-на Бондаря, они были полезны для понимания работы медицинской части и того, как медицинская часть реагирует на поступающие медицинские жалобы (см. параграф 188 выше). Таким образом, события с точки зрения этих свидетелей, а также дополнительные важные детали, выясненные в ходе сравнения с ранее полученными показаниями, подтверждают утверждения заявителей о способе проведения расследования и оказания им медицинской помощи.

191. Г-н Бухер, местный прокурор, также дал важные показания о роли специального прокурора в расследовании и эффективности расследования. В общем, его показания относительно расследования были достаточно надежными, так как он пытался доказать, что был прав, отказав в возбуждении уголовного дела против сотрудников колонии и членов группы быстрого реагирования. Кроме того, он пытался доказать, что следственные действия, предпринятые его группой, им и его помощниками, которые проводили допросы заявителей и свидетелей, были разумными и правильными в данных условиях, и что они изучили все важные данные, произвели все необходимые следственные действия и пришли к выводу, что в данном случае нет необходимости в возбуждении уголовного дела.

192. Кроме того, Суд отмечает, что из показаний г-на Евгения Волкова, прокурора по надзору, ясно, что свидетель был неопытным работником прокуратуры, который только что начал работать в специализированной прокуратуре, занимающейся надзором за колониями, и не был в полной мере осведомлен о функционировании колоний, а также правовых и практических вопросах, связанных с этой работой (см. Приложение, параграфы 65-70). Его показания в связи с проведением учений в обоих случаях были ненадежными, так как

в них имелось множество несоответствий. В частности, во-первых, он упомянул, что был новичком на этой работе и данные учения были исключительным событием для него, поэтому он старался понять, запомнить и увидеть как можно больше. Тем не менее, хотя эта работа была для него новой и он был впечатлен ее важностью, особенно с точки зрения необходимости обеспечения соблюдения закона, он не смог вспомнить многие важные детали, касающиеся учений и обыска. В частности, он был не в состоянии дать четкие и прямые ответы на ряд фактических вопросов. Например, он утверждал, что заявители и другие заключенные были заблаговременно проинформированы об учениях и обыске по радио и что это был обычный способ их информирования. Однако, несмотря на некоторые неясные ответы на другие поставленные вопросы, этот свидетель уверенно утверждал, что группа быстрого реагирования находилась в Замковой колонии 30 мая 2001 года и находилась, скорее всего, в «жилой зоне» (см. Приложение, параграф 65). Для Суда его показания также стали подтверждением того, каким образом было организовано расследование жалоб. Кроме того, из его показаний было очевидно, что заключенные не имели возможности непосредственно обратиться с жалобой в органы прокуратуры или другие государственные органы, и были вынуждены использовать «незаконные» пути для подачи жалоб. В своих показаниях он подтвердил предоставленные Правительством документальные свидетельства, что он рекомендовал применить санкции к заключенным за такую незаконную подачу жалоб.

193. В отношении свидетельских показаний сотрудников Замковой колонии г-на Павла Клипатского, г-на Андрея Шацкого, г-ном Сергея Злотенко и г-на Павла Заремского (см. Приложение, параграфы 71-85) Суд считает, что эти показания относительно проведения учений носили общий характер, но все же были полезны, поскольку они дополнили устные показания заявителей и бывших заключенных Замковой колонии. В частности, эти свидетели не смогли дать точные сведения о проведении учений, а давали только общие показания, говоря, что в ходе учений не нарушался закон или правила внутреннего распорядка колонии. В этой связи Суд, как и в случае с г-ном Бондарем, подчеркивает зависимость этих свидетелей от государства, в частности, от Департамента. Тем не менее, в целом их показания совпадали с уже имеющимися письменными утверждениями, представленными Суду заявителями в отношении способа организации учений, а также некоторых фактических деталей учений, таких как участие групп быстрого реагирования в обоих учениях, форма сотрудников, выстрелы и шум, сроки и порядок учений.

194. Суд также отмечает, что показания г-на Павла Клипатского не согласуются с другими показаниями заявителей и свидетелей.

В частности, сначала он не признавал присутствие в колонии специального подразделения, а потом сообщил, что это подразделение присутствовало в промышленной зоне во время учений (см. Приложение, параграф 72). Несмотря на это, Суд считает, что он, как и другие должностные лица Замковой колонии, заслушанные делегатами, косвенно подтвердил присутствие подразделения быстрого реагирования в жилой зоне Замковой колонии. Он также сообщил дополнительные сведения о том, каким образом было организовано расследование событий и как жалобы заключенных, в том числе жалобы, поданные заявителями в Европейский суд по правам человека через г-на Жердева, рассматривались в пенитенциарном учреждении и как они были отправлены из Замковой колонии (см. Приложение, параграф 81).

195. В отношении показаний г-на Сергея Снегиря, бывшего начальника Замковой колонии (см. Приложение, параграфы 94-100 выше), Суд считает, что они подтверждают присутствие подразделения быстрого реагирования в жилой зоне во время обоих учений, содержат важные сведения о расследовании событий и рассмотрении жалоб заключенных. В частности, эти показания касаются инспекции камер, проведенной начальником колонии в присутствии прокурора и лиц, присутствовавших при учениях и обысках. Он также дал подробные пояснения о том, как рассматривались жалобы заявителей, в частности, о своей встрече с г-ном Ильченко в связи с его жалобами, поданными через г-на Жердева в Европейский суд по правам человека (см. Приложение, параграф 100). Кроме того, г-н Снегирь подтвердил, что сотрудники Замковой колонии использовали специальное снаряжение и специальную форму, описанные заявителями в их жалобах и свидетельских показаниях, и поэтому заключенные не могли идентифицировать членов спецподразделения. Кроме того, некоторые из них были из колонии № 31 (см. Приложение, параграф 99).

196. В отношении показаний г-на Василия Левенцова, бывшего первого заместителя начальника регионального Департамента пенитенциарных учреждений (см. Приложение, параграфы 87-93), Суд считает, что они подтверждают информацию, сообщенную ранее другими свидетелями. На основании этих показаний и показаний других свидетелей, Суд пришел к выводу, что подразделения быстрого реагирования присутствовали в Замковой колонии в ходе обоих учений. В частности, Житомирское специальное подразделение присутствовало на первых учениях, состоявшихся 30 мая 2001 года, а подразделение быстрого реагирования, сформированное из числа персонала соседних колоний и исправительных учреждений, в том числе колонии № 31, присутствовало в Замковой колонии 29 января 2002 года. Этот свидетель не подтвердил прямо, но и не отрицал предположение, что подразделения быстрого реагирования находились

в «Монастыре» во время обыска. Несмотря на тот факт, что этот свидетель пытался уйти от прямого ответа на поставленный выше вопрос или утверждал, что он не может вспомнить некоторые факты, для Суда его показания стали подтверждением сведений о методах обыска, уже описанных заявителями и другими свидетелями, а также других важных подробностей, касающихся организации учений и обыска, которые соответствовали планам учений, разработанным и утвержденным Департаментом пенитенциарных учреждений, где этот свидетель занимается подготовкой персонала.

197. Суд отмечает, что показания г-на Николая Ильтяя, первого заместителя начальника Департамента (см. Приложение, параграфы 101-107 выше), содержат важные фактические подробности, касающиеся внутреннего расследования, проведенного Департаментом, и рассмотрения жалоб заключенных Департаментом. По показаниям этого свидетеля, которые Суд считает надежными, несмотря на отказ Правительства предоставить какие-либо документы, касающиеся проведения расследования (см. параграф 168 выше), следователь Департамента г-н Иршко провел допросы и получил письменные показания 100 человек за один день без рассмотрения медицинских заключений и просмотрел личные дела заявителей, отметив, что они считались «злостными нарушителями режима» (см. Приложение, параграф 102 выше). Эти данные являются полезными для изучения Судом методов и характера расследования, проведенного местными органами власти в связи с жалобами заявителей. Суд также отмечает, что г-н Ильтяй дал важные фактические сведения о целях и задачах использования специальных подразделений и снаряжения, которое они имели при себе и использовали во время учений. В частности, он заявил, что сотрудники отрядов быстрого реагирования и специальных подразделений в составе Департамента были обязаны знать помещения пенитенциарного учреждения, включая жилую зону, на случай возникновения непредвиденных обстоятельств, таких как захват заложников или массовые беспорядки. Таким образом, эти показания стали еще одним доказательством того, что обыски проводились с участием специальных подразделений, которые должны были пройти подготовку в жилой зоне Замковой колонии, чтобы ознакомиться с ней.

#### *4. Материальные и документальные доказательства, полученные в ходе осмотра Замковой колонии*

198. После устного заслушивания свидетелей делегаты решили осмотреть следующие помещения и изучить следующие документы, при условии их наличия в Замковой колонии:

- (1) камеры и изоляторы (в том числе крыло, называемое «Монастырем»);

- (2) медицинскую часть;
- (3) журналы регистрации заключенных;
- (4) журналы регистрации жалоб, поступивших от заключенных в местную и Генеральную прокуратуру;
- (5) журналы регистрации медицинских жалоб, относящиеся к рассматриваемому периоду;
- (6) регистрационные журналы камер одиночного заключения;
- (7) журналы регистрации дисциплинарных санкций, которые применялись к заявителям.

199. В отношении инспекции Замковой колонии, Суд отметил, что делегаты посетили камеры «Монастыря», бывшие помещения медицинской части, помещения дисциплинарного изолятора и камеры одиночного заключения в колонии № 58. Они также посетили комнату для хранения специального снаряжения, которое было временным помещением для хранения такого снаряжения.

200. Регистрационные журналы и документы, указанные в пунктах 3, 4, 5, 6 и 7 выше (в параграфе 198 выше), относящиеся к периоду проведения первых и вторых учений, не были предоставлены делегатам, в основном из-за того что они якобы были уничтожены по истечению срока их административного использования. Делегаты осмотрели помещения, упомянутые в пунктах 1 и 2. Делегатам показали свежие административные регистрационные журналы, не содержащие информации, которая могла бы быть полезной для целей миссии по установлению фактов. Таким образом, Суд не может делать какие-либо выводы из этих документальных свидетельств.

201. На основании проведенной делегатами инспекции Суд пришел к выводу, что условия содержания под стражей в Замковой колонии в целом соответствовали условиям, описанным в жалобах заявителей и в замечаниях сторон по делу. Они также пришли к выводу, что описание помещений Замковой колонии в целом соответствует их устным описаниям, данным заключенными-свидетелями в ходе слушания.

#### *5. Факты, установленные Судом, и выводы Суда*

- (a) Общие замечания в отношении фактов
- (b) События 30 мая 2001 года и последующие события
- (c) События 29 января 2002 года и последующие события
- (d) Расследование жалоб заявителей

#### **(a) Общие замечания в отношении фактов**

202. Суд отмечает, как общее замечание, что заключенные не были должным образом проинформированы заранее о проведении учений (см. Приложение, параграфы 12, 16, 18, 26, 32, 38, 42 и 70). До них только доходили слухи, что учения будут проводиться; они также получали определенные угрозы со стороны сотрудников колонии

(см. Приложение, параграфы 26 и 42). Заключение, в том числе заявители, не давали согласия принимать участие в учениях, и их никто не спрашивал, хотят ли они участвовать в этих учениях. Все они находились в уязвимом положении, не имея возможности защитить себя от чрезмерного применения силы или унижительных досмотров. Кроме того, в ходе этих учений с ними обращались как с объектами. Заявители не могли пожаловаться на нарушения в ходе учений, поскольку они не могли опознать замаскированных нарушителей (см. Приложение, параграфы 12, 17 20, 27, 39, 45, 48 и 52), или подать жалобу законным путем, так как это подразумевало цензуру переписки предполагаемыми нарушителями и конкретные личные негативные последствия, такие как применение взысканий за подачу жалоб.

203. Кроме того, принимая во внимание показания свидетелей, полученные делегатами Суда (см. Приложение), и документы, предоставленные сторонами (см. параграфы 51-100 выше), Суд пришел к следующим фактическим выводам по каждому из учений, проведенных в Замковой колонии 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года (см., соответственно, параграфы 204-220 и 221-230 ниже). Он также сделал фактические выводы, изложенные ниже, относительно расследования жалоб заявителей (см. параграфы 231-234 ниже).

#### **(b) События 30 мая 2001 года и последующие события**

204. Первые учения, проведенные 30 мая 2001 года, должны были начаться в 5 часов утра (в соответствии с планом учений (План № 1)), а обыск (в соответствии с Планом № 3) должен был проводиться с 8 часов утра до 12 часов дня (см. параграфы 55 и 57 выше). Учения начались со сбора сотрудников, принимавших участие в них, в клубе Замковой колонии. Там их проинформировали об их задачах и «оперативной обстановке» в Замковой колонии.

205. Сами учения начались по сигналу тревоги, после чего сотрудники, участвовавшие в учениях (231 человек), вошли в промышленную зону через контрольно-пропускной пункт Замковой колонии. В эту группу входили сотрудники Замковой колонии, члены подразделений быстрого реагирования колоний №№ 31, 58 и 98, и 18 и сотрудники Житомирского специального подразделения.

206. Изначально учения по освобождению заложников должны были проводиться в столярной мастерской в промышленной зоне без участия заключенных. Учения касались подготовки подразделений быстрого реагирования Замковой колонии и сотрудников Департамента к возможным чрезвычайным ситуациям в колонии. Однако вопреки срокам, определенным Планом № 1 от 25 мая 2001 года (см. параграфы 52-55 выше), примерно в 8 часов утра Житомирское специальное подразделение, подразделение быстрого реагирования и сотрудники Замковой колонии, составлявшие так называемый «сводный отряд» и разделенные на две группы, вошли в

жилую зону и приняли участие в общем обыске жилых помещений. Подразделения провели общий обыск до занятий по освобождению заложников, с 8 до 10 часов утра, а затем с 10 часов утра до 11:30 утра они проходили подготовку в промышленной зоне (см. параграфы 55 и 57 выше и параграфы 182 и 185 с дальнейшими ссылками выше).

207. В общем обыске, проведенном в рамках первых учений, участвовали группы блокирования, документирования, медицинской помощи, сопровождения, обыска, специальная и резервная группы (см. параграф 56 выше). Специальные подразделения и подразделения быстрого реагирования принимали участие в обыске в качестве «**групп усиления**», или групп, участвующих в «контрольном обыске», то есть избирательном общем обыске в локальных зонах Замковой колонии (см. параграфы 53 и 55 выше). При учениях использовалось специальное снаряжение (см. параграф 54, 56 и 58 выше) и специальная камуфляжная форма зеленого или других цветов. Эта форма была выдана сотрудникам Замковой колонии в день учений. Житомирское спецподразделение имело собственную форму и специальное снаряжение. Специальное снаряжение включало шлемы, щиты, автоматы, которые использовались специальным подразделением, петарды, черные бронежилеты, которые были надеты поверх формы, благодаря чему у некоторых заявителей и свидетелей создалось впечатление, что форма была черной, резиновые дубинки, наручники, обездвиживающие рогатины (см. параграфы 54 и 56 выше). Сотрудники колонии, участвовавшие в обыске, также использовали автоматическое оружие, петарды, дубинки и щиты при обыске помещений, где содержались заключенные (см. параграфы 54 и 56 выше).

208. Роль специального подразделения состояла в руководстве обыском, который должен был быть проведен после учений. Общему обыску, который должен был длиться 2-3 часа, подлежали 53 камеры, где находились 750 заключенных. Эта группа должна была показать сотрудникам Замковой колонии, как проводить общий обыск наиболее эффективным образом в заданный срок, а также дать специальному подразделению возможность провести практический инструктаж сотрудников колонии и подразделения быстрого реагирования (см. параграф 53 выше). Это включало построение в коридоре, вывод заключенных из камер, построение их вдоль стены в коридоре и проведение полного личного досмотра.

209. Начальник Замковой колонии, сотрудники Мазепа и Мазуренко, прокурор Волков и врач Бондарь (начальник медицинской части) присутствовали во время первого этапа учений. Тем не менее, они не присутствовали во время обыска всех камер.

210. События этого обыска описываются в показаниях заявителей (см. Приложение, параграфы 3-4 и 11-14) и свидетелей-заключенных



(см. Приложение, параграфы 25-29, 32-34, 38-40 и 42-43) следующим образом.

211. В частности, обыск в камере № 8 «Монастыря» Замковой колонии, где содержались первый и второй заявители, начался со звуков взрывов и холостых выстрелов из автоматического оружия, по-видимому, в коридоре, ведущем от входа в Монастырь к камере № 8, а также шума и криков. Заявители слышали, как людей вытаскивали из камер и избивали. Проводящие обыск группы также использовали петарды и били дубинками по щитам. Сотрудники подожгли петарду возле камеры и произвели выстрел.

212. Вскоре после этого дверь камеры открылась, и два сотрудника, очевидно, принадлежащие к специальному подразделению, участвовавшему в обыске, так как они были в масках и бронежилетах, вбежали в камеру, направив оружие внутрь камеры. Они приказали первому и второму заявителям лечь на пол лицом вниз. Им запретили двигаться. Второй заявитель не мог найти место в камере, чтобы лечь, за что один из сотрудников несколько раз ударил его ногой. Сотрудники передвигались по камере, наступая на заключенных.

213. Сотрудники приказали заключенным камеры № 8, в том числе первому и второму заявителям и другим заключенным камеры, выбежать по одному в коридор «Монастыря», в то время как другие сотрудники, с дубинками и щитами образовали «коридор», по которому заключенные бежали к стене перед камерой. Они бежали, наклонив головы до уровня ног. Первого и второго заявителей заставили встать и бежать. Второго заявителя вытащили из камеры два сотрудника, заломив ему руки вверх за спину, так что он согнулся и едва мог идти.

214. Когда второй заявитель бежал, его били дубинками по лбу и спине. Сотрудники, образующие «коридор», пытались ударить первого и второго заявителя, а также других заключенных камеры № 8 дубинками и ногами. Другие сотрудники создавали шум, стуча дубинками по щитам. Один из членов группы обыска остановил первого заявителя и приказал ему стать у стены. И первый, и второй заявители должны были стоять в позе «растяжки» (см. разъяснения по поводу позы в параграфе 143 выше) возле стены. Второй заявитель упал при попытке стать в такую позу, но его ударили ногой и заставили подняться и стать у стены в той же позе. Сотрудники начали их обыскивать; первому и второму заявителям приказали раздеться догола, их одежду сложили посреди коридора без осмотра. Заявителям было приказано назвать свои имена, причину осуждения и срок заключения. Им велели поклясться, что они не будут нарушать правила внутреннего распорядка и будут выполнять приказы сотрудников колонии. Затем эти сотрудники, узнав от кого-то из Замковой колонии, что оба заявителя являются «злостными

нарушителями режима содержания», стали бить первого заявителя, когда его ответы были недостаточно громкими.

215. Второму заявителю приказали бежать обратно в камеру, он начал искать свою одежду, которая была свалена в кучу посреди коридора, но его ударили ногой за то, что он делал это слишком долго. После этого второй заявитель побежал обратно в камеру голый с одеждой в руках, он бежал, согнувшись и постоянно получая удары. Когда он вошел в камеру, ему вновь приказали лечь. Потом всем заключенным было приказано встать и навести порядок в камере. После возвращения в камеру, они увидели, что все их вещи разбросаны по полу, разбиты или свалены в кучу в центре камеры.

216. Процедура проведения обыска и полного личного досмотра регулировалась правилами внутреннего распорядка Департамента (см. параграфы 67-76, 122 и 136 выше). Заключенным, которые нарушали режим, в частности, «злостным нарушителям режима», члены подразделения быстрого реагирования и сотрудники, принимавших участие в обыске, уделяли наиболее пристальное внимание. Суд отмечает, что сотрудники Замковой колонии указали на первого и второго заявителей, которые содержались в «Монастыре», как на «злостных нарушителей режима» и опасных преступников, не желающих исправляться, что обеспечило им особое внимание со стороны охранников, действовавших под руководством сотрудников Замковой колонии.

217. Специальные подразделения ушли перед обедом в день учений. Через 10-15 минут после окончания обыска и возвращения заключенных из коридора в камеру № 8, к ним вошли г-н Захаров, г-н Мазепа и г-н Мазуренко, которые спросили их, в том числе первого и второго заявителей, есть ли у них какие-либо жалобы. Это было сделано в присутствии членов спецподразделения. Г-н Волков и г-н Стасюк присутствовали при учениях и посетили камеры. Также присутствовали представители администрации колонии (в том числе г-н Гайдамака и г-н Захаров).

218. Суд считает, что применение силы должностными лицами в отношении заявителей в ходе обыска непременно должно было привести к травмам заключенных, содержащихся в камере № 8 «Монастыря». Суд считает доказательства, вытекающие из устных показаний заявителей и свидетелей, достаточными, чтобы установить, что первый и второй заявители получили травмы (см. Приложение, параграфы 5 и 16). Кроме того, по мнению Суда, отсутствие материальных доказательств, таких как медицинские записи или выводы медицинского обследования, подтверждающих конкретные травмы заявителей, не мешают Суду сделать выводы, имело ли место применение чрезмерной силы, в результате которого заявители получили повреждения. В связи с этим Суд считает, что существующая система регистрации повреждений позволяет

сотрудникам пенитенциарных учреждений не регистрировать их и не реагировать на медицинские жалобы, что, по мнению Суда, и произошло в данном случае. Суд отмечает, что, в связи с отсутствием медицинской документации в данном случае, у него нет достоверных письменных источников доказательств, чтобы установить, подвергались ли конкретные заявители жестокому обращению. Кроме того, Суд не обязан устанавливать тип и степень повреждений, если он признает, что обращение достигло уровня, при котором применима статья 3. В подтверждение этих выводов Суд также ссылается на показания других свидетелей, которые он считает убедительными. В частности, он считает, что показания второго заявителя (см. Приложение, параграф 11), который наблюдал обыск в коридоре через щель в двери, и показания г-на Гетманского, который видел, как раненые заключенные шли в медицинскую часть (см. Приложение, параграфы 43-44) под конвоем или с помощью других заключенных, являются надежными и заслуживающими доверия. Кроме того, Суд отмечает, что проведение учений в значительной степени соответствовало планам учений (см. параграфы 52-64 выше) и правилам внутреннего распорядка (см. параграфы 66-80 и 134 выше), что неоднократно подчеркивалось в показаниях сотрудников Замковой колонии, местного и специального прокуроров и должностных лиц Департамента. Тем не менее, некоторые из этих правил, например Приказ № 75 от 27 апреля 2000 года о поведении и действиях специальных подразделений (см. параграфы 77-80 выше), не являются общедоступными и были предоставлены Правительством только по запросу Суда (см. параграф 142 выше). Таким образом, Суд считает, что не было никаких законных оснований в значении Конвенции для деятельности вышеупомянутого специального подразделения.

219. Суд также признает, что заявители просили оказать им медицинскую помощь сразу после учений и на следующий день, но ничего не было сделано, поэтому им пришлось оказывать медицинскую помощь друг другу. Травмы, нанесенные заключенным в ходе общего обыска, не были зарегистрированы, и никаких записей об этих травмах нет. Первый и второй заявители также не получили медицинской помощи в связи с их телесными повреждениями. Учитывая недостатки системы регистрации медицинских жалоб (см. параграф 218 выше), само по себе отсутствие записей не является достаточным для опровержения свидетельств, предоставленных Суду. Суд приходит к выводу, что первый и второй заявители получили телесные повреждения в результате событий, связанных с обыском в камере № 8 «Монастыря» 30 мая 2001 года.

220. Суд также отмечает, что заявители не имели возможности получить возмещение за заявленные нарушения их прав, а первый заявитель г-н Давыдов и второй заявитель г-н Гоменюк были наказаны за подачу жалоб в обход администрации колонии непосредственно

в соответствующую прокуратуру, т.е. с использованием путей, отличных от предусмотренных в национальном законодательстве для подачи таких жалоб, и, следовательно, в нарушение правил внутреннего распорядка колонии (см. об этих событиях параграфы 91 и 93, и соответствующие положения правил внутреннего распорядка относительно отправки и цензуры переписки, параграфы 118, 132 и 134-135 выше). Г-ну Ильченко несколько раз пришлось объяснять администрации колонии, почему он жаловался в связи с учениями. Жалобы, переданные на следующий день первым и вторым заявителями г-ну Гайдамаке, начальнику их отряда, и г-ну Мазуренко, не были отправлены. После того, как эти жалобы были переданы г-ну Гайдамаке, он стал угрожать заявителям и требовать, чтобы они отозвали свои жалобы, что они, в конце концов, и сделали, опять же, после многочисленных угроз.

**(с) События 29 января 2002 года и последующие события**

221. Вторые учения и обыск начались в 6 часов утра. В них принимали участие подразделения колоний №№ 31 и 58, подразделения быстрого реагирования из Замковой колонии, Изяславской колонии № 31, Шепетовской колонии № 98, колонии № 78 и СИЗО № 29 Хмельницкой области. Группы прошли учения возле контрольно-пропускного пункта Замковой колонии с 8:30 утра до 11 часов утра, в 11 часов утра они вошли в жилую зону Замковой колонии и проводили обыск локальных зон до 3 часов дня (см. параграф 61 выше). Согласно соответствующему плану учений (План № 4), обыск начался в 9 часов утра и закончился в 12 часов дня (см. параграф 63 выше).

222. Учения по борьбе с массовым неповиновением проходили под надзором представителей Департамента, сотрудников вышеупомянутых колоний и должностных лиц, которым подчинялись специальные подразделения в составе Департамента. В учениях участвовало много людей; раздавались звуки петард и холостых выстрелов.

223. В учениях принимали участие группы, ответственные за блокирование, документирование, медицинскую помощь, сопровождение, обыск, а также специальная и резервная группы. В соответствии с планом учений, всего в учениях участвовал 151 человек. Специальное подразделение использовало 3 автомата, петарды, сигнальные ракеты и т.д. Всего в общем обыске должны были участвовать 29 сотрудников Замковой колонии (см. параграф 62 выше). Одной из целей учений было обучение сотрудников Замковой колонии и членов подразделения быстрого реагирования проведению обыска в помещениях, занимаемых заключенными, и досмотра самих заключенных. В частности, досмотр заключенных и обыск жилой зоны были одной из основных целей учений. Официальная цель обыска

заклучалась в поиске запрещенных предметов и выявлении приготовлений к побегу или к совершению уголовных преступлений. Обыск также имел целью предотвращение возможных нарушений тюремных правил, поскольку он в основном касался «злостных нарушителей режима» и был сосредоточен на проверке карцера и тех камер, где оперативная обстановка была тревожной. Сотрудники, участвовавшие в обыске, были разделены на 3 смешанные группы, с разными командирами, которые провели общий обыск в жилой зоне Замковой колонии. Обыск был проведен в ШИЗО, ПКТ, ОК, камерах в секторе строгого режима заключения; камерах №№ 19 и 29 в отделениях №№ 5 и 8; в отделениях №№ 9 и 10 в секторе общего режима заключения.

224. Результаты миссии по установлению фактов подтверждают, что события вторых учений и обыска 29 января 2002 года соответствуют описаниям заявителей (см. Приложение, параграфы 6-8, 16-17 и 20-22) и свидетелей-заключенных (см. Приложение, параграфы 35 и 44-45). Суд также отмечает, что заявления некоторых заключенных, таких как г-н Гетманский (см. Приложение, параграф 44), о том, что в учениях участвовало значительное количество сотрудников, были правдивыми, так как в этих учениях участвовало больше людей, чем в первых.

225. После учений группы вошли в жилую зону, где приняли участие в общем обыске, как уже отмечалось выше, в качестве «усиленной группы присутствия». Они заблокировали входы в локальные зоны Замковой колонии и оставались в коридорах для предотвращения «неадекватного поведения» заключенных. Члены подразделения быстрого реагирования, участвовавшие в обыске, носили зеленую камуфляжную форму и имели специальное снаряжение, в том числе шлемы «Сфера», щиты, черные бронежилеты; у некоторых из них были автоматы, резиновые дубинки, наручники, обездвиживающие рогатины и петарды. Члены спецподразделения, участвовавшие в обыске, также были одеты в камуфляж и маски и вооружены автоматами. Члены группы обыска были из того же типа вооруженного формирования, отличались от сотрудников колонии, были одеты в бронежилеты, форму цвета хаки с засученными рукавами, имели оружие и щиты (желтые или светло-коричневые). У них также были обездвиживающие рогатины, маски и шлемы.

226. Был шум автоматных выстрелов, взрывы петард и дым. Спецподразделение обыскивало камеры, открывая их по очереди. Они приступили к обыску второго этажа «Монастыря» и приказали заключенным, в том числе первому заявителю, который содержался там, лечь на пол. Затем силой вытащили заключенных в коридор, где они были вынуждены пройти сквозь «живой коридор», а сотрудники пытались ударить заключенных ногой или резиновой дубинкой. Им было приказано стать в позу «растяжки» (см. описание этой позы

в параграфе 143 выше). Затем каждый заключенный должен был выкрикнуть свое имя и поклясться, что он не будет нарушать режим заключения и будет сотрудничать с администрацией. Один из сотрудников колонии давал инструкции сотрудникам, участвовавшим в обыске. Затем заключенным было приказано бежать в камеру.

227. В ходе вторых учений, сотрудники провели обыск одиночной камеры, расположенной на первом этаже «Монастыря», где содержался первый заявитель (см. Приложение, параграф 6). Заявителя вытащили из камеры два сотрудника, которые швырнули его в очень узкий проход между камерами, где он увидел г-на Волкова, г-на Стасюка и третьего человека, стоявшего на расстоянии 5-6 метров. Кроме того, он увидел других заключенных, которых вытащили из камер одиночного заключения. Первый заявитель был избит, когда он отказался дать клятву, что он будет соблюдать требования администрации. Он был брошен обратно в камеру, где один из сотрудников, обутый в тяжелые военные ботинки, ударил его ногой, после чего заявитель потерял сознание. Заявитель не был осмотрен тюремными врачами в связи с его медицинскими жалобами. В конце концов, только сторонний врач установил, что его у него сломаны ребра, и занес эту информацию в медицинскую карту (см. Приложение, параграф 8), которая пропала во время его перевода в другую колонию (см. краткое изложение фактов о вторых учениях в решении о приемлемости по данному делу, *Druzenko and Others v. Ukraine* (dec.), nos. 17674/02 and 39081/02, 15 January 2007).

228. Камера второго заявителя не обыскивалась, поскольку обыск проводился только в соседних камерах № 19 и 29, расположенных в том же коридоре, в то время как он находился на втором этаже после изменения «тюремного режима» его содержания на режим максимальной безопасности или особо строгий режим и перевода в камеру № 23 Монастыря. Тем не менее, он был избит после окончания учений специального подразделения, когда подразделение покинуло Замковую колонию, г-ном Заремским и несколькими младшими инспекторами колонии из восьмого отряда. Он не был осмотрен врачом в связи с полученными травмами и не получил никакой адекватной медицинской помощи.

229. Камера третьего заявителя была разгромлена. Кроме того, он получил травмы в результате действий должностных лиц, которые участвовали в обыске. Третий заявитель получил перелом ребра и травму носа, так же как и многие другие заключенные. Тем не менее, он не был осмотрен и не получил медицинской помощи в связи с этими повреждениями.

230. Опять же, отсутствие медицинской документации не является решающим, чтобы установить, будто никто из заявителей не мог пожаловаться на свои травмы в какие-либо органы за пределами

Замковой колонии, хотя тюремные власти знали о травмах и жалобах в связи с ними. Первый заявитель не мог подать жалобу в государственные органы за пределами колонии, поскольку сотрудники колонии просматривали всю корреспонденцию, а г-н Мазуренко и г-н Мазепа порвали их, но жалобы, в конечном итоге, были поданы г-ном Жердевым. Первый заявитель был помещен в одиночную камеру (карцер) в качестве наказания за отправку корреспонденции несанкционированным способом.

**(d) Расследование жалоб заявителей**

231. Суд отмечает, что заявители получили несколько ответов из органов прокуратуры на их жалобы, касающиеся первых учений (см. параграфы 85-88 выше). Кроме того, г-н Скоков, представитель Департамента, рассмотрел жалобы, касающиеся первых учений (см. параграф 98 выше). Национальные органы прокуратуры провели два расследования в связи с жалобами, поданными от имени заявителей г-ном Жердевым, после вторых учений (см. сведения о первом и втором расследованиях в параграфах 87-94 и 95-97, соответственно).

232. Расследование и рассмотрение жалоб были организованы так, что лица, которые первоначально санкционировали обыск и присутствовали во время его проведения (г-н Волков, г-н Янцеловский и г-н Сацюк), были теми же, что утверждали вывода расследования, присутствовали при допросах тех, кто хотел подать жалобы, и отвечали за рассмотрение жалоб заявителей (см. параграфы 90 и 98 выше). В частности, г-н Снегирь признал, что он присутствовал при допросе первого заявителя прокурором (см. Приложение, параграф 100 выше), и этот допрос, скорее всего, проводился в присутствии охранников. То же самое касается посещения прокуратурой и администрацией камер сразу же после обыска и опроса по поводу жалоб на травмы и жестокое обращение, которые задавались в присутствии возможных или предполагаемых нарушителей и охранников из специального подразделения или группы быстрого реагирования (см. Приложение, параграфы 4, 15, 67 и 93).

233. Таким образом, принимая во внимание документальные и устные свидетельства, расследование, проведенное прокуратурой, соответствует доказательствам, предоставленным Суду. Кроме того, несмотря на письменные жалобы некоторых заявителей о жестоком обращении с ними, медицинское обследование не было проведено в ходе расследования, организованного Хмельницкой областной прокуратурой. Более того, некоторые жалобы заявителей не были отправлены, так как вся исходящая корреспонденция подвергалась цензуре так же, как и вся корреспонденция, брошенная в специальный почтовый ящик, предназначенный для жалоб на должностных лиц Замковой колонии (см., например, положения, касающиеся

использования почтовых ящиков, в параграфе 134 выше), которые в соответствии с действующим законодательством должны отсылаться в течение 1 дня с момента получения (см. параграф 118 выше).

234. Расследование, проведенное г-ном Ильтяем и его заместителем, должностными лицами Департамента, касающееся жалоб в связи со вторыми учениями, состояло в допросе г-ном Иршко более ста свидетелей в течение дня (см. Приложение, параграф 103) и не включало рассмотрение медицинских доказательств или медицинские обследования. Характер данного расследования был таким, как описано в соответствующих показаниях свидетелей, хотя это и не подтверждается какими-либо документами этого расследования. Суд также отмечает, что доклад об этом расследовании не был представлен на его рассмотрение, так как срок его хранения истек и он был уничтожен (см. параграф 168 выше). Таким образом, не удалось выяснить фактические детали, установленные в ходе этого рассмотрения, или даже точную дату допроса свидетелей. Наконец, Суд отмечает, что г-н Скоков также подготовил доклад на основании доклада г-на Дановского, который проводил расследование 3-4 октября 2001 года по указанию Департамента (см. параграф 98 выше). Возможно, этот доклад был частью расследования, проведенного под руководством г-на Иршко, но, опять же, в распоряжении Суда нет его копии (см. Приложение, параграф 103).

235. Суд будет рассматривать жалобы заявителей по различным статьям Конвенции на основании приведенных выше выводов (см. параграфы 202-234 выше).

#### IV. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

236. Заявители, то есть первый, второй и третий заявители (см. параграфы 149-153 выше), в основном жалуются по статье 3 Конвенции на то, что они подверглись жестокому обращению со стороны членов спецподразделения, что им были нанесены травмы и унижения в ходе специальных учений 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года. Они также утверждают, что условия их содержания под стражей и отсутствие адекватной медицинской помощи представляли собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Статья 3 Конвенции гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

237. Правительство заявило, что заявители не были наказаны за их попытки пожаловаться на жестокое обращение со стороны специальных подразделений или со стороны тюремной администрации. В частности, оно заявило, что, согласно записям в журнале регистрации содержащихся в изоляторе заключенных



№№ 2688 (записи за период с 8 июня 2000 года по 16 июля 2002 года) и 3914 (записи за период с 17 января 2002 года по 30 декабря 2003 года) только первый заявитель (г-н Давыдов) был подвергнут дисциплинарному наказанию. В частности, 14 июля 2001 года он отбывал дисциплинарное наказание сроком 15 дней в одиночной камере за отказ находиться вместе с другими заключенными. Кроме того, Правительство утверждает, что эти дисциплинарные меры в отношении первого заявителя преследовали законную цель поддержания порядка и безопасности в колонии и предотвращения совершения других правонарушений в колонии. Кроме того, оно заявило, что продолжительность его содержания под стражей была обоснованной.

238. Заявители не согласились с Правительством и заявили, что дисциплинарные меры в отношении заявителей применялись произвольно в качестве наказания за их жалобы на действия или бездействие тюремной администрации. Они заявили, что, например, второй заявитель подвергался дисциплинарному наказанию 27 раз.

239. Суд считает нецелесообразным рассматривать жалобы, касающиеся вмешательства в корреспонденцию заявителей и препятствий в подаче ими соответствующих жалоб по статье 3 Конвенции, поскольку они являются скорее частью доказательств к жалобам по статьям 8 § 1 и 34 Конвенции.

А. Возражения Правительства относительно исчерпания национальных средств правовой защиты

В. Существо оставшейся части жалоб заявителей в соответствии со статьей 3 Конвенции

#### **А. Возражения Правительства относительно исчерпания национальных средств правовой защиты**

##### *1. Доводы сторон*

240. Правительство утверждает, что первый, второй и третий заявители не исчерпали все национальные средства правовой защиты, предоставленные в их распоряжение украинским законодательством. В частности, Правительство считает, что заявители могли и должны были подать жалобы администрации колонии или в прокуратуру, а затем в национальные суды.

241. Правительство заявило, что второй заявитель никогда не подавал жалоб, непосредственно касающихся заявленного жестокого обращения с ним со стороны сотрудников спецподразделений.

242. Что касается жалоб третьего заявителя, Правительство отметило, что он не обращался в Генеральную прокуратуру, хотя и подавал жалобы в местную прокуратуру с такими же требованиями, что и первый и второй заявители.

243. Кроме того, в связи с условиями содержания под стражей заявителей и предполагаемым отсутствием медицинской помощи Правительство отметило, ссылаясь на соответствующую национальную судебную практику, что действия или бездействие государственных органов и их должностных лиц могут быть обжалованы непосредственно в суд на основании статьи 55 Конституции и соответствующих положений Гражданско-процессуального и Уголовно-процессуального Кодексов. Правительство заявило, что заявители не представили доказательств в обоснование своих жалоб на условия содержания под стражей.

244. Заявители утверждают, что они исчерпали все национальные средства правовой защиты, имеющиеся в их распоряжении в соответствии с украинским законодательством. Они также утверждают, что подавали жалобы в прокуратуру по поводу жестокого обращения с ними со стороны специальных подразделений милиции, но прокуратура не организовала и не провела эффективное расследование их жалоб. Они также отметили, что прокуратура не приняла процессуального решения по их жалобам, в результате чего возможность его успешного обжалования была чисто теоретической. Они также утверждают, что отправляли свои жалобы в различные государственные органы, но безрезультатно.

245. Заявители утверждают, что у них не было эффективных и доступных средств правовой защиты для подачи жалоб на условия их содержания под стражей.

## 2. Оценка Суда

- (a) Предварительные соображения
- (b) Применимые принципы
- (c) Оценка Суда

### (a) Предварительные соображения

246. По мнению Суда, возражения Правительства об исчерпании национальных средств правовой защиты, присоединенные к существу жалоб заявителей (см. *Druzenko and Others v. Ukraine* (dec.), nos. 17674/02 and 39081/02, 15 January 2007), поднимают три проблемы, требующие дальнейшего рассмотрения:

– *во-первых*, были ли доступны заявителям какие-либо эффективные средства правовой защиты для подачи жалоб на жестокое обращение во время учений;

– *во-вторых*, были ли доступны заявителям какие-либо эффективные средства правовой защиты для подачи жалоб на отсутствие необходимой медицинской помощи во время их содержания в колонии;

– *в-третьих*, были ли доступны заявителям какие-либо эффективные средства правовой защиты для подачи жалоб на условия их содержания и переполненность камер.

**(b) Применимые принципы**

247. Суд напоминает, что, в соответствии с его практикой, цель правила об исчерпании национальных средств правовой защиты в соответствии со статьей 35 § 1 Конвенции состоит в том, чтобы дать Договаривающимся государствам возможность предотвратить или исправить нарушения до передачи жалоб в Суд. Тем не менее, исчерпанию подлежат только эффективные средства правовой защиты. Утверждая, что средства не были исчерпаны, Правительство обязано убедить Суд, что средство правовой защиты было эффективным и доступным в теории и на практике в соответствующий момент времени. После удовлетворения этого требования на заявителя ложится обязанность доказать, что средства, упомянутые Правительством, были фактически исчерпаны, либо по какой-то причине были неадекватными и неэффективными в конкретных обстоятельствах данного дела, или что существовали особые обстоятельства, освобождающие его от этого требования (см. *Dankevich v. Ukraine*, no. 40679/98, § 107, 29 April 2003).

248. Суд подчеркивает, что это правило следует применять с должным вниманием к контексту. Таким образом, он признает, что статья 35 должна применяться с определенной гибкостью и без излишнего формализма. Суд признает, что правило об исчерпании национальных средств правовой защиты не является абсолютной и не может применяться автоматически; решая, соблюдено ли это правило, очень важно учитывать конкретные обстоятельства каждого дела. Это означает, среди прочего, что Суд должен учитывать не только наличие официальных средств защиты в правовой системе Договаривающейся Стороны, но и общий правовой контекст, в которых они действуют, а также личные обстоятельства заявителя (см. *Akdivar and Others v. Turkey*, 16 September 1996, § 69, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-IV). Суд должен проанализировать с учетом всех обстоятельств дела, приняли ли заявители все разумные меры, чтобы исчерпать национальные средства правовой защиты.

249. Кроме того, Суд напоминает, что решающее значение при оценке эффективности средств правовой защиты в связи с жалобами на жестокое обращение имеет наличие у заявителя возможности подать эту жалобу в национальный суд, с тем чтобы получить прямое и быстрое возмещение, а не только косвенную защиту прав, гарантированных статьей 3 Конвенции. Средство правовой защиты может быть как превентивным, так и компенсационным в тех случаях, когда лицо жалуется на жестокое обращение в заключении или на

условия содержания под стражей (см. *Melnik v. Ukraine*, no. 72286/01, § 68, 28 March 2006).

250. Правительство предлагает следующие средства правовой защиты: подача жалоб тюремной администрации или в органы прокуратуры, а также подача жалоб в национальные суды в соответствии с процедурами, предусмотренными национальным законодательством. Суд, принимая во внимание свою практику в отношении исчерпания национальных средств правовой защиты, описанную выше (см. параграфы 247-249 выше), проанализирует эффективность и доступность этих средств правовой защиты в отношении каждой из жалоб заявителей по статье 3 Конвенции.

(с) Оценка Суда

- (i) Жестокое обращение с заявителями
- (ii) Жалобы заявителей по поводу отсутствия медицинской помощи
- (iii) Жалобы заявителей по поводу условий заключения
- (iv) Выводы Суда

(i) Жестокое обращение с заявителями

251. В отношении утверждений о жестоком обращении в колонии Суд отмечает, что подача жалобы прокурору, осуществляющему надзор за общей законностью исполнения судебных решений по уголовным делам, не была эффективным и доступным средством правовой защиты. В частности, статус такого прокурора в национальном законе, его близость к должностным лицам колонии, с которыми прокурор ежедневно надзирает за соответствующей колонией и его интеграция в тюремную систему, не предоставляют достаточных гарантий, чтобы обеспечить проведение независимого и беспристрастного рассмотрения жалоб на жестокое обращение, поданных против сотрудников колонии (см. *Melnik v. Ukraine*, no. 72286/01, § 69, 28 March 2006). Его право принимать решение по своему усмотрению в случаях, связанных с обвинениями в жестоком обращении, ограничивается рассмотрением доказательств, предъявленных заявителем в обоснование своих утверждений. В частности, при решении вопроса о необходимости возбудить уголовное дело, следователь или прокурор рассматривает вопрос, имеются ли процессуальные и материальные основания для возбуждения уголовного дела, то есть, предъявил ли заявитель достаточные доказательства тому, что рассматриваемые действия социально опасны и запрещены уголовным законодательством (см. статью 94 § 2 Уголовного кодекса, а также параграфы 112 и 113 выше). Для возбуждения уголовного дела следователь или прокурор должен иметь достаточные подтверждения для вывода, что имеются доказательства совершения преступления. Дальнейшее судебное рассмотрение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела

ограничивается формальным контролем над законностью такого решения с учетом процессуальных требований статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса (см. параграфы 112-113 выше).

252. Обращаясь к фактам настоящего дела, Суд отмечает, что заявители направили ряд жалоб касательно первого и второго учений в соответствующие органы (см. параграфы 23, 25 и 99 выше). 17 августа 2001 года прокурор Волков ответил, что нарушения закона не было (см. параграф 85 выше). По итогам расследования прокуратуры, 11 июня 2002 года г-н Бухер отказал в возбуждении уголовного дела, поскольку жалобы заявителей не свидетельствовали о каком-либо нарушении закона (см. параграф 93 выше). По запросу заместителя Генерального прокурора 6 августа 2002 года исполняющий обязанности областного прокурора сообщил заместителю Генерального прокурора, что жалобы являются необоснованными, и передал дело в Генеральную прокуратуру для проверки (см. параграф 97 выше). Жалобы заявителей также привели к расследованию тюремной администрацией, которая 15 октября 2001 года пришла к выводу, что жалобы относительно первых учений были необоснованными, так как учения проводились на основании законного решения и под надзором прокурора Волкова (см. параграф 98 выше).

Суд отмечает, что заявители могли бы обжаловать решения от 17 августа 2001 года, 15 октября 2001 года и 11 июня 2002 года в суд в соответствии со статьей 236-1 Уголовного кодекса со ссылкой на статьи 4 и 99, но они этого не сделали. Такое заявление потребовало бы от заявителей предоставления суду соответствующих медицинских документов, которые они были не в состоянии предоставить, поскольку в колонии невозможно было получить никакие медицинские документы (см. выводы в параграфах 218 и 219 выше), и заявители не смогли бы пройти освидетельствование независимыми медицинскими экспертами для целей судопроизводства во время своего содержания под стражей. Кроме того, суд рассматривал бы только соблюдение материальных и процессуальных оснований для возбуждения дела, и заявителям бы пришлось утверждать, что прокурор не выполнил требования статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса (см. параграф 112 выше) в отсутствие медицинских свидетельств (то есть, материальных оснований). Такое разбирательство ограничилось бы рассмотрением вопроса, не нарушил ли прокурор сроки и принял ли решение в пределах компетенции; и то, и другое несущественно в данном случае.

253. Суд приходит к выводу, что заявители не были обязаны добиваться рассмотрения в суде жалоб, поданных ими в различные органы прокуратуры. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд приходит к выводу, что возражения Правительства в отношении

исчерпания национальных средств правовой защиты должны быть отклонены.

(ii) *Жалобы заявителей по поводу отсутствия медицинской помощи*

254. В отношении жалоб на отсутствие медицинской помощи, Правительство утверждало, что, в принципе, заявители могли бы обратиться в суд в соответствии со статьей 55 Конституции и соответствующими положениями Гражданско-процессуального и Уголовно-процессуального Кодексов. Суд напоминает о своем выводе, что статья 55 Конституции не обладает необходимой эффективностью с точки зрения жалоб по статье 5 Конвенции, поскольку она имеет весьма общий характер и не предусматривает конкретного возмещения за заявленные нарушения (см. *Nevmerzhitsky v. Ukraine* (dec.), no. 54825/00, 25 November 2003). Эти соображения применимы и к данной ситуации, так как и в этом случае Правительство не показало, как такое заявление могло обеспечить прямую и быструю защиту нарушенных прав, предусмотренных статьей 3 Конвенции. Что касается других возможных средств правовой защиты – жалоб тюремной администрации, в органы прокуратуры или в суд – Суд считает, что Правительству не удалось продемонстрировать, как в отсутствие медицинского заключения о травмах или каких-либо других медицинских документов (см. параграфы 218-220 и 227-230 выше) национальные суды или другие компетентные государственные органы могли бы исправить явный отказ единственного доступного квалифицированного медицинского работника оказать заявителям адекватную и необходимую медицинскую помощь в связи с травмами, нанесенными им в результате учений, или как они могли требовать компенсации или возмещения при отсутствии такого медицинского заключения.

255. Таким образом, в отношении указанных процедур подачи заявителями жалоб на отсутствие надлежащей медицинской помощи, в том числе жалоб в национальные суды, Суд делает вывод, что возражения Правительства должны быть отклонены.

(iii) *Жалобы заявителей по поводу условий заключения*

256. В отношении жалоб заявителей по поводу условий содержания под стражей Суд отмечает, что, несмотря на то, что заявители не использовали средства, предложенные Правительством, проблемы, связанные с условиями содержания под стражей, имеют структурный характер и касаются не только личной ситуации заявителей (см. *Melnik v. Ukraine*, no. 72286/01, § 70, 28 March 2006).

257. В данном случае Правительство не продемонстрировало, как заявители могли получить возмещение, обратившись в национальные суды или другие государственные органы с учетом признанных финансовых трудностей тюремной администрации. Кроме того,

Правительство не показало, как упомянутые в жалобах заявителей проблемы на плохие условия содержания в камерах, в том числе перенаселенность, могли бы быть устранены путем подачи жалоб национальным тюремным властям, в прокуратуру или в национальные суды, поскольку внутренние минимальные нормы, в соответствии с национальным правом, действовавшим на тот момент (см. параграф 121 выше), предусматривали на одного заключенного площадь 2 м<sup>2</sup> (в исправительно-трудовых колониях) и 2,5 м<sup>2</sup> (в тюрьмах и воспитательных колониях), а в данном случае национальные нормы, рассчитанные на основании общей жилой площади колонии и числа заключенных, были соблюдены (см. параграфы 44-48 выше). Также Правительство не показало, каким образом эти жалобы могли привести к улучшению условий содержания заявителей под стражей (см. *Kucheruk v. Ukraine*, no. 2570/04, § 117, ECHR 2007-X).

258. Принимая во внимание свое прецедентное право по вопросу об исчерпании национальных средств правовой защиты в связи с условиями содержания заключенных в украинских колониях, свои выводы в подобных делах (см. *Melnik v. Ukraine*, no. 72286/01 и *Dvoynukh v. Ukraine*, no. 72277/01, упомянутые выше), конкретные обстоятельства данного дела, касающиеся действий национальных органов при рассмотрении жалоб заявителей (см. параграфы 85-97 и 99-100 выше) и свои выводы в отношении фактических обстоятельств дела (см. параграфы 219-220 и 227-228 выше), Суд считает, что заявители не имели эффективных и доступных средств для подачи жалоб на условия содержания под стражей, в частности, переполненность тюремных камер. Таким образом, Суд считает, что заявители выполнили требование исчерпания, а возражения Правительства по этому поводу должны быть отклонены.

(iv) Выводы Суда

259. В этих обстоятельствах и с учетом выводов Суда относительно возражений Правительства, рассмотренных выше (см. параграфы 251-253, 254-255 и 256-258 выше), Суд считает, что эти жалобы заявителей не могут быть отклонены по причине неисчерпания национальных средств правовой защиты.

**В. Существо оставшейся части жалоб заявителей в соответствии со статьей 3 Конвенции**

1. Заявленное жестокое обращение с заявителями
2. Жалобы на отсутствие эффективного расследования со стороны национальных органов (процессуальный аспект статьи 3 Конвенции)
3. Жалобы заявителей по поводу отсутствия медицинской помощи в связи с причиненными им повреждениями
4. Условия содержания под стражей

## 5. Выводы Суда

### 1. Заявленное жестокое обращение с заявителями

260. В своих первоначальных возражениях в отношении приемлемости и по существу заявлений Правительство утверждало, что никакие специальные подразделения милиции не проводили учения в Замковой колонии, что жестокого обращения с заявителями не было и статья 3 Конвенции не была нарушена. Оно придерживалось той же точки зрения перед миссией по установлению фактов и на ее предварительных этапах. В своих материалах, поданных после миссии по установлению фактов, Правительство признало, что было установлено: специальные тактические учения проводились в Замковой колонии 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года. Эти учения, включая обыск помещений колонии, были направлены на подготовку персонала к подавлению возможных беспорядков и действиях в ситуациях, связанных с похищением людей. Кроме того, Правительство указало, что эти учения не были связаны с заключенными и что заявители не подвергались какому-либо жестокому обращению. Правительство утверждало, что заявители не смогли обосновать свои жалобы и не предоставили никаких доказательств (например, медицинских документов, показаний независимых свидетелей и т.п.) в поддержку своих утверждений по статье 3 Конвенции. Таким образом, нарушения этого положения не было.

261. Заявители не согласились. Они утверждали на протяжении всего разбирательства, что само то, что подразделения милиции «тренировались на них», а также отсутствие правовых оснований для проведения таких учений свидетельствуют, что они были направлены на запугивание заключенных. Кроме того, организация и способ проведения учений доказывают, что их целью было жестокое обращение с заключенными и их унижение.

262. Суд напоминает, что статья 3 закрепляет одну из фундаментальных ценностей демократического общества. Это – абсолютный запрет на применение пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Обязательство Высоких Договаривающихся Сторон в соответствии со статьей 1 Конвенции обеспечить каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные Конвенцией, в сочетании со статьей 3 требует от государств принятия мер, призванных обеспечить, чтобы лица, находящиеся под их юрисдикцией, не подвергались ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению (см. *Afanasyev v. Ukraine*, no. 38722/02, § 59, 5 April 2005). Кроме того, государство несет прямую ответственность за благополучие лиц, лишенных свободы (см. *Stepuleac v. Moldova*, no. 8207/06, § 55,



6 November 2007; *Kadiķis v. Latvia (no. 2)*, no. 62393/00, § 55, 4 May 2006).

263. Кроме того, Суд повторяет, что жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня жестокости, чтобы подпадать под действие статьи 3. Оценка этого минимума относительна: она зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность обращения, его физическое и/или психическое воздействие и в некоторых случаях от пола, возраста и состояния здоровья жертвы. В отношении лиц, лишенных свободы, применение физической силы, не являющееся строго необходимым в связи с поведением заключенного, унижает человеческое достоинство и, в принципе, представляет собой нарушение права, закрепленного в статье 3 (см. решения по делам *Ribitsch v. Austria*, 4 December 1995, § 38, Series A no. 336; *Assenov and Others v. Bulgaria*, 28 October 1998, § 94, Reports 1998-VIII; *Selmouni v. France* [GC], no. 25803/94, § 99, ECHR 1999-V; *Berliński v. Poland*, nos. 27715/95 and 30209/96, § 59, 20 June 2002; *Kucheruk v. Ukraine*, no. 2570/04, § 131, ECHR 2007-...; и *Suptel v. Ukraine*, no. 39188/04, § 46, 19 February 2009).

264. Обращаясь к фактам настоящего дела в отношении каждого из заявителей, Суд отмечает, что первый заявитель, г-н Давыдов, находился в Замковой колонии с 3 февраля 2001 года по 19 мая 2001 года, когда он был переведен в колонию № 98 г. Шепетовка для лечения. Он вернулся в Замковую колонию 25 мая 2001 года и находился там до 20 апреля 2002 года. Второй заявитель, г-н Ильченко, прибыл в Замковую колонию 3 февраля 2001 года и покинул ее 27 сентября 2004 года. Третий заявитель, г-н Гоменюк, содержался в Замковой колонии с 3 ноября 2001 года по 27 сентября 2002 года. Таким образом, Суд будет рассматривать жалобы первого и второго заявителей о жестоком обращении в связи с обоими специальными учениями, а жалобы третьего заявителя – только в связи со вторыми учениями.

265. В отношении обоих учений, Суд уже обратил внимание на то, что заключенных не уведомили о проведении подобных учений. Отсутствие такой информации об учениях, с точки зрения Суда, подтверждает упомянутые в различных отчетах сведения о национальной практике использования заключенных в качестве объектов учений и обысков (см. параграфы 104-106 и 143 выше), когда никто не спрашивает их согласия и не уведомляет их об обысках или учениях. Это казалось свидетелям, которые выступали со стороны Правительства (см. параграфы 195-197 выше), нормальной и несомненной практикой, частично соответствующей национальным нормам, которые позволяют использование специальных подразделений для борьбы с проблемами в колониях по запросу тюремной администрации (см. параграфы 77-80 выше). Такое отношение со стороны властей подсказывает Суду, что обращение,

которому подверглись заявители, является унижительным и несовместимым с их человеческим достоинством. Кроме того, Суд считает, что, по крайней мере, одной из целей учений было запугать и унижить заключенных, а также заставить тех, кто часто нарушает режим («злостных нарушителей режима») соблюдать тюремные правила и положения (см. определение злостного нарушителя режима, параграфы 119, 202 и 214-216 выше). Примером таких угроз, запугивания и использования специального снаряжения является использование автоматического оружия во время входа в камеры, без какого-либо предварительного уведомления или объяснения (см. Приложение, параграфы 4 и 6). Кроме того, как следует из различных национальных и международных докладов по правам человека (см. параграфы 104-108 и 143 выше), использование специальных подразделений является обычной практикой Департамента в колониях, где содержатся опасные заключенные.

266. Кроме того, Суд считает, что непропорциональная сила была применена в отношении заключенных без каких-либо оправданий или законных оснований. Сила и специальные средства использовались без каких-либо разумных причин, что противоречит международным нормам применения силы и специальных средств (см. параграфы 101-102 и 108 выше). Суд также считает, что способ организации этих учений неизбежно привел бы к причинению вреда заключенным и их унижению. Это связано не только с непропорциональным применением силы должностными лицами, которые старались уложиться в сжатые сроки проведения осмотра в камерах, но и с вытаскиванием заключенных из камер, их «ускорением» после выхода из камер и принуждением выполнять необоснованные и унижительные приказы сотрудников, участвовавших в учениях. Унижительные приказы состояли в требованиях полностью раздеться и поклясться в присутствии других заключенных, что заявители будут выполнять требования администрации колонии и не будут нарушать режим содержания под стражей. Повреждения были причинены заявителям за то, что они сопротивлялись, отказывались выполнить или недостаточно быстро выполняли приказы, либо, с точки зрения сотрудников, неправильно реагировали на внезапный обыск камеры (см. параграфы 212-214 и 226-227 выше).

267. В отношении обстоятельств каждого из обысков, Суд хотел бы подчеркнуть, что заключенные «Монастыря», где содержались заявители, пострадали больше всего (см. параграфы 210 и 223 выше, с дальнейшими ссылками) в обоих случаях. Кроме того, непропорциональная сила была применена к отдельным заключенным, в том числе первому и второму заявителям в ходе первых учений и первому, второму и третьему заявителям в ходе вторых учений. К ним были применены особая сила и унижение, так как они считались

«злостным нарушителями» режима содержания (см. параграфы 213-214, 218 и 226-229 выше).

268. Суд считает, что первый и второй заявители получили травмы в ходе первых учений и все трое заявителей были травмированы в ходе вторых учений, во время которых сотрудники Государственного департамента по вопросам исполнения наказаний применили непропорциональную силу в отношении заявителей. Суд принимает во внимание трудности управления в современном обществе, непредсказуемость человеческого поведения, а также необходимость подготовки и сохранения готовности сотрудников к возможному неожиданному поведению заключенных, в том числе к действиям, связанными с массовыми беспорядками или захватом заложников, для чего специальные подразделения и тренировались. Суд также отмечает, что заявители были осужденными преступниками, которые отбывали наказание за тяжкие преступления. Тем не менее, даже в самых сложных обстоятельствах, таких, как борьба с терроризмом, организованной преступностью и опасными преступниками, Конвенция в абсолютных выражениях запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание. В отличие от большинства основных положений Конвенции и Протоколов №№ 1 и 4, статья 3 не предусматривает исключений, и никакие отступления от нее не разрешены в соответствии со статьей 15 § 2 даже в случае чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации (см. *Dikme v. Turkey*, no. 20869/92, § 89, ECHR 2000-VIII). Кроме того, статья 3, как и статья 2 Конвенции, устанавливает позитивное обязательство государства проводить подготовку сотрудников своих правоохранительных органов таким образом, чтобы обеспечить высокий уровень их профессиональной компетентности в их профессиональном поведении, так чтобы никто не подвергался пыткам или обращению, идущему вразрез с этим положением (см., *mutatis mutandis, Abdullah Yilmaz v. Turkey*, no. 21899/02, § 57, 17 June 2008). Это также предполагает, что проведение учений для сотрудников правоохранительных органов, в том числе сотрудников пенитенциарных учреждений, не только должно соответствовать этому абсолютному запрету, но и быть направлено на предотвращение любого возможного обращения или поведения представителей государства, которое может противоречить абсолютному запрету пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания.

269. Суд считает, что применение непропорциональной силы и использование снаряжения, такого как шлемы и маски, чтобы скрыть лица сотрудников, участвовавших в учениях, и чтобы их невозможно было выделить или опознать, а также практическая невозможность подачи жалоб в связи с повреждениями и унижительная форма, в которой проводились обыски (см. параграфы 207-220 и 222-230),

причинили физическую и психическую боль и страдания первому и второму заявителям в ходе первых учений и всем трем заявителям в ходе вторых учений.

270. Кроме того, Суд считает, что страдания заявителей были связаны не только с травмами и унижением во время учений, но и со страхом и тоской, которые они могли испытывать в ожидании, по крайней мере, вторых учений; пережив первые учения, заявители должны были испытывать беспокойство, когда до них дошли слухи, что запланированы очередные учения, а затем, когда они начались, от шума, слышного снаружи. Кроме того, они подверглись жестокому обращению в связи с полным досмотром, проведенном в коридоре «Монастыря» перед их камерами в отсутствие каких-либо оснований для такого полного личного досмотра или разумной необходимости проводить его таким образом (см. параграфы 213-215 и 226 выше). Кроме того, Суд подчеркивает, что манера, в которой проводились обыск и полный личный досмотр, превышала обычную степень унижения, присущую так называемым «обычным обыскам» (см. параграфы 67-76 выше), которые проводились в Замковой колонии.

271. Суд считает, что первый и второй заявители в ходе первых учений и все трое заявителей в ходе вторых учений подверглись жестокому обращению, направленному, скорее всего, на то, чтобы пробудить в них чувства страха, тревоги и уязвимости, унижить их, сломить их сопротивление и волю. Кроме того, Суд считает, что такое обращение с заявителями со стороны представителей государства было умышленным, оно имело целью сломить волю заявителей, поскольку с ними было трудно договориться, и обеспечить, чтобы они сотрудничали с администрацией Замковой колонии. Тем не менее, Суд считает, что жестокое обращение с заявителями, физическое и психическое насилие в отношении них, в целом не достигли уровня «жестокости», достаточного для установления факта пыток, по смыслу статьи 3 Конвенции. Таким образом, с учетом конкретных обстоятельств дела, таких как продолжительность обращения, его физические и психические последствия, пол, возраст и состояние здоровья потерпевших, Суд считает, что обращение с заявителями было бесчеловечным и унижающим достоинство (см., для сравнения, *Selmouni v. France* [GC], цит. выше, §§ 103-105).

272. Поэтому Суд считает, что государство несет ответственность в соответствии со статьей 3 за бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, которому подверглись заявители в ходе учений, состоявшихся 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года. Таким образом, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с жестоким обращением с первым и вторым заявителями в ходе учений, состоявшихся 30 мая 2001 года, а также нарушение статьи 3 Конвенции в связи с жестоким обращением с первым, вторым и

третьим заявителями в ходе учений, состоявшихся 29 января 2002 года.

*2. Жалобы на отсутствие эффективного расследования со стороны национальных органов (процессуальный аспект статьи 3 Конвенции)*

**(а) Доводы сторон**

273. Заявители утверждают, что эффективного расследования не было. Они также отмечают, что разбирательство, проведенное национальными властями, не дало никаких реальных результатов и, следовательно, было бесполезным.

274. Правительство подчеркивает, что оно выполнило позитивные обязательства по расследованию в соответствии со статьей 3 Конвенции и расследование, проведенное местными властями по данному делу, соответствовало требованиям этого положения.

275. Суд также отмечает, что Правительство выдвинуло предварительные возражения относительно неисчерпания заявителями национальных средств правовой защиты в связи с неспособностью властей провести эффективное расследование обстоятельств дела. Суд решил, что эти вопросы тесно связаны с существом жалоб заявителей (см. *Druzenko and Others* (dec.), nos. 17674/02 and 39081/02, 15 January 2007), и постановил, что их следует рассматривать в соответствии со статьями 3 и 13 Конвенции, на которые ссылаются заявители. Суд будет рассматривать эти вопросы именно таким образом. В частности, он считает, что вопросы, связанные со статьей 13 Конвенции, требования которой шире, чем обязательство проводить расследование, предусмотренное статьей 3 (см. *Cobzaru v. Romania*, no. 48254/99, § 83, 26 July 2007), должны быть рассмотрены отдельно.

**(b) Принципы, установленные применимой практикой**

276. Если человек небезосновательно заявляет, что он подвергся жестокому обращению со стороны представителей государства незаконно и в нарушение статьи 3 Конвенции, то это положение, в сочетании с общей обязанностью государства по статье 1 обеспечивать «каждому, находящемуся под [его] юрисдикцией, права и свободы, определенные в ... [] Конвенции», косвенно требует проведения эффективного официального расследования. Таким образом, статья 3 включает в себя процессуальные обязательства, связанные с проведением эффективного расследования сообщений о нарушениях ее материального аспекта (см. *Šilih v. Slovenia* [GC], no. 71463/01, § 153, 9 April 2009). Как и в случае расследования в соответствии со статьей 2, такое расследование должно быть способным привести к установлению и наказанию виновных

(см. *Ramsahai and Others v. the Netherlands* [GC], no. 52391/99, §§ 324-325, ECHR 2007-...; *Poltoratskiy v. Ukraine*, no. 38812/97, § 125, ECHR 2003-V). В противном случае общий законодательный запрет пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания будет, несмотря на его важное значение, неэффективным на практике и в некоторых случаях позволит представителям государства практически безнаказанно нарушать права тех, кто находится под их контролем (см. *Dikme v. Turkey*, no. 20869/92, § 101, ECHR 2000-VIII).

277. Кроме того, Суд отмечает, что иногда жертве бывает очень трудно обосновать утверждения о жестоком обращении, если она изолирована от внешнего мира и не имеет доступа к врачам, адвокатам, семье или друзьям, которые могли бы оказать помощь и собрать необходимые доказательства (см. *Bati and Others v. Turkey*, nos. 33097/96 and 57834/00, § 134, ECHR 2004-IV (extracts)). Государственные органы должны обеспечить доказательства, относящиеся к событиям, в частности, подробные показания касательно заявления предполагаемой жертвы, свидетельские показания, медицинские свидетельства, и, при необходимости, дополнительные медицинские заключения, содержащие полный и точный отчет о повреждениях и объективный анализ выводов медиков, в частности, в отношении причин травм (см., *Tanrikulu v. Turkey* [GC], no. 23763/94, ECHR 1999-IV, §§ 104 и далее, и *Gül v. Turkey*, no. 22676/93, § 89, 14 December 2000). Любые недостатки расследования, которые подрывают его способность установить причины повреждений или виновных лиц, создают опасность нарушения этого требования. Кроме того, чтобы расследование пыток или жестокого обращения, проводимое представителями государства, считалось эффективным, лица, проводящие дознание и расследование, должны быть иерархически и институционально независимыми от любых органов и лиц, причастных к событиям, то есть следователи должны быть независимыми на практике (см., *Bati and Others*, цит. выше, § 135).

278. Несомненно, в данном контексте подразумеваются требования оперативности и разумной быстроты. Оперативная реакция властей при расследовании утверждений о жестоком обращении в целом имеет большое значение для поддержания общественного доверия к их приверженности принципам верховенства права и для предотвращения каких-либо видимости сговора или терпимости к незаконным действиям (см., среди прочего, *Indelicato v. Italy*, no. 31143/96, § 37, 18 October 2001; *Özgür Kılıç v. Turkey* (dec.), no. 42591/98, 24 September 2002). Хотя в определенной ситуации могут возникать препятствия и трудности в расследовании, можно считать существенным, чтобы власти начали расследование незамедлительно (см., *mutatis mutandis*, *Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*, no. 46477/99, § 72, ECHR 2002-II). По этим же причинам должен

присутствовать достаточный, в зависимости от обстоятельств, элемент общественного контроля над расследованием или его результатами, для обеспечения подотчетности в теории и на практике. Однако в любом случае заявитель должен иметь эффективный доступ к процедуре расследования (см. *Aksoy v. Turkey*, 18 December 1996, § 98, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-VI).

279. Таким образом, уместность или необходимость вывода о процессуальном нарушении статьи 3 будет зависеть от обстоятельств конкретного дела (*Caloc v. France*, no. 33951/96, § 90, ECHR 2000-IX). Кроме того, установление процессуального нарушения статьи 3 Конвенции также может зависеть от таких факторов, как неспособность властей прийти к каким-либо убедительным выводам, их неспособность своевременно реагировать на жалобы, провести допрос соответствующих возможных свидетелей или вообще их неспособность достигнуть каких-либо ощутимых результатов (см. *Assenov and Others v. Bulgaria*, judgment of 28 October 1998, §§ 102-103, *Reports* 1998-VIII; *Sadik Önder v. Turkey*, no. 28520/95, § 44, 8 January 2004; and *Bekos and Koutropoulos v. Greece*, no. 15250/02, § 54, ECHR 2005-XIII (extracts)).

#### (с) Применение этих принципов в данном случае

280. Что касается обстоятельств данного дела, то, по мнению Суда, жалобы первого и второго заявителей относительно первых учений и всех троих заявителей относительно вторых учений содержали небезосновательные заявления, связанные с жестоким обращением с заявителями в ходе учений специальных подразделений и общего обыска 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года (см. параграф 272 выше). Очевидно, что государственные органы, в том числе областная прокуратура и Государственный департамент по вопросам исполнения наказаний, провели некоторое расследование этих жалоб. Таким образом, Суд считает, что необходимо оценивать проведение этого расследования с точки зрения его соответствия требованиям статьи 3 Конвенции и критериям, установленным в судебной практике (см. параграфы 276-279 выше). Поэтому Суд должен установить, приняли ли власти все разумные меры для получения доказательств в отношении событий, действовали ли они оперативно, достигли ли они каких-либо ощутимых результатов и было ли данное расследование действительно независимым.

281. Суд отмечает, что власти не предоставили ему никаких подробных записей, касающихся расследования по этому делу, после того, как государство-ответчик было уведомлено о поданной жалобе. Кроме того, отчеты о расследовании были недоступны делегатам и Суду, поскольку они якобы были уничтожены из-за истечения срока хранения (см. параграф 168 выше). Однако с момента уведомления власти могли и должны были подумать о том, чтобы сохранить записи,

все еще имеющиеся в их распоряжении, в целях сохранения доказательств, которые могли бы показать Суду, что расследование проводилось должным образом. Такое непредоставление отчетов о расследовании лишило Суд возможности проанализировать меры, принятые властями для расследования утверждений заявителей о жестоком обращении. В этой связи Суд считает, что наличие подробных отчетов о расследовании до окончательного рассмотрения дела могло бы послужить важным показателем готовности властей продемонстрировать меры, принятые ими для расследования заявлений о жестоком обращении, и доказать, что необходимые меры были приняты в связи с этими утверждениями. Тем не менее, власти не считали эти утверждения небезосновательными, и никогда не пытались провести серьезное расследование в связи с утверждениями заявителей, не видя никакой практической необходимости в записи шагов, предпринятых в ходе формального рассмотрения очевидно необоснованной жалобы (см. параграфы 231-234 выше). Таким образом, Суд будет рассматривать меры, принятые в ходе расследования, проведенного Департаментом и прокуратурой, на основании имеющихся у него доказательств.

282. Суд отмечает, что следователи Департамента не пытались самостоятельно установить, получили ли заявители повреждения, не провели поиска каких-либо медицинских доказательств, не рассмотрев имеющиеся медицинские документы и не попытавшись организовать независимое медицинское освидетельствование в связи с предполагаемыми повреждениями, а вместо этого, как и другие сотрудники колонии, допрошенные Судом, обращали внимание лишь на личные характеристики заявителей и преступления, за которые они были осуждены (см. Приложение, параграфы 61 и 102 и параграфы 89-90 и 208-210 выше). Эти выводы можно сделать из доклада, подготовленного лейтенантом Дановским на основании инструкций, полученных от Департамента (см. параграф 98 выше). Они также вытекают из расследования, проведенного полковником Иршко, который, по словам г-на Ильтяя, установил, что следователи опросили 100 человек за один день (см. Приложение, параграфы 103-104), хотя в письменном отчете г-на Дановского о расследовании говорится, что он инспектировал Замковую колонию в течение двух дней, 3-4 октября 2001 года (см. параграф 98 выше). Кроме того, Суду неясно, были ли это две отдельные инспекции или одна, поскольку в докладе, подготовленном г-ном Скоковым, не упоминаются г-н Ильтяя и полковник Иршко. Кроме того, Правительство не предоставило никаких документов, связанных с расследованием, проведенным полковником Иршко, якобы потому что эти документы были уничтожены в связи с истечением срока их хранения (см. параграф 168 выше). Таким образом, по мнению Суда, расследование Департамента



не привело к установлению фактов или реальным фактическим выводам.

283. В отношении расследования, проведенного органами прокуратуры, Суд отметил, что г-н Волков, специальный прокурор, который первоначально занимался рассмотрением жалоб, лично участвовал в первых учениях и утверждении планов учений. Он имел тесные профессиональные связи с сотрудниками Замковой колонии, с которыми он работал повседневно. В отношении его расследования Суд отмечает, что он не проверял утверждения заявителей и не рассматривал медицинские доказательства. Кроме того, он наложил взыскание на первого заявителя, который жаловался на жестокое обращение (см. параграф 91 выше). По мнению Суда, действия и бездействие г-на Волкова показывают его необъективность и предвзятость при рассмотрении жалоб заявителей. Его положение прокурора по надзору за законностью приговоров давало ему широкие дискреционные полномочия, которыми он не воспользовался (см. параграф 192 выше). Суд приходит к заключению, что рассмотрение жалоб, проведенное специальным прокурором Волковым, не может считаться эффективным и тщательным расследованием утверждений заявителей о жестоком обращении, соответствующим требованиям статьи 3 Конвенции.

284. В отношении расследования, проведенного г-ном Бухером, прокурором областной прокуратуры, Суд отмечает, что это расследование имело ряд недостатков. В частности, официальное расследование было начато прокуратурой только после вторых учений, более чем через шесть месяцев после первых учений, что не может считаться соответствующим требованиям оперативности. Сотрудники областной прокуратуры, участвовавшие в расследовании, утверждали планы учений и сами принимали участие в учениях (см. параграфы 232-233 выше). В этой связи Суд отмечает, что г-н Бухер не счел нужным назначить других прокуроров для расследования жалоб заявителей вместо тех, которые участвовали в учениях и утверждали планы учений, хотя некоторые из жалоб были поданы именно против этих прокуроров. Таким образом, областная прокуратура не могла в данном случае действовать как иерархически и организационно независимый орган, как утверждает Правительство, поскольку следователи, участвовавшие в допросах свидетелей и сборе доказательств для г-на Бухера, были лично заинтересованы в определенных результатах расследования. Он не подумал, что следует провести независимое медицинское обследование заявителей. Кроме того, возможность получения независимого или альтернативного заключения медицинского эксперта даже не рассматривалась следователями областной прокуратуры (как и при расследованиях, проведенных Департаментом и специальным прокурором Волковым). Отсутствие медицинских записей тюремного

врача и медицинской части не вызвало у него никаких подозрений, и он не попытался проверить достоверность заявлений об отсутствии повреждений и медицинских жалоб.

285. Кроме того, Суд отмечает, что г-н Бухер не обратил внимания на то, что некоторые свидетели отправили жалобы в нарушение правил внутреннего распорядка колонии об отправке корреспонденции. Он также отмечает, что следствие не пыталось выяснить, почему эти жалобы не были отправлены законным путем. Кроме того, у него не вызвали никаких подозрений способ и быстрота, с которой следователи собирали доказательства, опровергающие утверждения заявителей. Суд пришел к выводу, что расследование по делу было проведено вопреки духу эффективного и независимого расследования, которое могло бы установить фактические подробности, имеющие отношение к делу. Оба расследования свелись к соблюдению формальных требований, необходимых для прекращения расследования, в том числе к получению письменных показаний на основе неизвестных критериев и формальному ответу, что никаких нарушений закона не выявлено. Большинство показаний, имеющихся в материалах дела, подтверждают, что заявители не подвергались какому-либо жестокому обращению, а заключенные заявили, что они не имеют никаких жалоб на сотрудников Замковой колонии. Утверждения заявителей были проигнорированы (см. параграф 93 выше).

286. Кроме того, Суд отмечает, что выводы национальных властей, включая доклад полковника Иршко и отказ г-на Бухера в возбуждении уголовного дела по жалобам заявителей, предоставленные Суду, не содержат необходимых фактов. В частности, там нет выводов о том, что на самом деле произошло в камерах «Монастыря» во время обысков 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года. Также в этих документах не приведены подробные и обоснованные причины отклонения жалоб заявителей. Доклады о результатах расследований, в значительной степени основанные на свидетельствах должностных лиц, упомянутых в жалобах, ссылаются на то, что утверждения заявителей необоснованны, поскольку они не указали конкретных нарушителей. Эти доклады о расследованиях ярко показывают беспомощность системы рассмотрения жалоб на жестокое обращение.

287. В этой связи Суд отмечает, что заявителям было бы затруднительно опознать нападавших, так как их лица были закрыты. Однако некоторые свидетели смогли догадаться, кто участвовал в жестокое обращение – они опознали участников по походке, поведению и голосу (см. Приложение, параграфы 13 и 45). Тем не менее, эти утверждения не были проверены, и нет никаких данных о допросах сотрудников, участвовавших в жестокое обращение. Как следует из материалов, имеющихся в распоряжении Суда, власти не предприняли серьезных попыток проверить утверждения заявителей и

выявить предполагаемых нарушителей. Власти не пытались выявить и допросить сотрудников, которые якобы нанесли травмы заявителям, которые командовали этими подразделениями или которые были опознаны заявителями как возможные участники обысков и учений. В этой связи Суд вновь подчеркивает, что он не смог изучить материалы следствия или другие соответствующие материалы (см. параграфы 168 и 200 выше), и поэтому он не в состоянии оценить причины, по которым власти прекратили расследование утверждений заявителей. Суд напоминает об отсутствии записей, которые могли бы проиллюстрировать, шаг за шагом, ход расследований, проведенных прокуратурой и Департаментом.

288. В отношении объективности расследования, Суд считает, что применение дисциплинарных взысканий, таких как помещение в одиночную камеру тех, кто пытался жаловаться, показало, что власти не хотят расследовать причины отправки жалоб запрещенными путями, что лишний раз доказывает, что расследованию с самого начала не хватало объективности и его целью было дать формальный отрицательный ответ заявителям (см. параграфы 232-234 выше). Суд подчеркивает, что такими мерами власти показали, что они изначально не доверяют утверждениям заключенных и благосклонны к объяснениям должностных лиц Замковой колонии по поводу событий, уделяя больше внимания личностям заявителей, чем установлению фактов и рассмотрению их утверждений о жестоком обращении.

289. Наконец, Суд отмечает в связи с расследованиями, проведенными национальными органами, что эти органы не были иерархически и организационно независимыми от лиц, причастных к этим событиям. В частности, Суд отмечает, что следователи, которые проводили расследование на месте, сами участвовали в учениях и руководили ими. Кроме того, они работали в той же прокуратуре, что и г-н Волков, который подписывал планы учений и контролировал учения, а также должен был проводить расследование жалоб заключенных против администрации колонии (см. параграфы 232-233 выше). Кроме того, внутреннее расследование, организованное Департаментом и проходившее под руководством полковника Иршко и под надзором г-на Ильтяя, и расследование, проведенное лейтенантом Дановским, касались старших должностных лиц Департамента, в том числе начальника колонии г-на Снегиря и заместителя начальника областного управления Департамента г-на Левенцова, которые планировали учения, участвовали в них и контролировали их проведение (см. параграфы 98 и 197 выше).

290. Таким образом, по мнению Суда, работа следственных органов, действовавших по заданию Департамента и Генеральной прокуратуры, была необъективной и поверхностной и не привела к ощутимым результатам, например, установлению фактов, которые могли бы привести к выявлению и наказанию виновных. Суд повторяет, что

из-за многочисленных недостатков, упомянутых выше, эти расследования не отражают каких-либо серьезных попыток выяснить, что на самом деле произошло 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года, кто участвовал в жестоком обращении с заявителями или отдал приказ о жестоком обращении с ними. Таким образом, Суд приходит к заключению, что небезосновательные утверждения заявителей о том, что они подверглись жестокому обращению в ходе учений специальных подразделений 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года, не были предметом оперативного, независимого и эффективного расследования со стороны национальных органов, которое могло бы привести к каким-либо ощутимым результатам в соответствии с процессуальными обязательствами, предусмотренными статьей 3 Конвенции.

291. Следовательно, имело место нарушение этого положения, и возражения Правительства должны быть отклонены.

### *3. Жалобы заявителей по поводу отсутствия медицинской помощи в связи с причиненными им повреждениями*

292. Заявители утверждают, что они не получили необходимую медицинскую помощь в связи с повреждениями, причиненными им в результате проведения учений сотрудниками милиции, а также что тюремные власти отказались зарегистрировать эти повреждения. Они также утверждают, что они не получали надлежащей медицинской помощи во время содержания под стражей.

293. Правительство утверждает, что в тюремных медицинских регистрационных журналах нет никаких записей относительно просьб заявителей о медицинской помощи. Правительство утверждает, что заявители получали необходимую медицинскую помощь и были обеспечены всеми необходимыми лекарствами во время отбывания наказания, и, следовательно, заявляет, что статья 3 Конвенции не была нарушена.

294. Суд повторяет, что статья 3 Конвенции обязывает государство защищать физическое благополучие лиц, лишенных свободы, и обеспечивать надлежащую охрану их здоровья (см. *Kudła v. Poland* [GC], no. 30210/96, § 94, ECHR 2000-XI), например, путем оказания им необходимой медицинской помощи (см. *Keenan v. the United Kingdom*, no. 27229/95, § 111, ECHR 2001-III, *Koval v. Ukraine*, no. 65550/01, § 79, 19 October 2006). Отсутствие надлежащей медицинской помощи может рассматриваться как обращение, противоречащее статье 3 (см. *İlhan v. Turkey* [GC], no. 22277/93, § 87, ECHR 2000-VII, *Price v. the United Kingdom*, no. 33394/96, § 26, ECHR 2001-VII). В частности, в ситуации, когда, в исключительных случаях, имело место поведение, недопустимое с точки зрения статьи 3 Конвенции, и заключенный был подвергнут жестокому обращению, вследствие чего он получил повреждения, государство обязано обеспечить своевременное лечение,

соответствующее состоянию здоровья заявителя и полученным им повреждениям. Это позитивное обязательство требует, среди прочего, регистрации медицинских жалоб, своевременного выявления и диагностики повреждений, разработки комплексной медицинской стратегии лечения повреждений, документирования процесса оказания медицинской помощи, оценки состояния здоровья лица после медикаментозного лечения и возможной необходимости посттравматического лечения, которое может включать в себя оценку психического состояния заключенного (см., среди прочего, *Hummatov v. Azerbaijan*, nos. 9852/03 and 13413/04, § 114, 29 November 2007; *Mathew v. the Netherlands*, no. 24919/03, § 193, ECHR 2005-IX; *Melnik v. Ukraine*, § 106, цит. выше; и *Dvoynukh v. Ukraine*, no. 72277/01, § 56, 12 October 2006).

295. Суд уже решил, на основании имеющихся у него доказательств, что невозможно установить тот факт, что заявители не были осмотрены врачом в связи с их медицинскими жалобами на повреждения, полученные в результате учений и жестокого обращения со стороны членов спецподразделений (см. параграфы 216-219 и 226-230 выше). Кроме того, Суд отмечает, что на тот момент в Замковой тюрьме, где содержалось более 750 заключенных, работали только два медика, лишь один из которых был врачом.

296. По мнению Суда, отсутствия адекватного медицинского лечения в связи с повреждениями, полученными заявителями в ходе этих учений, отсутствия надлежащей регистрации медицинских жалоб и реакции на них вполне достаточно для вывода, что была нарушена статья 3 Конвенции, поскольку заявителям не была оказана адекватная медицинская помощь в связи с полученными ими повреждениями. Нет необходимости изучать другие элементы жалоб заявителей, связанные с отсутствием достаточной и адекватной медицинской помощи.

#### 4. Условия содержания

297. Заявители жалуются, что они содержались в плохих условиях и в переполненных камерах.

298. Правительство утверждает, что условия, в которых содержались заявители, соответствовали нормам, предусмотренным национальным законодательством.

299. Суд отмечает, что, по утверждению Правительства, нормы, установленные национальным законодательством (см. параграфы 44-48 и 129 выше), соблюдались и даже немного превышались в Замковой колонии (см. параграфы 44-48 выше). Правительство сообщило, что по национальным нормам на одного заключенного должно приходиться не менее 2-2,5 м<sup>2</sup> жилой площади (см. параграфы 121 и 129 выше). Кроме того, площадь одиночной камеры не может быть менее 3 м<sup>2</sup> (см. параграф 129 выше). Суд отмечает, что существующие национальные нормы намного ниже стандартов,

рекомендованных ЕКПП для Украины, которые предписывают, чтобы каждый заключенный имел не менее 4 м<sup>2</sup> жилой площади в многоместных и общих камерах (см. *Nevmerzhitsky v. Ukraine*, no. 54825/00, § 66, ECHR 2005-II (extracts)). Эти нормы также не соответствуют рекомендованным минимальным стандартам, установленным ЕКПП для одиночных и многоместных камер – 4 м<sup>2</sup> жилой площади на одного заключенного в многоместных камерах (см. *Rodić and Others v. Bosnia and Herzegovina*, no. 22893/05, § 77, 27 May 2008), 7 м<sup>2</sup> на одного заключенного в одиночных камерах в отделениях милиции (см. *Malechkov v. Bulgaria*, no. 57830/00, § 137, 28 June 2007) и 9 м<sup>2</sup> жилой площади на одного заключенного в одиночных камерах в колонии (Доклад ЕКПП Временной администрации ООН в Косово о визите 21-29 марта 2007 года, Страсбург, 20 января 2009, § 59).

300. С точки зрения Суда, это само по себе несовместимо со стандартами, установленными Конвенцией и практикой Суда, который уже установил, что пространство 1-2,5 м<sup>2</sup> на одного заключенного следует считать длительной существенной переполненностью (см. *Melnik v. Ukraine*, no. 72286/01, § 103, 28 March 2006; *Yakovenko v. Ukraine*, no. 15825/06, § 84, 25 October 2007; *Dvoynukh v. Ukraine*, no. 72277/01, § 66, 12 October 2006). Таким образом, по мнению Суда, камеры, в которых содержались заявители и в которых на каждого из них приходилось 3 м<sup>2</sup> в одиночных камерах и 4,6 м<sup>2</sup> в одиночных камерах штрафного изолятора (ШИЗО), были постоянно переполнены, и эта структурная проблема сама по себе вызывает вопросы в соответствии со статьей 3 Конвенции.

301. Суд приходит к выводу, что была нарушена статья 3 Конвенции в этой связи.

### 5. Выводы Суда

302. Суд приходит к выводу, что были нарушены материальный и процессуальный аспекты статьи 3 Конвенции в связи со следующими фактами:

– бесчеловечное и унижающее достоинство обращение с заявителями со стороны спецподразделений в ходе учений и обысков, проведенных 30 мая 2001 года (первый и второй заявители) и 29 января 2002 года (первый, второй и третий заявители) в Замковой колонии (см. параграф 272 выше);

– отсутствие оперативного, независимого и эффективного расследования национальными органами жалоб заявителей о жестоком обращении с ними со стороны спецподразделений 30 мая 2001 года и 28 января 2002 года в Замковой колонии, способного привести к ощутимым результатам (см. параграфы 290-291 выше);

– неоказание адекватной медицинской помощи заявителям, отсутствие регистрации повреждений и реакции на их медицинские жалобы (см. параграф 296 выше), и

– плохие условия содержания заявителей под стражей, несовместимые с нормами, установленными Конвенцией и практикой Суда (см. параграфы 300-301 выше).

## V. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

A. Доводы сторон

B. Жестокое обращение и телесные повреждения в ходе учений и отсутствие медицинской помощи в связи с полученными повреждениями

C. Условия содержания под стражей

D. Выводы Суда

### A. Доводы сторон

303. Заявители жалуются, что они не имели в своем распоряжении эффективных средств правовой защиты в отношении их жалоб на жестокое обращение со стороны специальных подразделений, плохие условия содержания под стражей и отсутствие адекватной медицинской помощи. Они ссылаются в этой связи на статью 13 Конвенции, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

304. Правительство повторило аргументы, изложенные выше в его возражении о неисчерпании национальных средств правовой защиты, и пришло к выводу, что заявители имели в своем распоряжении эффективные национальные средства правовой защиты, которыми они не воспользовались. В частности, Правительство заявило, что статья 55 Конституции, статьи 248<sup>1</sup>–248<sup>9</sup> Гражданского процессуального Кодекса Украины и статья 99<sup>1</sup> Уголовно-процессуального Кодекса Украины допускают подачу жалоб администрации колонии и в прокуратуру, а также прямо или впоследствии обжалование их решений в местные судебные органы. Таким образом, Правительство заключило, что статья 13 Конвенции не была нарушена в этой связи.

305. Заявители не согласились.

306. Суд считает, что жалобы заявителей по поводу отсутствия эффективных средств правовой защиты в основном касаются того, были ли эти средства правовой защиты эффективными для подачи жалоб и требования возмещения за:

– жестокое обращение и телесные повреждения в ходе учений и отсутствие медицинской помощи в связи с полученными повреждениями;

– плохие условия содержания под стражей.

307. Суд считает, что каждая из вышеперечисленных жалоб в соответствии со статьей 13 Конвенции требует отдельного рассмотрения в свете принципов, закрепленных в его практике. По практическим соображениям, Суд сначала совместно рассмотрит жалобы заявителей на жестокое обращение и неоказание медицинской помощи.

### **В. Жестокое обращение и телесные повреждения в ходе учений и отсутствие медицинской помощи в связи с полученными повреждениями**

308. Суд уже установил, что государственные органы несут ответственность за бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и повреждения, причиненные заявителям в ходе учений 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года. Поэтому у заявителей есть «небезосновательные заявления» для целей статьи 13 и имеют право на эффективное средство правовой защиты в этой связи.

309. Суд повторяет, что статья 13 гарантирует доступность на национальном уровне средств правовой защиты для обеспечения соблюдения основных прав и свобод, закрепленных в Конвенции, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном законодательстве. Настоящая статья, таким образом, требует предоставления национальных средств правовой защиты, позволяющих компетентному национальному органу принять решение по существу жалобы, поданной в соответствии с Конвенцией, и предоставить соответствующее возмещение, хотя Договаривающимся государствам предоставлена определенная свобода усмотрения в отношении того, каким образом они будут выполнять свои обязательства в соответствии с настоящим положением.

Суд считает, что эффективность конкретного средства правовой защиты или совокупности средств правовой защиты требует отдельного рассмотрения с точки зрения статьи 13 Конвенции, отличного от рассмотрения конкретных недостатков расследования, проведенного национальными органами, которые уже были изучены более специально с точки зрения соблюдения процессуальных или позитивных обязательств по статье 3 Конвенции (см., для сравнения, *Bekos and Koutropoulos v. Greece*, no. 15250/02, § 57, ECHR 2005-... (extracts)). В частности, Суд считает, что необходимо изучить следующие вопросы:

– могла ли процедура проверки, проводимой в соответствии со статьей 97 Уголовно-процессуального кодекса, обеспечить



эффективное и тщательное расследование, совместимое с требованиями статьи 13 Конвенции;

– был ли отказ в возбуждении уголовного дела, в соответствии со статьей 97 Уголовно-процессуального кодекса, юридическим препятствием для доступа к гражданскому суду в связи с возможными претензиями за вред, причиненный теми же событиями (см. *Chember v. Russia*, no. 7188/03, § 72, 3 July 2008).

310. Суд отмечает, что проверка утверждений о жестоком обращении в соответствии со статьей 97 Уголовно-процессуального кодекса была направлена и ограничивалась лишь установлением обоснованности заявления о возбуждении уголовного дела или того, относилось ли заявление к возможному преступлению. Таким образом, проверка касалась главным образом того, существуют ли формальные основания для возбуждения уголовного дела, то есть, содержится ли в жалобе «достаточно доказательств» для возбуждения уголовного дела. Следственный орган, действуя в соответствии со статьей 97 Уголовно-процессуального кодекса, мог только запросить определенные объяснения у частных и должностных лиц и потребовать предоставить документы, необходимые для проверки (см. параграфы 112-113 выше). В качестве исключения, перед возбуждением уголовного дела следственные органы могли обследовать место преступления, но не могли осуществлять никакие другие действия (см. параграфы 112-113 выше). Таким образом, предварительная проверка, проведенная следственным органом, не была связана со следственными действиями, имеющими значение для эффективного и тщательного расследования в соответствии со статьей 13 Конвенции, которое бы включало оценку надежных медицинских свидетельств и допросы свидетелей.

311. Что самое главное, жертвы жестокого обращения не имели официального статуса в ходе проверки до начала официального уголовного расследования (см. параграфы 112-113 выше). Эти обстоятельства показывают, что Суд также не видит никакого смысла в возможности подать в суд жалобу на отказ в возбуждении уголовного дела, поскольку в таком случае суд обращал бы внимание только на то, каким образом прокуратура пришла к этим юридическим и фактическим результатам, но не вдавался бы в суть заявления о жестоком обращении.

312. Для Суда это является свидетельством того, что проверки не могли привести к фактическим выводам, имеющим значение для выявления и наказания виновных и, при необходимости, для выплаты возмещения жертвам жестокого обращения. Следовательно, любое другое средство правовой защиты, имеющееся в распоряжении заявителей, в том числе требование о возмещении вреда, имело ограниченные шансы на успех и могло считаться теоретическим, иллюзорным и не способным обеспечить заявителям возмещение,

поскольку виновные не были найдены (см. *Afanasyev*, цит. выше, § 77), а следственные органы не установили соответствующие факты. Суд также считает, что аналогичные соображения применимы и к жалобам на отсутствие медицинской помощи и требованиям о возмещении вреда в этом отношении, так как в отсутствие медицинского заключения, что заявители получили повреждения и, следовательно, нуждались в медицинской помощи, любые претензии не имели никакой разумной надежды на успех.

313. Поэтому Суд считает, что заявители были лишены эффективных средств правовой защиты в отношении их жалоб о том, что они подверглись жестокому обращению в ходе двух учений и им не была оказана медицинская помощь. Следовательно, была нарушена статья 13 Конвенции.

### **С. Условия содержания**

314. Суд отмечает, что Правительство в своих предварительных возражениях в отношении исчерпания национальных средств правовой защиты утверждало, что заявителям были доступны средства правовой защиты в связи с жалобами по поводу условий содержания. Тем не менее, в отношении этих возражений Суд постановил, что возможность подачи жалобы на условия содержания под стражей государственному прокурору, осуществляющему надзор за общей законностью содержания под стражей, начальнику соответствующей колонии или в Государственный департамент по вопросам исполнения наказаний не может считаться эффективным и доступным средством правовой защиты (см. параграфы 256-258 выше). Поскольку Правительство опирается на те же самые рассуждения в связи с жалобой по статье 13, его аргументы и возражения должны быть отклонены.

315. Таким образом, Суд считает, что государство не выполнило свое обязательство по статье 13 Конвенции в отношении предоставления эффективных и доступных средств правовой защиты для подачи жалоб и требования о возмещении вреда в связи с плохими условиями содержания под стражей.

### **Д. Выводы Суда**

316. Суд приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции по причине отсутствия эффективных и доступных средств правовой защиты в национальном законодательстве для подачи заявителями жалоб в отношении жестокого обращения и повреждений, причиненных им во время учений, отсутствия медицинской помощи в связи с этими повреждениями, а также плохих условий содержания под стражей. Эти выводы должны рассматриваться на фоне других дел

против Украины, в которых были установлены нарушения статей 3 и 13 и которые касаются следующих вопросов:

(a) жестокое обращение в колониях и местах содержания под стражей (см., среди прочего, *Afanasyev v. Ukraine*, no. 38722/02, § 69, 5 April 2005, и *Kucheruk v. Ukraine*, no. 2570/04, §§ 132-133, ECHR 2007-X);

(b) отсутствие эффективного расследования сообщений о жестоком обращении с заключенными (см. *Poltoratskiy v. Ukraine*, no. 38812/97, §§ 127-128, ECHR 2003-V; *Kuznetsov v. Ukraine*, no. 39042/97, §§ 107-108, 29 April 2003);

(c) неоказание надлежащей медицинской помощи заключенным (см. *Koval v. Ukraine*, no. 65550/01, § 81, 19 October 2006; *Melnik*, цит. выше, § 106; *Mikhaniv v. Ukraine*, no. 75522/01, § 74, 6 November 2008; *Nevmerzhitsky v. Ukraine*, no. 54825/00, § 106, ECHR 2005-II (extracts));

(d) условия содержания под стражей (см. *Poltoratskiy v. Ukraine*, no. 38812/97, § 149, ECHR 2003-V; *Aliiev v. Ukraine*, цит. выше, § 150; *Kuznetsov v. Ukraine*, цит. выше, § 128; *Nazarenko v. Ukraine*, цит. выше, § 144; *Khokhlich v. Ukraine*, цит. выше, § 182; *Dankevich v. Ukraine*, цит. выше, § 145; *Yakovenko v. Ukraine*, no. 15825/06, § 89, 25 October 2007; *Dvoynukh*, цит. выше, § 69).

Тем не менее, Суд счел нецелесообразным определять в данном случае, являются ли эти вопросы признаком системных и структурных проблем.

317. Следовательно, была нарушена статья 13 в совокупности со статьей 3 Конвенции.

## VI. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 8 § 1 (ОТДЕЛЬНО И В СОВОКУПНОСТИ СО СТАТЬЕЙ 13) И 34 КОНВЕНЦИИ

A. Доводы сторон

B. Приемлемость

C. Оценка Суда

318. Заявители жалуются Суду на вмешательство в их переписку и нарушение их права на подачу индивидуальных жалоб. Заявители утверждают, что их корреспонденция и жалобы не пересылались местным органам власти, которым они были адресованы, так как перехватывались администрацией колонии, передавались в прокуратуру и уничтожались. Заявители подверглись наказанию за свои попытки подать жалобу. Эффективное расследование этих утверждений не было проведено Генеральной прокуратурой и местной прокуратурой. В этой связи заявители ссылаются на статьи 8 § 1 и 34 Конвенции, соответственно, которые, насколько это уместно, гласят:

### Статья 8

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случая, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

### Статья 34

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

319. Заявители также жалуются, что они не имели эффективных средств правовой защиты в отношении их жалоб по поводу вмешательства в их переписку. Они ссылаются в этой связи на статью 13 Конвенции, которая гласит:

### Статья 13

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

## А. Доводы сторон

320. Правительство отметило, что украинское законодательство, действовавшее на тот момент, разрешало властям просматривать письма, адресованные в Европейский суд по правам человека. После внесения изменений в статью 113 Уголовно-исполнительного кодекса и в приказ № 275 Департамента (см. параграф 118 выше), почтовые отправления, адресованные в Европейский суд по правам человека, не могли просматриваться. Тем не менее, Правительство заявило, что, хотя эта процедура не соответствовала Конвенции и судебной практике, нет никаких доказательств вмешательства властей в переписку заявителей.

321. Кроме того, в отношении жалоб по статье 34 Правительство утверждает, что ни один государственный орган и ни одно должностное лицо не ограничивали право заявителей на свободное общение с Судом, при этом заявители не подвергались дисциплинарным или иным наказаниям за общение с Судом. Правительство делает вывод, что нет никаких оснований полагать,

будто администрация колоний, в которых заявители отбывали сроки тюремного заключения, оказывала давление на заявителей или же иным образом препятствовала реализации их права на подачу индивидуальных жалоб в Европейский суд. Что касается жалоб на проблемы, с которыми сталкивались заявители при переписке с их представителем, Правительство отметило, что эти якобы незаконные действия администрации колоний не были оспорены ни в одном национальном суде.

322. Заявители не согласны с Правительством и утверждают, что тюремные власти вмешивались в их переписку с Судом и пытались оказать давление на них, чтобы они отказались от продолжения рассмотрения своих заявлений. Заявители утверждают, что их корреспонденция и жалобы не доходили до местных властей, которым они были адресованы, так как они были перехвачены тюремной администрацией, переданы в прокуратуру и, в итоге, уничтожены. Эффективное расследование этих утверждений не было проведено Генеральной прокуратурой и местной прокуратурой.

## **В. Приемлемость**

323. Суд отмечает, прежде всего, что жалобы заявителей в соответствии со статьями 8 § 1 Конвенции были признаны приемлемыми, и возражения Правительства относительно их приемлемости были присоединены к существу дела (см. *Druzenko and Others v. Ukraine* (dec.), nos. 17674/02 and 39081/02, 15 January 2007). Таким образом, Суд считает, что эти возражения должны быть рассмотрены сейчас, одновременно с рассмотрением существа жалоб заявителей. Кроме того, Суд счел необходимым отдельно рассмотреть утверждения заявителей относительно вмешательства в подачу ими жалоб в местные органы власти и их представителям в соответствии со статьей 8 § 1 Конвенции, а также совместно с жалобами по статье 13 и жалобами по статье 34 относительно переписки с Судом.

## **С. Оценка Суда**

1. Жалобы по статье 8 § 1 Конвенции
2. Жалобы по статье 13 Конвенции
3. Жалобы по статье 34 Конвенции

### *1. Жалобы по статье 8 § 1 Конвенции (в связи с вмешательством в переписку с национальными органами и представителем заявителей)*

324. В отношении жалоб заявителей на вмешательство в их переписку с национальными органами и представителем заявителей

Суд отмечает, что в ряде случаев после учений 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года жалобы первого, второго и третьего заявителей были перехвачены администрацией колонии и не отправлены по назначению (см. параграфы 220 и 230 выше). Кроме того, заявители подверглись наказаниям за подачу этих жалоб и отправку писем в соответствующие правоохранительные или следственные органы (см. параграфы 91 и 288 выше). В этой связи Суд напоминает, что «вмешательство со стороны публичных властей» в реализацию заявителями права на уважение их корреспонденции, которое гарантируется статьей 8, будет противоречить статье 8, если оно не «предусмотрено законом», не преследует одну или более законных целей, упомянутых в параграфе 2, и, кроме того, не является «необходимым в демократическом обществе» для достижения этих целей (см. *Labita v. Italy* [GC], no. 26772/94, § 179, ECHR 2000-IV). Суд также отмечает, что предварительные возражения Правительства в отношении исчерпания национальных средств правовой защиты тесно связаны с вопросом о том, было ли заявленное вмешательство «предусмотрено законом». Суд будет рассматривать эти вопросы по очереди.

325. На основании свидетельских показаний, данных в ходе устного слушания дела (см. Приложение, параграфы 9, 15, 18 и 23), которые Суд счел достоверными, он может прийти к выводу, что вмешательство в переписку первого, второго и третьего заявителей с национальными органами и их представителями имело место. В результате этой переписки они подвергались давлению со стороны властей, даже после того как в положения, упомянутые выше Правительством, были внесены поправки. В частности, подтверждения того, что письма и жалобы, адресованные местным органам власти, а также вся переписка, касающаяся жалоб, находились под контролем, были получены в ходе разбирательства с участием делегатов (см. Приложение, параграфы 63, 81, 85 и 100; параграфы 134-135 выше), а также содержатся в некоторых документах (письмо администрации Замковой колонии от 14 апреля 2003 года, см. параграф 100 выше; решение от 10 мая 2002 года специального прокурора Волкова о наложении на заявителей г-на Кулика, г-на Литвинова и г-на Ильченко дисциплинарных взысканий, см. параграф 91 выше). Таким образом, Суд считает, что вся корреспонденция заявителей проверялась и подвергалась цензуре. Таким образом, было вмешательство в право заявителей на уважение их корреспонденции.

326. Поэтому следует рассмотреть вопрос, удовлетворяло ли это вмешательство условиям, изложенным в статье 8 § 2. В частности, данные меры должны быть «предусмотрены законом», что требует, в частности, чтобы оспариваемая мера имела основу в национальном законодательстве. Также следует рассмотреть качество данного

законодательства, что требует, чтобы оно было доступно заинтересованному лицу, которое должно иметь возможность предвидеть его последствия, и быть совместимым с принципом верховенства права (см. *Kruslin v. France and Huvig v. France*, 24 April 1990, § 27, Series A no. 176-A, и § 26, Series A no. 176-B, соответственно).

327. В отношении того, было ли вмешательство «предусмотрено законом», Суд отмечает, что, по утверждению Правительства, это вмешательство имело правовые основания, поскольку статья 113 Уголовно-исполнительного кодекса и приказ № 275 Государственного департамента по вопросам исполнения наказаний от 25 декабря 2003 года позволяли просматривать переписку заключенных (см. параграф 118 выше). Тем не менее, приказ, на который ссылается Правительство, не был в силе в этот момент времени. Правительство не упомянуло и не указало каких-либо других соответствующих нормативных актов.

328. Следовательно, для вмешательства в корреспонденцию заявителей не было никаких правовых оснований, поскольку Правительство не смогло доказать, что данное вмешательство имело правовую основу. Таким образом, это вмешательство не было «предусмотрено законом», в соответствии с требованиями статьи 8 Конвенции. В свете вышеизложенного, Суд не считает необходимым в данном случае выяснять, были ли соблюдены другие требования статьи 8 § 2. Кроме того, он считает, что возражения Правительства в отношении исчерпания национальных средств правовой защиты (см. параграф 323 выше), выдвинутые на стадии определения приемлемости, должны быть отклонены.

329. Следовательно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

*2. Жалобы по статье 13 Конвенции (отсутствие эффективных средств правовой защиты в связи с жалобами первого, второго и третьего заявителя на вмешательство в их переписку)*

330. В своих предварительных возражениях, которые были присоединены к существу дела, Правительство заявило, что заявителям были доступны средства правовой защиты в связи с их жалобами. Заявители не согласились.

331. Статья 13 требует наличия в национальном законодательстве средств правовой защиты в отношении жалоб, которые можно рассматривать как «небезосновательные» с точки зрения Конвенции. В данном случае было установлено нарушение статьи 8, и, таким образом, жалоба в соответствии со статьей 13 подлежит рассмотрению (см., *mutatis mutandis*, *Tysiqc v. Poland*, no. 5410/03, § 134, ECHR 2007-IV). Тем не менее, Суд отмечает, что заявители жалуются на неспособность государства обеспечить надлежащую правовую основу для подачи жалоб на незаконное вмешательство в корреспонденцию.

Эта жалоба существенно совпадает с решением Суда о том, что вмешательство в корреспонденцию заявителей не было основано на законе и, следовательно, производилось в нарушение статьи 8 Конвенции. Таким образом, Суд постановляет, что нет необходимости рассматривать какие-либо отдельные вопросы по статье 13 Конвенции.

### 3. Жалобы по статье 34 Конвенции

332. Что касается возражений Правительства относительно неисчерпания заявителями национальных средств правовой защиты, Суд отмечает, что жалобы, поданные в соответствии со вторым предложением статьи 34, не вызывают каких-либо вопросов о приемлемости, в том числе об исчерпании национальных средств правовой защиты в соответствии с Конвенцией (см., *mutatis mutandis*, *Ergi v. Turkey*, 28 July 1998, § 105, *Reports* 1998-IV; *Shamayev*, цит. выше, § 507; and *Mohammed Ali Hassan Al-Moayad v. Germany* (dec.), no. 35865/03, 20 February 2007).

333. Суд напоминает, что для эффективного функционирования системы индивидуальных жалоб, предусмотренной статьей 34 Конвенции, исключительно важно, чтобы заявители или потенциальные заявители имели возможность свободно общаться с органами Конвенции, не подвергаясь какому-либо давлению со стороны властей, направленному на то, чтобы заставить их отозвать или изменить свои жалобы (см. *Akdivar and Others v. Turkey*, 16 September 1996, § 105, *Reports* 1996-IV, and *Kurt v. Turkey*, 25 May 1998, § 159, *Reports* 1998-III). Суд считает, что особенно важно соблюдать конфиденциальность корреспонденции между органами Конвенции и заключенными, так как эта корреспонденция может касаться обвинений в адрес тюремной администрации или должностных лиц пенитенциарной системы. Вскрытие письма, адресованного органам Конвенции, несомненно, приведет к тому, что оно будет прочитано, а также, в некоторых случаях, может создать опасность применения к заключенному репрессий со стороны персонала колонии (см. *Campbell v. the United Kingdom*, 25 March 1992, § 62, *Series A* no. 233).

334. Во-первых, Суд отмечает, что в данном случае утверждалось, что первоначальные заявления, поданные первым, вторым и третьим заявителями, и их последующие письма подвергались цензуре, так как они были вскрыты и Суд получил их поврежденными и частично нечитаемыми (см. Приложение, параграф 23). В частности, третий заявитель, г-н Ильченко, утверждал, что после того как он подал заявление в Суд, он сразу же столкнулся с «многочисленными проблемами» в своей повседневной жизни в колонии, связанными с тем, что его перевели в другую камеру, заключенным которой сказали, что он «работает на администрацию». Кроме того, жалобы третьего заявителя были порваны г-ном Мазуренко и г-ном Мазепой,



так что он вынужден был передать свое заявление в Суд через г-на Жердева (см. параграфы 182, 202, 220 и 230 выше). Суд также учитывает показания заявителей, которые он считает надежными, относительно давления со стороны администрации Замковой колонии и угроз в отношении первого, второго, третьего заявителей, других заявителей и свидетелей (см. Приложение, параграфы 5, 9, 18, 23, 28-29 и 36 ниже).

335. Что касается существа жалобы заявителей, то Суд повторяет, что соблюдение государством положений статьи 34 Конвенции является важной гарантией эффективного осуществления права на подачу индивидуальной жалобы. В связи с этим любое давление со стороны властей на заявителей или потенциальных заявителей с целью заставить их отозвать или изменить свои жалобы, вследствие чего они не могут свободно общаться с органами Конвенции, является грубым вмешательством в саму суть права на подачу индивидуальной жалобы, закрепленного в статье 34 Конвенции. Более того, выражение «любое давление» касается не только прямого принуждения и явного запугивания, а также незаконных косвенных действий, направленных на то, чтобы помешать заявителям воспользоваться этим средством Конвенции (см. *Kurt v. Turkey*, 25 May 1998, § 160, *Reports* 1998-III). Кроме того, вопрос, являются ли контакты между должностными лицами и заявителем недопустимыми с точки зрения статьи 34, должен решаться с учетом конкретных обстоятельств дела. В связи с этим, Суд должен оценить уязвимость заявителя и риск возможного влияния на него со стороны властей (см. *Akdivar and Others*, § 105, and *Kurt*, § 160, оба цит. выше).

336. В данном случае, первый, второй и третий заявители утверждают, что они не имели возможности обратиться в Суд, находясь под стражей и их заявления на самом деле были поданы г-ном Жердевым, который представлял их в начале разбирательства. Другие заявители, в том числе г-н Друзенко, г-н Кулик, г-н Миронов, г-н Мартов и г-н Кузьменко, 1-4 апреля 2003 года подписали стандартные письма, предназначенные для г-на Жердева, которые были приложены к ответу начальника Замковой колонии г-на Снегиря. В письмах говорилось, что они более не заинтересованы в продолжении рассмотрения их жалоб и вообще не имеют претензий к тюремным властям (см. параграф 100 выше). Заявители г-н Друзенко, г-н Кулик, г-н Миронов и г-н Кузьменко, некоторые из которых отбывают или отбывали наказание в Замковой колонии во время подачи жалоб, впоследствии решили отозвать свои жалобы, поскольку, по данным в ходе слушаний показаниям, они предвидели осложнения, связанные с попытками продолжить рассмотрение их жалоб, или их как-либо убедили не продолжать рассмотрение. Суд также учитывает устные и письменные доказательства угроз и давления на заявителей и свидетелей, предложенных заявителями для участия в устном

слушании доказательств (см. Приложение, параграфы 5, 9, 18, 23, 28-29 и 36). Суд считает такие действия неприемлемым и незаконным давлением, которое препятствовало осуществлению заявителями их права на подачу индивидуальной жалобы и в отношении которого Суд не получил никаких объяснений.

337. Суд также отмечает, что допрос заявителей и объяснения, данные начальнику колонии г-ну Снегирю, в результате чего были написаны письма от 1-4 апреля 2003 года о заявлениях (см. параграф 100 выше), поданных в Суд, были явно связаны со встречей с должностными лицами колонии. Целью этого было убедиться, что все заявители написали, будто они более не заинтересованы в продолжении рассмотрения их жалоб. В частности, в стандартных письмах заявителям было предложено описать подробно, почему они решили не продолжать рассмотрение своих жалоб (см. *Dulaş v. Turkey*, no. 25801/94, § 81, 30 January 2001). Таким образом, Суд считает, что вышеупомянутые встречи и объяснения заявителей подтверждают, что на них оказывали давление, чтобы заставить их отозвать жалобы. При таких обстоятельствах, Суд приходит к выводу, что имело место неоправданное вмешательство в право заявителей на подачу жалоб.

338. Суд считает, что такие действия со стороны Правительства могли помешать рассмотрению заявлений, поданных в порядке осуществления права на подачу индивидуальной жалобы, и тем самым нарушили права первого, второго и третьего заявителей, гарантируемые статьей 34 Конвенции.

### **Возмещение**

## **VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ**

339. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

340. Заявители потребовали выплатить им по 150000 евро (EUR) каждому в качестве компенсации нематериального вреда, причиненного им избиением и огромным унижением в ходе учений, а также 6000 евро в общей сложности в качестве компенсации расходов и издержек на их представительство.

341. Правительство не согласилось с этими требованиями, заявив, что они необоснованны и чрезмерны.

### **А. Нематериальный вред**

342. Правительство повторило свои аргументы, что заявители не подверглись жестокому обращению в нарушение статьи 3 Конвенции, и их жалобы были явно необоснованными. Соответственно, их требования о компенсации нематериального вреда должны быть отклонены. Кроме того, Правительство, сославшись на практику и принципы Суда, подчеркнуло, что требования заявителей не должны служить для необоснованного обогащения.

343. В данном деле Суд установил многочисленные и серьезные нарушения статей 3, 8 § 1, 13 и 34 Конвенции. Решая на основе справедливости, Суд присуждает выплатить первому и второму заявителям по 20000 евро каждому, а третьему заявителю – 15000 евро в качестве компенсации нематериального вреда.

### **В. Расходы и издержки**

344. Правительство отметило, что, в соответствии с Правилем 60 § 2 Регламента Суда, «должна быть предоставлена детализация всех требований, с приложением соответствующих подтверждающих документов или квитанций, в противном случае Палата может отклонить требования полностью или частично». Так как заявители не смогли предоставить Суду и национальным органам какие-либо документы в подтверждение своих расходов и издержек, их требования в этой части должны быть отклонены.

345. В отношении утверждений заявителей о расходах и издержках, которые составили, по их утверждению, 6000 евро, Суд напоминает, что представителю заявителей было выплачено в общей сложности 1350 евро за оказание юридической помощи. Суд также отмечает, что согласно его практике, заявители имеют право на возмещение своих затрат и расходов только в той степени, в какой было доказано, что расходы были фактически понесены, были обязательными и разумными в количественном отношении. В данном случае, заявители не обосновали свои требования по этой статье. Поэтому Суд не присуждает им эту сумму.

### **С. Пеня**

346. Суд считает уместным, чтобы пеня основывалась на предельной кредитной ставке Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

### **Резолюция**

## ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклоняет* предварительное возражение Правительства об исключении из списка дел первого, второго и третьего заявлений;
2. *Решает* исключить из списка дел Суда заявления, поданные г-ном Друзенко, г-ном Мартовым, г-ном Саловым, г-ном Кузьменко, г-ном Киселевым, г-ном Диденко, г-ном Швецом, г-ном Литвиновым, г-ном Мироновым и г-ном Куликом;
3. *Постановляет*, что Правительство не выполнило свое обязательство в соответствии со статьей 38 § 1(a) Конвенции;
4. *Постановляет*, что была нарушена статья 3 Конвенции в ее материальном аспекте, так как первый заявитель (г-н Давыдов) подвергся жестокому обращению в ходе учений 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года, не получил никакой медицинской помощи в связи с телесными повреждениями, причиненными ему в ходе учений и содержался в плохих условиях в Замковой колонии, а также отклоняет возражения Правительства относительно исчерпания национальных средств правовой защиты;
5. *Постановляет*, что была нарушена статья 3 Конвенции в ее материальном аспекте, так как второй заявитель (г-н Ильченко) подвергся жестокому обращению в ходе учений 30 мая 2001 года и 29 января 2002 года, не получил никакой медицинской помощи в связи с телесными повреждениями, причиненными ему в ходе учений и содержался в плохих условиях в Замковой колонии, а также отклоняет возражения Правительства относительно исчерпания национальных средств правовой защиты;
6. *Постановляет*, что была нарушена статья 3 Конвенции в ее материальном аспекте, так как третий заявитель (г-н Гоменюк) подвергся жестокому обращению в ходе учений 30 мая 2001 года, не получил никакой медицинской помощи в связи с телесными повреждениями, причиненными ему в ходе учений и содержался в плохих условиях в Замковой колонии, а также отклоняет возражения Правительства относительно исчерпания национальных средств правовой защиты;
7. *Постановляет*, что была нарушена статья 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте, так как жалобы первого, второго и третьего заявителей на жестокое обращение с ними в ходе учений не были должным образом рассмотрены украинскими властями,

а также отклоняет возражения Правительства относительно исчерпания национальных средств правовой защиты;

8. *Постановляет*, что была нарушена статья 13 Конвенции в совокупности со статьей 3 Конвенции по причине отсутствия эффективных и доступных средств правовой защиты в рамках национального законодательства для подачи заявителями жалоб в отношении жестокого обращения и телесных повреждений, причиненных во время учений, отсутствия медицинской помощи в связи с этими повреждениями, а также плохих условий содержания под стражей;
9. *Постановляет*, что была нарушена статья 8 § 1 Конвенции, так как вмешательство в корреспонденцию первого, второго и третьего заявителей было незаконным, и что нет необходимости рассматривать отдельно жалобы по статье 13 Конвенции в совокупности со статьей 8, связанные с тем, что заявители не имели эффективных и доступных средств правовой защиты для подачи жалоб на вмешательство в их корреспонденцию;
10. *Постановляет*, что было нарушено право первого, второго и третьего заявителей на подачу индивидуальной жалобы в соответствии со статьей 34 Конвенции;
11. *Постановляет*:
  - (а) что государство-ответчик должно выплатить первому и второму заявителям, в течение трех месяцев с даты, когда судебное решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, 20000 евро (двадцать тысяч евро) в качестве компенсации нематериального вреда в переводе в национальную валюту государства-ответчика, действующему на день выплаты, с добавлением любого возможного налога на эту сумму;
  - (б) что государство-ответчик должно выплатить третьему заявителю, в течение трех месяцев с даты, когда судебное решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, 15000 евро (пятнадцать тысяч евро) в качестве компенсации нематериального вреда в переводе в национальную валюту государства-ответчика, действующему на день выплаты, с добавлением любого возможного налога на эту сумму;
  - (с) что с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев и до выплаты на вышеуказанную сумму должна начисляться пеня, равная предельной кредитной ставке Европейского Центрального Банка в этот период с добавлением трех процентных пунктов;

12. *Отклоняет* остальные требования о возмещении вреда.

Составлено на английском языке и объявлено письменно 1 июля 2010 года в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Claudia Westerdiek  
секретарь

Peer Lorenzen  
председатель

В соответствии со статьей 45 § 2 Конвенции и правилом 74 § 2 Регламента Суда к данному решению прилагается особое мнение судьи Villiger.

P.L.  
C.W.

### ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ВИЛЛИНДЖЕРА

Я частично согласен с резолютивной частью решения Секции, в частности, с §§ 4-6, в соответствии с которыми здесь была нарушена статья 3 Конвенции. Тем не менее, я не согласен с сопутствующими рассуждениями, а именно с тем, что заявители подверглись «жестокému обращению в ходе учений» и что они «не получили медицинской помощи в связи с телесными повреждениями».

Напротив, я считаю, что рассматриваемое обращение вышло за рамки жестокого обращения и достигло уровня *пыток*, в соответствии со статьей 3 Конвенции.

#### *Введение*

Прежде всего, я должен отметить, что установление фактов в данном случае оказалось исключительно трудным. Я согласен с изложением фактов, приведенным в решении Суда.

Кроме того, я осознаю, что заявители были осужденными, отбывающими тюремное заключение за совершение особо тяжких уголовных преступлений. Тем не менее, наказание должно ограничиваться тюремным заключением, назначенным судом, и, конечно, не может включать в себя телесные наказания.

Кроме того, само собой разумеется, что государство имеет право проводить в тюрьме любые учения, которые оно сочтет нужными. Как отмечается в § 268 решения, «Суд принимает во внимание трудности управления в современном обществе, непредсказуемость

человеческого поведения, а также необходимость подготовки и сохранения готовности сотрудников к возможному неожиданному поведению заключенных, в том числе к действиям, связанными с массовыми беспорядками или захватом заложников...». Однако при проведении таких мероприятий необходимо соблюдать гарантии, закрепленные в Конвенции.

В качестве последнего вступительного замечания, я хотел бы добавить, что заключенные находятся в особенно уязвимом положении, поскольку они не могут сами позаботиться о себе. Их здоровье и благополучие зависят от государства и, в частности, от тюремных властей. Простое отсутствие медицинской помощи, например, может уже считаться быть бесчеловечным обращением. Любое дополнительное негативное обращение оценивается еще более строго в этом контексте.

### *Факты*

Рассмотрение фактов выявляет, в частности, следующие элементы проведенных в тюрьме учений, которые испытали на себе трое заявителей, лично или коллективно, 30 мая 2001 года и/или 29 января 2002 (§§ 202 и далее):

- сотрудники, участвовавшие в учениях, были в масках и бронежилетах во время первых учений; во время вторых они были одеты в зеленую камуфляжную форму, у них были шлемы, щиты, у некоторых – автоматы, резиновые дубинки, наручники, нейтрализующие рогатины и петарды;
- обыск камер заявителей начался со звуков взрывов и холостых выстрелов из автоматического оружия; члены группы обыска использовали петарды и стучали дубинками по щитам;
- сотрудники вбежали в камеру, направив оружие внутрь камеры. Двум заявителям приказали лечь на пол лицом вниз. Им запретили двигаться;
- один из заявителей получил несколько ударов ногой. Сотрудники наступали на него;
- сотрудники приказали двоим заключенным выбежать по одному в коридор, где другие сотрудники образовали «коридор» из дубинок и щитов, по которому заключенные бежали к стене перед камерой. Они бежали, наклонив головы до уровня ног. Сотрудники, образующие «коридор», пытались ударить заключенных дубинками и ногами. Так, один из заявителей получал удары дубинками по лбу и спине;
- одного из заявителей вытащили из камеры два сотрудника, заломив ему руки вверх за спину, так что он согнулся и едва мог идти;
- двоих заявителей заставили стоять, расставив ноги; когда один из них упал, его ударили ногой и заставили подняться и стать у стены в той же позе;
- двоим заявителям приказали раздеться догола, их одежду бросили посреди коридора;

– заявителям велели поклясться, что они не будут нарушать правила внутреннего распорядка и будут выполнять приказы сотрудников тюрьмы. Один заявитель был избит, поскольку его ответы были недостаточно громкими;

– одного из заявителей, который отказался дать клятву, бросили обратно в камеру, где один из сотрудников, обутый в тяжелые военные ботинки, бил его ногами, пока заявитель не потерял сознание;

– одному из заявителей было приказано бежать обратно в камеру, он начал искать свою одежду, которая была свалена в кучу посреди коридора, но его прогнали за то, что он делал это слишком долго;

– этот заявитель побежал обратно в камеру голый с одеждой в руках, согнувшись и постоянно получая удары;

– после возвращения в камеру, заключенные увидели, что все их вещи разбросаны по полу, разбиты или свалены в кучу в центре камеры;

– двое заявителей получили травмы в результате первых учений, и все трое получили травмы во время вторых учений. Сторонний врач установил, что у одного из заявителей сломаны ребра;

– заявители просили оказать им медицинскую помощь сразу после учений и на следующий день, но ничего не было сделано, поэтому им пришлось оказывать медицинскую помощь друг другу;

– травмы, нанесенные заключенным в ходе общего обыска, не были зарегистрированы, и никаких записей об этих травмах нет.

Здесь я кратко перечислил факты, более полную информацию и разъяснения о том, как они были установлены, можно найти в решении.

### *Эволюция практики Суда по статье 3 Конвенции*

В межгосударственном деле *Ireland v. the United Kingdom* Суд должен был изучить вопрос о так называемых «пяти способах допроса», приравненных к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или даже пыткам, по смыслу статьи 3 Конвенции. В 1978 году Суд постановил (Series A no. 25, §§ 167 et seq.):

«Суд считает, что хотя, с одной стороны, существует насилие, достойное осуждения как по моральным соображениям, так и – в большинстве случаев – по национальному законодательству государств-участников, не подпадающее, однако, под действие статьи 3 Конвенции, с другой стороны, ясно, что Конвенция, различая «пытки» и «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение», пытается с помощью первого из этих терминов заклеить намеренное бесчеловечное обращение, причиняющего очень серьезные и жестокие страдания.

Кроме того, кажется, что именно на этом соображении основывается статья 1 *in fine* Резолюции 3452 (XXX) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 9 декабря 1975 года, которая предусматривает: «Пытки представляют собой тяжкий и преднамеренный вид жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания».



Хотя пять методов, примененных в совокупности, несомненно, представляют собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, хотя целью их применения было получение признаний, имен других лиц и/или информации и хотя они применялись систематически, они не причинили особо сильных и жестоких страданий, какие понимаются под словом «пытки» в таком толковании.

168. Суд пришел к выводу, что применение этих пяти методов составляло практику бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, которая нарушала статью 3».

Эта практика и, в частности, порог бесчеловечного обращения и пыток, были рассмотрены в решении Суда по делу *Selmouni v. France* в 2001 году. Суд установил следующие факты по этому делу (ECHR 1999-V):

«102. Суд убедился, что г-ну Селмуни было нанесено множество ударов. Независимо от состояния здоровья человека можно предположить, что такое интенсивное избиение причинило значительную боль. Кроме того, удар не обязательно оставляет видимые следы на теле. Тем не менее, из медицинского заключения д-ра Гарнье от 7 декабря 1991 года видно..., что следы насилия, примененного к г-ну Селмуни, видны почти на всем его теле.

103. Суд также отмечает, что заявителя таскали за волосы; его заставили бежать по коридору, вдоль которого стояли полицейские, делая ему подножки; его вынудили стать на колени перед молодой женщиной, которой кто-то сказал: «Вот, сейчас ты услышишь, как кто-то запоеет»; один из полицейских показал ему свой пенис, говоря: «Давай, пососи его», а затем помочился на него; ему угрожали паяльной лампой, а затем шприцем... Помимо насильственного характера вышеуказанных актов, Суд должен отметить, что они были бы отвратительными и унижительными для любого человека, независимо от его положения.

104. Наконец Суд отмечает, что эти события не ограничивались каким-либо определенным периодом содержания под стражей в течение которого – хотя этому и нет оправдания – повышенная напряженность и возбуждение могли бы привести к таким эксцессам. Было четко установлено, что г-н Селмуни неоднократно и регулярно подвергался насилию в течение нескольких дней допросов...».

В деле *Selmouni* Суд провел различие между этими фактами и фактами дела *Ireland v. United Kingdom*. Суд не сомневался, что обращение, которому подвергся заявитель, представляет собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в нарушение статьи 3 Конвенции (§ 99). Возникает вопрос, однако, было ли это обращение пытками. В деле *Selmouni* Суд постановил:

«100. Остается установить в данном случае, могут ли «боль и страдания», причиненные г-ну Селмуни, считаться «жестокими» по смыслу статьи 1 Конвенции ООН. Суд считает, что эта «жестокость», как и «минимальная жестокость», необходимая для применения статьи 3, относительно по своей природе и зависит от всех обстоятельств дела, таких, как продолжительность обращения, его физические или психические последствия, а в некоторых случаях, пол, возраст, состояние здоровья жертвы и т.д.

101. Суд ранее уже рассматривал случаи, в которых он пришел к выводу, что примененное обращение нельзя назвать иначе, как пытки (см. решение по делу *Aksoy*, цит. выше, стр. 2279, § 64, и решение *Aydın*, цит. выше, с. 1891 92, §§ 83-84 и 86). Однако, учитывая, что Конвенция является «живым инструментом, который должен толковаться в свете современных условий» (см., среди прочего, следующие решения: *Tyrer v. the United Kingdom*, 25 April 1978, Series A no. 26, pp. 15-16, § 31; *Soering* cited above, p. 40, § 102; and *Loizidou v. Turkey*, 23 March 1995, Series A no. 310, pp. 26-27, § 71), Суд считает, что определенные действия, которые в прошлом классифицировались как «бесчеловечное и унижающее достоинство обращение», а не как «пытки», могут в будущем быть классифицированы иначе. Он считает, что все более и более жесткий стандарт в области защиты прав человека и основных свобод, соответственно и неизбежно требует большей твердости при оценке нарушений основных ценностей демократического общества».

В результате, с учетом обращения с заявителем в деле *Selmouni*, Суд пришел к следующему выводу:

«При таких обстоятельствах, Суд считает, что физическое и психическое насилие в отношении заявителя причинило «жестокие» боль и страдания и было особенно серьезным и жестоким. Такое поведение должно рассматриваться как применение пыток, в соответствии со статьей 3 Конвенции».

*Оценка фактов в этом деле в свете статьи 3 и практики, связанной с делом Selmouni*

Дело *Selmouni* – один из наиболее важных, если не самый важный прецедент Суда, касающийся порога бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и пыток в соответствии со статьей 3 Конвенции. Таким образом, факты данного дела должны оцениваться в свете этого решения.

Конечно, нелегко сравнивать факты различных дел. Тем не менее, возможно отметить некоторое сходство между делом *Selmouni* и данным делом.

И в деле *Selmouni*, и в данном деле сотрудники образовывали «коридор», сквозь который бежали заявители. В обоих случаях заявители были жестоко избиты. В деле *Selmouni* полицейский обнажился и помочился на заявителя, а в данном случае двоих заявителей заставили раздеться и бежать голыми с головой, наклоненной к коленям, в то время как их били. В деле *Selmouni* заявителю угрожали паяльной лампой и шприцем, в здесь заявителей запугивали вооруженные сотрудники в масках и в камуфляжной форме, которые стреляли холостыми патронами и взрывали петарды, стучали дубинками по щитам и врывались в тюремные камеры.

Некоторые факты в данном случае представляются более серьезными, чем в деле *Selmouni*. Так, один заявитель получил переломы ребер. Кроме того, одного из заявителей избил ногами сотрудник в тяжелых солдатских ботинках, причем так сильно, что он потерял сознание.

Кроме того, со времени принятия решения по делу *Selmouni* мы знаем, что *все* обстоятельства дела должны рассматриваться и оцениваться в совокупности. На мой взгляд, данной практике не соответствует то, что в настоящем решении отсутствие медицинской помощи рассматривалось отдельно как основание для дальнейших выводов о жестоком обращении (§§ 292-296). Напротив, все эти аспекты должны были рассматриваться как неотъемлемая часть обращения с заявителями. В свете этого, отсутствие медицинской помощи усугубило положение заявителей.

Наконец, – и, возможно, наиболее важно, в этом случае учения особенностью в том, что оба раза планировались заранее. Заявители должны были стать частью событий, которые с самого начала могли привести, и, в конце концов, привели, к унижительному и мучительному обращению. Первые учения 30 мая 2001 года были запланированы и утверждены высшими должностными лицами. Впоследствии, имея информацию о том, что произошло во время первых учений, очередные учения были запланированы на 29 января 2001 года. Эта преднамеренность, на мой взгляд, является серьезным аспектом дела.

### *Заключение*

На мой взгляд, в настоящем решении Суд не применил все более и более высокие стандарты, которые сам установил в деле *Selmouni*, в частности, в отношении соответствующего порога для определения пыток в значении статьи 3 Конвенции. В данном случае, должны были быть сделаны такие же выводы, как и в том деле.

Таким образом, принимая во внимание уязвимое положение настоящих заявителей, я считаю, что физическое и психическое насилие, умышленно примененное к ним, рассматриваемое в совокупности, причинили сильную боль и страдания и были особо тяжкими и жестокими.

На мой взгляд, такое обращение должно рассматриваться как пытки в значении статьи 3 Конвенции.